

P.O. muss. 66 ^w
15

ПѢСНИ

РУССКАГО НАРОДА.

Часть пятая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ САХАРОВА.

1839.

79/72/55

93

Р. о. тисл. 66^W / 5

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

СЪ ТѢМЪ, ЧТОБЪ ПО ОТПЕЧАТАНИИ ПРЕДСТАВЛЕ-
НО БЫЛО ВЪ ЦЕНСУРНЫЙ КОМИТЕТЪ УЗАКОНЕН-
НОЕ ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ. С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Января, 19 дня, 1839 года.

ЦЕНСОРЪ П. КОТЛАНОВЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Sacharov, Ivan
Petrovich

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

О Бояне, соловію стараго времени ! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летал умомъ подъ облаки, свивая славы оба полы сего времени... Чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!

ТАКЪ думалъ я, оканчивая ИЗДАНИЕ пятой части пѣсень Русскаго народа. РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ПРЕДСТАВЛЯЛАСЬ МНѢ ВЕЛИКОЮ И ОБШИРНОЮ, СЪ НАРОДНОСТІЮ, СОЗДАННОЮ ВѢКАМИ; ДѢЛА РОДНОЙ ЗЕМЛИ ЯВЛЯЛИСЬ ВЪ ГИГАНТСКИХЪ РАЗМѢРАХЪ. ЖЕЛАНИЕ МОЕ—СОХРАНИТЬ РОДНЫЯ ПѢСНИ—НЕ ИМѢЮ ГРАНИЦЪ; ОНО-ТО УВЛЕКЛО МЕНЯ КЪ ТРУДАМЪ ВЫШЕ СИЛЪ МОИХЪ, НАДѢ

КОТОРЫМИ Я ТРУДИЛСЯ ОДИНЪ, КАКЪ ЧАСТ-
 НЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ, ПОСВЯТИВЪ НА ВСЕ НЕ БО-
 ЛѢ ДЕСЯТИ ЛѢТЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.
 БЫЛО НА РУСИ СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ, ПОЧТИ
 СОВРЕМЕННОЕ НАМЪ, КОГДА ДУМАЛИ, ЧТО
 ДОВОЛЬНО ОДНОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКИ,
 ЧТОБЫ РАСКРЫТЬ ВСѢ НЕДОСТАТКИ ПИСА-
 ТЕЛЯ. И КТО НЕ УТѢЩАЛСЯ ЭТОЮ МЫСЛЮ!
 НЫНѢ ОБЪ ЭТОМЪ ВРЕМЕНИ УЖЕ ТОЛЬКО
 ВСПОМИНАЮТЪ, КАКЪ О ПРОШЕДШЕМЪ. ТЕ-
 ПЕРЬ СУДЯТЪ ПИСАТЕЛЯ ВСѢ ЛЮДИ ГРА-
 МАТНЫЕ, ВСЕЮ РУССКОЮ ЗЕМЛЕЮ: ИХЪ-ТО
 СУДЪ ЕСТЬ СУДЪ ПРАВОТЫ И НАГРАДА ЗА
 ВСѢ ТРУДЫ.

СОБРАНІЕ МОЕ НЕПОЛНО — ЭТО Я САМЪ
 ЗНАЮ БОЛѢ ДРУГИХЪ; УВѢРЕНЪ ДАЖЕ,
 ЧТО ОНО НЕ СОСТАВЛЯЕТЪ ТЫСЯЧНОЙ ДОЛИ

ВСЕГО, ЧТО МОЖНО СДѢЛАТЬ СОЕДИНЕННЫМИ СИЛАМИ, ТРУДАМИ МНОГИХЪ ЛЮДЕЙ. ЗА ТО СЪ РАДОСТІЮ БУДУ ОЖИДАТЬ ПОСЛѢДУЮЩИХЪ СОБРАНІЙ ПѢСЕНЪ МОИХЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВЪ; ПЕРВЫЙ ВСТРѢЧУ ИХЪ СЪ РУССКОЮ ЛЮБОВІЮ КЪ РОДНОЙ СТАРИНѢ; ПЕРВЫЙ ПОРАДУЮСЬ ИХЪ ПОЯВЛЕНІЮ, КАКЪ ВѢРНОМУ ИСКУПЛЕНІЮ МОИХЪ НЕДОСТАТКОВЪ.

СВЯЩЕННОЮ ОБЯЗАННОСТІЮ ПОЧИТАЮ ПРИНЕСТЬ БЛАГОДАРНОСТЬ ПРОСВѢЩЕННЫМЪ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМЪ, УДОСТОИВШИМЪ БЛАГОСКЛОННЫМЪ ВНИМАНІЕМЪ МОИ ЗАНЯТІЯ. СОЗНАЮСЬ ОТКРОВЕННО, ЧТО ОНО БЫЛО ВЫШЕ ТРУДОВЪ МОИХЪ, И ПРЕВЗОШЛО ВСѢ МОИ ОЖИДАНИЯ! СЪ ТАКИМЪ РАДОСТНЫМЪ УТѢШЕНІЕМЪ, Я ВЕСЕЛО ПЕРЕ-

ХОДИЛЪ ОТЪ ОДНОГО ЗАНЯТІЯ КЪ ДРУГОМУ, И СТАРАЛСЯ ВЫПОЛНИТЬ ВСЕ, ЧТО КАЗАЛОСЬ МНѢ НЕОБХОДИМЫМЪ И НУЖНЫМЪ.

НЕ МОГУ УМОЛЧАТЬ О РЕВНОСТНОМЪ СОДѢЙСТВІИ ЛЮДЕЙ, СПОСОБСТВОВАВШИХЪ КЪ ИСПОЛНЕНІЮ ТРУДА. А. И. КАСТЕРИНЪ ПРЕДЛОЖИЛЪ МНѢ ИЗДАТЬ ПѢСНИ ОТДѢЛЬНО ОТЪ СКАЗАНІЙ, И ЕГО УЧАСТІЮ Я ОБЯЗАНЪ И ДОПОЛНЕНІЕМЪ ПѢСЕНЪ И ИЗДАНІЕМЪ ВСѢХЪ ПЯТИ ЧАСТЕЙ. И. Т. ЯКОВЛЕВЪ РЕВНОСТНО ПРИНЯЛСЯ ДОПОЛНЯТЬ МОЕ СОБРАНІЕ, И ПО ЕГО УЧАСТІЮ И ЛЮБВИ КЪ РУССКИМЪ ДРЕВНОСТЯМЪ, ОНО ОБОГАЩЕНО БЫЛО САМЫМИ РѢДКИМИ ПѢСНЯМИ.

БЫЛИНЫ
РУССКАГО НАРОДА.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ СОХРАНИЛАСЬ ВЪ ПѢСНЯХЪ И СКАЗКАХЪ; НО ДРЕВНОСТЬ НАШИХЪ ПѢСЕНЪ И СКАЗОКЪ НЕ ТАКЪ ДАЛЕКА, КАКЪ ПРЕЖДЕ ДУМАЛИ. ПРИ ВСѢХЪ ТЩАТЕЛЬНЫХЪ ИЗЫСКАНІЯХЪ, МЫ ДОЛЖНЫ СКАЗАТЬ ОТКРОВЕННО, ЧТО ОНИ ДОСТАЛИСЬ НАМЪ СОВЕРШЕННО ВЪ ДРУГОМЪ ВИДѢ, СОХРАНЯЯ ТОЛЬКО СЛѢДЫ ПЕРВАГО ИХЪ ТВОРЧЕСТВА. ВРЕМЯ ВСЕ СКРЫЛО: И ПЕРВОБЫТНОЕ ИХЪ ПОЯВЛЕНІЕ И ФОРМЫ ЯЗЫКА, ВЪ КАКІЯ ОНИ ОБЛЕЧЕНЫ БЫЛИ. ОТЪ ТОГО САМАГО МЫ ТЕПЕРЬ НЕ МОЖЕМЪ СЛѢДОВАТЬ НИ ЗА ИХЪ ПОЯВЛЕНІЕМЪ, НИ ЗА САМЫМЪ ИЗМѢНЕНІЕМЪ. ОДНИ ТОЛЬКО ИСТОРИЧЕСКІЯ БЫЛИНЫ ПРОЛАГАЮТЪ ПУТЬ КЪ ВѢРНЫМЪ УКАЗА-НІЯМЪ.

ОТВЕРГАТЬ САМОБЫТНОСТЬ РУССКОЙ ПОЭЗИИ
 ВЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ И СКАЗКАХЪ УЖЕ НЕ
 ВОЗМОЖНО. Эти несчастныя времена давно
 прошли. Наше время требуетъ отъ насъ
 основательныхъ изысканій, и въ своихъ тре-
 бованіяхъ указываетъ на существенныя на-
 значенія. Всѣми признано, что Русская на-
 родная поэзія, создавшая пѣсни и сказки
 происходитъ изъ одного источника — думъ
 народныхъ. Это дѣло рѣшеное, какъ об-
 щая мысль. Поэзія пѣсенъ, поэзія сказокъ
 есть одна и таже, потому что творчество
 произвело то и другое; но самыя идеи и
 исполненія ихъ указываютъ на рѣзкія от-
 личія. Сказки дошли до насъ въ мѣрной
 прозѣ, облеченныя въ формы поэтическаго
 языка. Пѣсни съ незапамятныхъ временъ
 являются въ раздѣльныхъ стихахъ. Изъ

ВСѢХЪ ВЫВОДОВЪ ОТКРЫВАЕТСЯ , ЧТО СКАЗКИ
 ПРЕДШЕСТВОВАЛИ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ПѢСНЯМЪ.
 ПРЕДМЕТЪ СОВЕРШЕННО НОВОЙ ВЪ Рус-
 ской Археологии, РАСКРЫВАЮЩІЙ УДИВИТЕЛЬ-
 НЫЕ ВОПРОСЫ ДЛЯ БУДУЩИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ.
 ВЪ НАШИХЪ СКАЗКАХЪ СОХРАНЯЮТСЯ НАРОДНЫЯ
 ПОЭМЫ, ИСТОРИЧЕСКІЯ БЫЛИ, РАЗНЫЕ РОДЫ
 СТИХОТВОРЕНІЙ, ИЗДАННЫЕ ГГ. ЯКУБОВИЧЕМЪ И
 КАЛАЙДОВИЧЕМЪ.

Для ПЕРВАГО ОПЫТА Я ПРЕДЛАГАЮ НА СУДЪ
 АРХЕОЛОГОВЪ ОДНО ЗАМѢЧАНІЕ.

К. Θ. КАЛАЙДОВИЧЪ , ИЗДАВШИ «ДРЕВНІЯ
 Россійскія СТИХОТВОРЕНІЯ,» ПИСАЛЪ ВЪ ПРЕ-
 ДИСЛОВІИ: «Оригиналъ древнихъ Русскихъ
 СТИХОТВОРЕНІЙ ПИСАНЪ БЕЗЪ ОРѢОГРАФІИ И
 РАЗДѢЛЕНІЯ СТИХОВЪ; ПОСЕМУ ВЪ ИЗДАНІИ НА-
 ШЕМЪ ИСПРАВЛЕНА ПЕРВАЯ И РАЗДѢЛЕНЫ ПО-
 СЛѢДНІЕ.» Это ОБЪЯСНЕНІЕ НЕ УКАЗЫВАЕТЪ ЛИ

ПРЯМО, ЧТО ВЪ РУКОПИСИ СТИХОТВОРЕНІЯ ПЕРЕ-
 ПИСАНЫ БЫЛИ ПРОЗАИЧЕСКИ, ЧТО СТИХОТВОРЧЕ-
 СКАЯ ФОРМА СОСТАВЛЕНА БЫЛА ИЗДАТЕЛЯМИ,
 гг. ЯКУБОВИЧЕМЪ И КАЛАЙДОВИЧЕМЪ. ИНАЧЕ
 ТАКОГО УКАЗАНІЯ ПОНИМАТЬ НЕЛЬЗЯ. СРАВНИ-
 ВАЯ СТИХОТВОРЕНІЯ СЪ НАРОДНЫМИ СКАЗКАМИ,
 МЫ ОТЫСКАЛИ ВЪ НИХЪ САМЫЙ ИСТОЧНИКЪ. ДО-
 КАЗАТЕЛЬСТВА НАШИ МЫ ПРЕДЛАГАЕМЪ ВЪ НА-
 РОДНЫХЪ СКАЗКАХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ КОН-
 ЦѢ КНИГИ. ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ ВЪ
 БЫЛИНАХЪ И СКАЗКАХЪ ПОВѢРЯТЬ НАШИ МЫСЛИ,
 ОТСРАНАЯ ОТЪ СЕБЯ ВСѢ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ, КО-
 ГДА ДѢЛО ИДЕТЬ ОБЪ ИСТИНѢ.

ВЪ 1828 ГОДУ, РАЗБИРАЯ ВЪ БИБЛИОТЕКѢ
 ТУЛЬСКАГО КУПЦА БѢЛЬСКАГО СТАРЫЯ РУКОПИ-
 СИ, Я ОТЫСКАЛЪ СБОРНИКЪ, ПИСАННЫЙ ВЪ НА-
 ЧАЛѢ XVIII вѢКА. ВЪ ЭТОМЪ СБОРНИКѢ НА-
 ХОДИЛИСЬ ВМѢСТѢ СЪ СКАЗКАМИ И ЧАСТЬ ДРЕВ-

нихъ стихотвореній, изданныхъ г. Калайдовичемъ подъ мнимымъ названіемъ Кирши Данилова. Въ сборникъ Бѣльскаго находилось семь пьесъ, совершенно одинаковыхъ, съ изданными Калайдовичемъ. Разность заключилась въ томъ, что одна и таже пьеса у Калайдовича напечатана была въ видѣ двухъ иногда трехъ отдѣльныхъ стихотвореній, съ особенными заглавіями. По содержанію и по изложенію мыслей пьесы составляютъ одно цѣлое; главное дѣйствующее лице является также одно. Посему-то самому мнѣ казалось, что раздѣленіе, принятое Калайдовичемъ, было произвольное. Подражать такому раздѣленію я не находилъ надобности. Всѣ, списанныя пьесы съ рукописи Бѣльскаго напечатаны теперь подъ названіемъ: Былины Рус-

**СКИХЪ ЛЮДЕЙ. СКАЗКИ ЖЕ, УКАЗЫВАЮЩІЯ НА
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ИДЕАЛЪ ЭТИХЪ БЫЛИНЪ ПО-
МѢЩЕНЫ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.**

БЫЛИНЫ

РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

І. ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ¹.

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго, Осударь², Князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву,
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,

А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ, мѣлкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ ворогушковъ,
По повалушамъ⁵ стрѣляетъ онъ сизыхъ го-
лубей.

Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,
И во тотъ переулочъ Марининъ,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
На ея высокіе терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ, высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя;
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ,
Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.

Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются;

СТРѢЛЯЕТЪ ВЪ СИЗЫХЪ ГОЛУБЕЙ;
 А СПѢЛА, ВѢДЬ, ТЕТИВКА У ТУГА ЛУКА,
 ЗВЫЛА, ДА ПОШЛА КОЛЕНА СТРѢЛА.
 По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося,
 ЛѢВАЯ НОГА ЕГО ПОСКОЛЬЗНУЛА,
 ПРАВАЯ РУКА УДРОГНУЛА:
 НЕ ПОПАЛЪ ОНЪ ВЪ СИЗЫХЪ ГОЛУБЕЙ;
 ЧТО ПОПАЛЪ ОНЪ ВЪ ОКОШЕЧКО КОСЯЩАТОЕ,
 ПРОЛОМИЛЪ ОНЪ ОКОННИЦУ СТЕКОЛЬЧАТУЮ,
 ОТШИБЪ ВСѢ ПРИЧАЛИНЫ СЕРЕБРЯНЫЯ,
 РАЗШИБЪ ОНЪ ЗЕРКАЛО СТЕКОЛЬЧАТОЕ,
 БѢЛОДУБОВЫ СТОЛЫ ПОШАТАЛИСЯ,
 ЧТО ПИТЬЯ МЕДВЯНЫЯ⁴ ВОЗПЛЕСНУЛИСЯ.
 А ВТАПОРЫ МАРИНЪ БЕЗВРЕМЕНЬЕ БЫЛО,
 УМЫВАЛАСЯ МАРИНА, СНАРЯЖАЛАСЯ,
 И БРОСИЛАСЯ НА СВОЙ ШИРОКОЙ ДВОРЪ.
 «А КТО ЭТО НЕВѢЖА НА ДВОРЪ ЗАХОДИЛЪ?
 А КТО ЭТО НЕВѢЖА ВЪ ОКОШКО СТРѢЛЯЕТЪ?»

Проломилъ оконницу мою стекольчатую ,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя ,
Разшибъ зеркало стекольчатое? »

И втѣпоры Маринѣ за бѣду стало:

Брала она слѣды горячіе, молодецкіе^ѣ,

Набирала Марина беремя дровъ,

А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,

Клала дровца въ печку муравленую

Со тѣми слѣды горячими,

Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,

И сама она дровамъ приговариваетъ:

«Сколь жарко дрова разгораются

Со тѣми слѣды молодецкими,

Разгоралось бы сердце молодецкое,

Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича!

А и Божье крѣпко, вражье-то лепко! »

Взяло Добрыню пуще остраго ножа

По его по сердцу богатырскому;

Онъ съ вечера, Добрыня, хлѣба не ѣсть,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его-то щаски великія,
Рано зазвонили ко заутренямъ;
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабелку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ:
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки, красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки:
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вшелъ онъ, Добрыня, во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,

Она, молода Марина, отказываетъ и при-
браниваетъ.

Втапоры Добрыня ни во что положилъ,
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ.
А стала его Марина въ окошко бранить,
ему больно пѣнять.

Завидѣвъ Добрыня онъ Змѣя Горынчата⁶.

Тутъ ему за бѣду стало,

За великую досаду показалось.

Сбѣжалъ на крылечко на красное,

А двери у терема желѣзныя,

Заперлася Марина Игнатьевна.

А и молодой Добрыня Никитичъ младъ,

Ухватить бревно онъ охватъ толщины,

А ударилъ во двери желѣзныя,

Не доладомъ изъ пяты онъ вышибъ вонъ,

И сбѣжалъ онъ на сѣни кссящаты.

Бросилась Марина Игнатьевна

Бранить Добрыню Никитича:

«Деревенщина ты дѣтина, зашельщина!

Вчерась ты, Добрыня, на дворъ заходилъ,

Проломилъ мою оконницу стекольчатую,

Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое.»

А бросится Змѣища Горынчища,

Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,

А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ.

А и самъ тутъ Змѣй почалъ бранить его,

Больно пѣняти: «не хочу я звати Добрынею,

Не хочу величать Никитичемъ;

Называю-те: дѣтиною деревенщиною и за-
шельщиною.

Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?

Проломилъ ты оконницу стекольчатую,

Разшибъ зеркало стеколчатое?»

Ему тутот-ко, Добрынѣ, за бѣду стало,

И за великую досаду показалось.

Вынималъ саблю острую,
 Воздымалъ выше буйны головы своей:
 «А и хочешь ли тебя, Змѣя, изрублю я
 Въ мѣлкія части пирожныя,
 Разбросаю далече по чистому полю?»

А и тутъ Змѣй Горыничъ хвостъ поджавъ,
 Да и вонъ побѣжалъ;
 Взяла его страсть, такъ зачалъ.....
 Околышки металъ, по три пуда.....
 Бѣгучи онъ, Змѣй, заклиняется:
 «Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
 Есть у нее не одинъ я другъ,
 Есть лучше меня и повѣжливе.»

А молода Марина Игнатьевна
 Она высунулась по поясъ въ окно,
 Въ одной рубашкѣ безъ пояса;
 А сама она Змѣя уговариваетъ:
 «Воротись милъ надежа, воротись другъ!

Хошь я Добрыню оберну клячею водо-
возною ?

Станеть-де Добрыня на меня и на тебя
воду возить;

А еще хошь я Добрыню оберну гнѣдымъ
туромъ? »

Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходять девять туровъ,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Безвѣстно нестало богатыря молода,
Добрыни Никитьевича,
Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.
А много-де прошло поры, много вре-
мени:

А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,

По нашему-то Сибирскому словеть полгода.

У Великаго Князя вечеринка была,
 А сидѣли на пиру честныя вдовы,
 И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
 Честна вдова Аѳимья Александровна,
 А другая честна вдова, молода Анна Ива-
 новна,

Что Добрынина матушка крестовая.
 Промежу собою разговоры говорятъ,
 Все были рѣчи прохладныя.
 Неотколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
 Водилася съ дитятами Княженецкими,
 Она больно Марина упивалася,
 Голова на плечахъ не держится,
 Она больно Марина похваляется:
 «Гой еси вы, княгини, боярыни!
 Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
 А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя:

А и я-де обернула девять молодцовъ ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми
турами;

А и нынѣ я-де отпустила десятого мо-
лодца,

Добрыню Никитьевича,
Онъ всѣмъ атаманъ—золотые рога.»

За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Аѳимья Александровна;
Наливала она чару зеленого вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала :
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича;

Извела его Марина Игнатьевна, —

А и нынѣ на пиру похваляется.»

Проговорить Анна Ивановна:

«Я-де сама эти рѣчи слышала,

А слышала рѣчи ея похваленныя.»

А и молода Анна Ивановна

Выпила чару зелена вина,

А Марину она по щекѣ ударила,

Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,

А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,

Сама она Марину больно бранить:

«А и сука ты..... еретница.....!

Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,

Сижу я на пиру, не хвастаю.

А и хошь ли я тебя сукой оберну?

А станешь ты, сука, по городу ходить,

А станешь ты, Марина, много за собой

псовъ водить.»

А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое; —
Обернулася Маринка косаточкой,
Полежала далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходять девять туровъ,
Девять ератаниковъ, —

Добрыня-то ходить десятой туръ;
А съла она на Добрыню, на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило,
И зыбучія волота напрокучили.

А и хошь, Добрыня, жениться?
Возмешь ли, Никитичъ, меня за себя?»

«А право возьму, ей Богу возьму!
А и дамъ-те, Марина, поученьце,
Какъ мужья женъ своимъ учать.»

Тому она, Марина, повѣрила,

ОБЕРНУЛА ЕГО ДОБРЫМЪ МОЛОДЦОМЪ,
ПО СТАРОМУ, ПО ПРЕЖНЕМУ,
КАКЪ БЫ СИЛЬНЫМЪ МОГУЧИМЪ БОГАТЫРЕМЪ;
САМА ОНА ОБЕРНУЛАСЯ ДѢВИЦЕЮ.
ОНИ ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ ЖЕНИЛИСЯ,
КРУГЪ РУБИТОВА КУСТА ВѢНЧАЛИСЯ.

ПОШЕЛЪ ОНЪ КО ГОРОДУ КО КІЕВУ ,
А ИДЕТЬ ЗА НИМЪ МАРИНА....
ПРИШЛИ ОНИ КО МАРИНѢ НА ВЫСОКЪ ТЕРЕМЪ,
ГОВОРИЛЪ ДОБРЫНЮШКА НИКИТИЧЪ МЛАДЪ:
«А И ГОЙ ТЫ ЕСИ, МОЯ МОЛОДАЯ ЖЕНА,
МОЛОДА МАРИНА ИГНАТЬЕВНА!
У ТЕБЯ ВЪ ВЫСОКИХЪ ХОРОШИХЪ ТЕРЕМАХЪ
НѢТУ СПАСОВА ОБРАЗА,
НЕ КОМУ У ТЯ ПОМОЛИТСЯ,
НЕ ЗА ЧТО СТѢНАМЪ ПОКЛОНИТСЯ.
А И ЧАЙ МОЯ ОСТРАЯ СЛѢЛЯ ЗАРЖАВѢЛА?»
А И СТАЛЪ ДОБРЫНЯ ЖЕНУ СВОЮ УЧИТЬ ,

Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, ... безбожницу ;

Онъ первое ученье ей руку отсѣкъ,

Самъ приговариваетъ :

«Эта мнѣ рука не надобна;

Трепала она рука Змѣя Горынчища.»

А второе ученье ноги ей отсѣкъ :

«А и эта-де нога мнѣ не надобна ;

Оплеталася со Змѣемъ Горынчищемъ.»

А третье ученье губу ей обрѣзалъ и съ

носомъ прочь:—

«А эти-де губы не надобны мнѣ;

Цѣловали онъ Змѣя Горынчища?»

Четвертое ученье голову ей отсѣкъ и съ

языкомъ прочь:

«А и эта голова не надобна мнѣ,

И этотъ языкъ не надобенъ ;

Зналъ онъ двѣ еретическія.»

Въ стольномъ городѣ въ Кіевѣ,
 Что у ласкова, Осударь, Князя Владиміра,
 Было пированье, почестной пиръ,
 Боло столованье, почестной столъ
 На многіе Князи и бояра
 И на Русскіе могучіе богатыри;
 А и будетъ день въ половину дня,
 И будетъ столъ во полу столъ⁷.

Владиміръ Князь разпотѣшился,
 По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
 Черны кудри разчесываетъ,
 Таковы слова поговариваетъ:

«Есть ли въ Кіевѣ таковъ челоувѣкъ,
 Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
 А кто бы сослужилъ службу дальнюю,
 А и дальнюю службу, заочную?
 Кто бы съѣздилъ въ Орды немирныя,
 И очистилъ дороги прямоѣзжія

До моего тестя любимаго,
 До грозна Короля Этмануйла Этмануйло-
 вича,

Вырубилъ Чудь бѣлоглазую.
 Прекротилъ Сорочину долгополую,
 А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
 И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
 Чюкши всѣ бы и Алюторы⁸? »

Втапоры большой за меньшаго хоронится,
 А отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣтъ.

Изъ того было стола Княженецкаго,
 Изъ той скамьи богатырскія
 Выступается удалъ доброй молодецъ,
 Молодой Добрыня Никитичъ младъ.
 «Гой еси, сударь, ты мой дядюшка,
 Ласково солнце, Владиміръ Князь!
 Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ
 Быть передъ Княземъ невольникомъ;

Я сослужу службу дальнюю,
 Службу дальнюю, заочную,
 Съѣзжу я въ Орды немирныя,
 Очищу дороги прямоѣзжія
 До твоего тестя любимаго,
 До грозна Короля Этмануйла Этмануйло-
 вича;

А и вырублю Чюдь бѣлоглазую,
 Прекрочу Сорочину долгополую,
 А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскіихъ,
 И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
 Чюкши всѣ и Алюторы.»

Втапоры Владиміръ Князь
 Приказалъ наливать чару зелена вина въ
 полтора ведра,
 И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья
 ведра.

Подавали Добрынѣ Никитичу.

Принимаетъ онъ, Добрыня, единой рукой,
 Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ
 И турій рогъ меду сладкаго.

И пошелъ онъ, Добрыня Никитичъ младъ,
 Съ Княженецкаго двора ко своей сударынѣ
 матушкѣ,

Просить благословеніе великое :

«Благослови меня матушка,
 Матера вдова Афимья Александровна!
 Ъхать въ дальны Орды, немирныя.
 Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
 Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.»

Говорила ему матушка:

«На кого покидаешь молодѣ жену,
 Молоду Настасью Никулишну?
 За чѣмъ же ты, дитятко, и брамъ за себя?
 Что не прошли твои дни свадебныя,
 Не успѣлъ ты отпраздновати радости своей,

Да передъ Княземъ разхвастался въ походъ
идтить.»

Говорилъ ей Добрынюшка Никитьевичъ:
«А ты гой еси, моя сударыня матушка,
Честна вдова Афимья Александровна!
Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
Изъ чего же насъ богатырей Князю и жа-
ловати?»

И даетъ ему матушка свое благословеніе
великое

На тѣ годы уреченные.

Прощается Добрыня Никитичъ младъ
съ молодой женой, съ душой Настасьей
Никулишной,

Самъ молодой женѣ наказываетъ:

«Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ,
А есть ли бо не дождешься въ шесть лѣтъ,
То жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;

Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
 Хоть за Князя поди, хоть за боярина,
 Не ходи только за брата названаго,
 За молода Алешу Поповича. »—

И повхалъ Добрыня Никитичъ младъ
 Въ славныя Орды, немирныя.

А и ѣздитъ Добрыня недѣлю въ нихъ,
 Въ тѣхъ Ордахъ немирныхъ,

А и ѣздитъ уже другую,
 Рубить Чюдь бѣлоглазую,
 И тое Сорочину долгополую,

А и тѣхъ Черкесь Пятигорскихъ,
 А и тѣхъ Калмыкъ съ Татарами,
 И Чюкши всѣ и Алюторы—

Всякимъ языкамъ спуску нѣтъ.

Очистилъ дорогу прямѣзжую

До его-то тестя любимаго,

До грознаго Короля Этмануйла Этмануй-
ловича.

А втапоры Настасьѣ шесть лѣтъ прошло;
И не мало время замѣшкавши,
Прошли ей Никулишинѣ есѣ сполна двѣ-
надцать лѣтъ.

А никто уже на Настасьѣ не сватается,
Посватался Владиміръ Князь стольной Кіев-
ской

А за молода Алешиньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко вѣнцу повезли.

Втапоры Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ градъ;
Старые люди переговариваютъ :
Знать-де полетка соколиная ,
Видѣть и повздка молодецкая,
Что быть Добрынѣ Никитичу.
И проѣхалъ молодецъ на вдовій дворъ,

ПРІВХАТЬ КЪ НЕЙ СЕРЕДИ ДВОРА,
СКОЧИЛЪ ДОБРЫНЯ СО ДОБРА КОНЯ,
ПРИВЯЗАЛЪ КЪ ДУБОВУ СТОЛБУ,
КО ТОМУ КОЛЬЦУ БУЛАТНОМУ.
МАТУШКА ЕГО СТАРЕХОНЬКА;
НЕ КОМУ ДОБРЫНЮШКУ ВСТРѢТИТИ.
ПРИХОДИЛЪ ДОБРЫНЯ ВО СВѢТЛУ ГРИДНЮ,
ОНЪ СПАСОВУ ОБРАЗУ МОЛИТСЯ,
МАТУШКИ СВОЕЙ КЛАНЯЕТСЯ:
« А ТЫ ЗДРАВСТВУЙ, СУДАРЫНЯ МАТУШКА,
МАТЕРА ВДОВА АФИМЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА!
ВЪ ДОМѢ ЛИ ЖЕНУШКА МОЯ? »
ВТАПОРЫ ЕГО МАТУШКА ЗАПЛАКАЛА,
ГОВОРИЛА ТАКОВЫ СЛОВА:
« ГОЙ ЕСИ, МОЕ ЧАДО МИЛОЕ!
А ТВОЯ-ЛИ ЖЕНА ЗАМУЖЬ ПОШЛА,
ЗА МОЛОДА АЛЕШУ ПОПОВИЧА;
НЫНѢ ОНИ У ВѢНЦА СТОЯТЪ. »

И приходит онъ Добрыня Никитичъ младъ
Ко Великому Князю повѣстися.

Втапору Владиміръ Князь съ тою свадьбою
Прѣхалъ отъ церкви на свой Княженец-
кой дворъ,

Пошли во свѣтлы гридни,

Садился за убранные столы;

Приходилъ же тутъ Добрыня Никитичъ
младъ ;

Онъ молится Спасову образу,

Кланяется Князю Владиміру и Княгинѣ
Апраксѣевнѣ,

На всѣ четыре стороны.

«Здравствуй ты, Осударь, Владиміръ Князь,
Со душою Княгинею Апраксѣевною!

Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ Князю служ-
бу заочную,

Създилъ въ дальны Орды, немирныя,

И сдѣлалъ дорогу прямоѣзжую
 До твоего тестя любимаго,
 До грознаго Короля Этмануйла Этмануй-
 ловича :

Вырубилъ Чудь бѣлоглазую ,
 Прекротилъ Сорочину долгополую,
 И тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
 А и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами ,
 Чюкши всѣ и Алюторы. »

Втапору за то Князь похвалилъ :
 « Исполать тебѣ, доброй молодецъ !
 Что служишь Князю вѣрою и правдою. »

Говорить тутъ Добрыня Никитичъ младъ:
 « Гой еси, сударь, мой дядюшка,
 Ласково солнце, Владиміръ Князь !
 Не диво Алешъ Поповичу ,
 Диво Князю Владиміру,
 Хочетъ у жива мужа жену отнять. »

Втапоры Настасья засовалася,
Хочетъ прямо скочить, обезчестить столы.
Говорилъ Добрыня Никитичъ младъ :
«А и ты, душка, Настасья Никулишна!
Прямо не скачи, не безчести столы;
Будетъ пора, кругомъ обойдешь.»
Взялъ за руку ее и вывелъ изъ-за убра-
ныхъ столовъ,
Поклонился Князю Владимиру,
Да и молоду Алешъ Поповичу,
Говорилъ таково слово :
«Гой еси, мой названой братъ,
Алеша Поповичъ младъ!
Здравствуй, женившись! — да не съ кѣмъ
спать.»

Какъ изъ славнаго города Кіева
 Повзжали два могучіе богатыри :
 Повзжалъ Илья Муромецъ
 Со своимъ братомъ названнымъ,
 Съ молодымъ Добрынею Никитичемъ⁹.
 А и будутъ они во чистомъ полѣ,
 Какъ бы сверхъ тоя рѣки Череди,
 Какъ бы будутъ они у матушки у Сафать
 рѣки,

Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ :
 «Гой еси ты, мой, названой братъ,
 Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ!
 Повзжай ты за горы высокія,
 А и я, дескать, поведу подлѣ Сафать рѣки.»

И повхалъ Добрыня на горы высокія,
 И навхалъ онъ, Добрынюшка Никитичъ
 младъ бѣлъ шатеръ.

И начался Добрынь какой сильной могучь
богатырь¹⁰.

Изъ того бѣла шатра полотнянаго
Выходила тутъ баба Горининка ;
Заздорила баба Горынинка ;
Молодой Добрыня Никитичъ
Скочилъ Добрыня со добра коня ,
Напускался онъ на бабу Горининку ;
Учинилася, бой, драка великая:
Они тяжкими палицами ударились ,
У нихъ тяжкія палицы разгорались;
И бросили они палицы тяжкія ,
Они стали уже драться рукопашнымъ боемъ.

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ ,
А ѣздилъ онъ подлѣ Сафать рѣки,
И навхалъ онъ туто бродучій слѣдъ—
И повхалъ и по тому слѣду бродучему,
А навзжаеть онъ богатыря въ чистомъ полѣ,

Онъ Збута Бориса Королевича.

А на втапоры Збуть Королевичъ младъ

И отвязывалъ стремя вожья выжлока,

Со руки опускаетъ ясна сокола, —

А самъ ли-то выжлоку наказываетъ:

«А тепере мнѣ не до тебя пришло;

А и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ,

И корми ты свою буйну голову.»

И ясну соколу онъ наказываетъ:

«Полети ты соколъ на сине море,

И корми свою буйну голову;

А мнѣ молодцу не до тебя пришло.»

Наѣзжаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ.

Какъ два ясна сокола слетались —

И наѣхалъ Збуть Королевичъ младъ,

Напускается онъ на стараго,

На стара казака Илью Муромца,

И стрѣляетъ Илью во бѣлы груди,

Во бѣлы груди изъ туга лука ;
Угодилъ Ильъ онъ во бѣлу грудь.

Ильа Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Не бьетъ его палицей тяжкою,
Не вымаеть изъ налушна тугой лукъ,
Изъ колчана калену стрѣлу,
Не стрѣляетъ онъ Збута Бориса Короле-
вича —

Его только схватилъ во бѣлы руки
И бросаетъ выше дерева стоячаго.

Не видалъ онъ Збуть Борисъ Королевичъ
Что того ли свѣту бѣлаго,
И тоя-то матушки сырой земли —
И назадъ онъ летитъ ко сырой землѣ.

Подхватилъ Ильа Муромецъ Ивановичъ,
На свои онъ руки богатырскія,
Положилъ его да на сыру землю ;
И сталъ Ильа Муромецъ спрашивать :

«Ты скажись мнѣ, молодецъ, дѣдину, от-
чину.»

Говорить Збуть Борисъ Королевичъ младъ:
«Кабы у тебя на грудяхъ сидѣлъ,
Я споролъбы тебѣ, старому, груди бѣлыя.»
И до того его Илья билъ, покуда правду
сказалъ.

А и всговорить Збуть Борисъ Королевичъ
младъ:

«Я того Короля Задонскаго.»

А втапору Илья Муромецъ Ивановичъ,
Глядячи на свое чадо милое—
И заплакалъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«Повзжай ты Збуть Борисъ Королевичъ
младъ,
Повзжай ты ко своей, ты ко своей суда-
рышѣ матушкѣ.

КАБЫ ТЫ ПОПАЛЪ НА НАШИХЪ РУССКИХЪ БО-
 ГАТЫРЕЙ,
 НЕ ОТПУСТИЛИ БЫ ТЕБЯ ОНИ ЖИВАГО ОТЪ
 КІЕВА.»

И ПОЅХАЛЪ ТУТЬ ЗБУТЬ КОРОЛЕВИЧЪ МЛАДЪ,
 И ПРИЅХАЛЪ ТУТЬ ЗБУТЬ КОРОЛЕВИЧЪ МЛАДЪ
 КО ТОМУ ЦАРЮ ЗАДОНСКОМУ,
 КО СВОЕЙ СУДАРЫНЪ МАТУШКЪ.
 МАТУШКЪ СТАЛЪ СВОЮ УДАЧУ РАЗСКАЗЫВАТЬ:
 «А И ГОЙ ЕСИ, СУДАРЫНЯ МАТУШКА!
 ЪЗДИЛЪ Я, ЗБУТЬ КОРОЛЕВИЧЪ МЛАДЪ,
 КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ.
 НА ЕГО ПОТВШНЫХЪ ЛУГАХЪ,
 И НАЅХАЛЪ Я ВЪ ПОЛЪ СТАРАГО
 И СТРЪЛЯЛЪ ЕГО ВО БЪЛЫ ГРУДИ—
 И СХВАТАЛЪ МЕНЯ СТАРОЙ ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛЪ,
 МЕНЯ ЧУТЬ ОНЪ НЕ ЗАБРОСИЛЪ ЗА ОБЛАКО—
 И ОПЯТЬ ПОДХВАТИЛЪ МЕНЯ НА БЪЛЫ ГРУДИ.»

ЕЩЕ ВТАПОРЫ ЕГО МАТУШКА
ТОГО КОРОЛЯ ЗАДОНСКАГО
РАЗИЛАСЯ О СЫРУ ЗЕМЛЮ,
И НЕ МОЖЕТЪ ВО СЛЕЗАХЪ СЛОВО МОЛВИТИ:
„ГОЙ ЕСИ ТЫ, ЗБУТЬ БОРИСЪ КОРОЛЕВИЧЪ
МЛАДЪ!

ПОЧТО ТЫ НАПУЩАЛСЯ НА СТАРАГО?
НЕ НАДО БЫ ТЕБѢ СЪ НИМЪ ДРАТИСЯ,
НАДО БЫ СЪВХАТЬСЯ ВЪ ЧИСТОМЪ ПОЛѢ,
И НАДО БЫ ТЕБѢ ЕМУ ПОКЛОНИТИСЯ
О ПРАВУ РУКУ ДО СЫРОЙ ЗЕМЛИ;
ОНЪ ПО РОДУ ТЕБѢ БАТЮШКА, СТАРОЙ КОЗАКЪ. »

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ, СЫНЪ ИВАНОВИЧЪ,
И ПОВХАЛЪ ОНЪ НА ГОРЫ ВЫСОКІЯ,
А ИСКАТИ ОНЪ БРАТА НАЗВАНАГО,
МОЛОДА ДОБРЫНЮШКУ НИКИТИЧА.
И ДЕРЕТСЯ ОНЪ СЪ БАБОЙ ГОРЫНИНКОЙ —
ЕДВА ДУША ЕГО ВЪ ТѢЛѢ ПОЛУДНУЕТЪ.

Говоритъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

«Гой еси, мой названой братъ,
Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ!
Не умѣешь ты, Добрыня, съ бабой драться,
А бѣй ты бабу.....по щекъ,
Пинай.....»

А женскій полъ отъ того пухолъ.»

А и втапору покорила баба Горынишка;
Говоритъ она баба таковы слова:

«Не ты меня побилъ, Добрыня Никитичъ
младъ,

Побилъ меня старой козакъ,
Илья Муромецъ единымъ словомъ.»

И скочилъ ей Добрыня на бѣлы груди,
И выдергивалъ чингалище булатное,
Хочетъ спороть ей груди бѣлыя.

И молится баба Горынишка:

«Гой еси ты, Илья Муромецъ Ивановичъ!

Не прикажи ты мнѣ рѣзать груди бѣлыя,
 Много у меня въ землѣ останется злата и
 СЕРЕБРА.»

И схватилъ Илья Добрыню за бѣлы руки.
 И повела ихъ баба Горынинка
 Ко своему погребцу глубокому,
 Гдѣ лежитъ золота казна, —
 И довела Илью съ Добрынею.
 И стали они у погребца глубокаго,
 Они сами тутъ богатыри дивуются,
 Что много злата и серебра,
 А цвѣтнаго платя все Русскаго.

Оглянулся Илья Муромецъ Ивановичъ
 Во тѣ во раздолья широкія —
 Молодой Добрынюшка Никитичъ младъ
 Втапоры бабѣ голову срубилъ.

То старина, то и дѣянье. —

Доселява Рязань она селомъ слыла,
 А нынѣ Рязань слыветь городомъ.
 А жилъ во Рязани тутъ богатой гость,
 А гостя-то звали Никитою;
 Живучи-то Никита состарѣлся, переста-
 вился¹¹.

Послѣ вѣку его долгаго
 Осталось житѣе бытѣе, богатство,
 Осталась его матера жена,
 Амелѣа Тимоѣевна,
 Осталось чадо милое,
 Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.
 А и будетъ Добрыня семи годовъ,
 Присадила его матушка грамотъ учиться,
 А грамота Никитичу въ наукъ пошла;
 Присадила его матушка перомъ писать¹².
 А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
 Изволилъ Добрыня погулять молодецъ

Со своею дружиною храброю,
Во тѣ жары Петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня матушка купатися,
Купатися на Сафать рѣку.»
Она вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
«Гой еси ты, чадо милое,
А молодой Добрыня Никитичъ младъ!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на рѣку,
Въ Израѣ рѣкѣ станешь купатися,
Израй рѣка быстрая,
А быстрая она, сердитая;
Не плавай Добрыня за первую струю,
Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.»

Добрыня-то матушки не слушался,
Надѣвалъ на себя шляпу земли Греческой,

Надъ собой онъ Добрыня невзгоды не въ-
даеть.

Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинишкѣ храбрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
Не мнѣ воду грѣть, не тышити ее.»
А всѣ молодцы разболокались,
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
Никто, молодцы, не смѣетъ, никто нейдетъ,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Перекрестясь Добрынюшка, въ Израй рѣку
пошелъ;
А поплылъ Добрынюшка за первую струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю,
А двѣ-то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны.
Никтоколь взялся тутъ лютой звѣрь,

Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича.
 А самъ-то говоритъ Горынчище,
 А самъ онъ змѣй приговариваетъ:
 «А стары люди пророчили,
 Что быть змѣю убѣтому
 Отъ молода Добрынюшки Никитича,
 А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ.»

Молился Добрыня Никитичъ младъ:
 «А и гой еси змѣище, Горынчище!
 Не честь, хвала молодецкая,
 На нагое тѣло напускаешься.»
 И тутъ змѣй Горынчище
 Мимо его пролетѣлъ, —
 А стали его ноги рѣзвыя
 А молода Добрынюшки Никитьевича;
 А гравится онъ ко желту песку,
 А выбѣжалъ доброй молодецъ,
 А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,

Нагребъ онъ шляпу песку желтаго, —
 Налетѣлъ на его змѣй Горынчище,
 Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
 Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить.
 На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
 Бросаетъ шляпу земли Греческой
 Со тѣми пески желтыми
 Ко лютому змѣю Горынчищу;
 Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
 Упалъ змѣй Горынчище
 Во ту во матушку во Израй рѣку;
 Когда ли змѣй исправляется,
 Во то время и во тотъ же часъ
 Свасалъ Добрыня дубину, тутъ убилъ до
 СМЕРТИ.
 А вытѣшилъ змѣя на берегъ,
 Его повѣсилъ на осину на кляпую.
 «Сушися ты, змѣй Горынчище!»

На той-то осинѣ на кляплыя.»

А поплылъ Добрынюшка
По славной матушкѣ по Израй рѣкѣ,
А заплылъ въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище.
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, по поламъ перервалъ;
Нашелъ въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашелъ онъ много злата, серебра,
Нашелъ во палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тоя-то Марью Дивовну —
Выводить изъ пещеры бѣлокаменны.
И собралъ злата, серебра,
Пошелъ ко матушкѣ родимыя своей;
А матушки дома не годилось,
Сидить у Князя Владиміра,

Пришелъ-де онъ во хоромы свои,
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко Князю явиться.

Владиміръ Князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣту не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ Великому Князю Владимиру,
Онъ Спасову образу молится,
Владимиру Книзю поклоняется;
Скочилъ Владимиръ на рѣзвы ноги,
Хвата Добрынюшку Никитича,
Цѣловалъ его во уста сахарныя.
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,
Цѣловала его во уста сахарныя.
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выпрашивать:
А гдѣ побывалъ, гдѣ ночевалъ?

Говорить Добрыня таково слово:

«Ты гой еси, мой сударь, дядюшка,
Князь Владиміръ, солнце Кіевско!

А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
А всю породу змѣиную его я убилъ
И дѣтей всѣхъ погубилъ,
Родимую тетушку повыручилъ.»

А скоро послы побѣжали по еѣ,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко Князю во свѣтлу гридню.

Владиміръ Князь свѣтелъ, радошень;
Пошла-то у нихъ, пиръ, радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя—Марьи Ди-
вовны.

2. ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ¹³.

КАКЪ ИЗЪ СЛАВНАГО ГОРОДА ИЗЪ МУРОМА,
ИЗЪ ТОГО СЕЛА КОРОЧАЛЕВА,
КАКЪ БЫЛА-ДЕ ПОѢЗДКА БОГАТЫРСКАЯ —
НАРЯЖАЛСЯ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ИВАНОВИЧЪ
КО СТОЛЬНОМУ ГОРОДУ КО КІЕВУ,
ОНЪ ТОЮ ДОРОГОЮ ПРЯМОѢЗЖЕЮ,
КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ;
ЧРЕЗЪ ТѢ ЛѢСА БРЫНСКІЕ,
ЧРЕЗЪ ЧЕРНЫ ГРЯЗИ СМОЛЕНСКІЯ, —
И ЗАЛЕГЪ ЕЕ ДОРОГУ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ.

И КЛАДЕТЬ ИЛЬЯ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИКУ:
« ЧТО ПРОѢХАТЬ ДОРОГУ ПРЯМОѢЗЖУЮ,
КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ,
НЕ ВЫМАТЬ ИЗЪ НАЛУШНА ТУГОЙ ЛУКЪ,
ИЗЪ КОЛЧАНА НЕ ВЫМАТЬ КАЛЕНУ СТРѢЛУ. »

БЕРЕТЪ БЛАГОСЛОВЕНІЕ ВЕЛИКОЕ У ОТЦА СЪ
МАТЕРЬЮ.

А и только его Илью видѣли—
Прощался съ отцемъ, съ матерью,
И садился Илья на своего добра коня,
А и выѣхалъ Илья со двора своего
Во тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ копя по тучнымъ бед-
рамъ —

А и конь подъ Ильею разсержается,
Онъ перву скокъ ступилъ за пять верстъ,
А другаго ускока не могли найти.
Повѣхалъ онъ черезъ тѣ лѣса Брынскіе,
Черезъ тѣ грязи Смоленскія.

Какъ бы будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
Во темныхъ лѣсахъ, во Брынскихъ;
Навѣжалъ Илья на девяти дубахъ,
И навѣхалъ онъ Илья Соловья разбойника.

И слышалъ Соловей разбойникъ
Того ли топу конинаго,
И тоя ли онъ повздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣи-
ному,
А втретѣи зрявкаетъ по звѣриному.

Подъ Ильею конь окорачился,
И падалъ вѣдь на кукорачь.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А ты волчья сыть, травяной мышокъ!
Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
Не бывалъ ты конь во темныхъ лѣсахъ,
Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
А того ли ты крику звѣринаго,
А звѣринаго крику турпинаго.»
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,

ВЫМАЕТЪ КАЛЕНУ СТРѢЛУ
 И СТРѢЛЯЕТЪ ВЪ СОЛОВЬЯ РАЗБОЙНИКА;
 И ПОПАЛЪ СОЛОВЬЯ, ДА ВЪ ПРАВОЙ ГЛАЗЪ,
 ПОЛЕТѢЛЪ СОЛОВЕЙ СЪ СЫРА ДУБА
 КОМОМЪ КЪ СЫРОЙ ЗЕМЛИ.

ПОДХВАТИЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ СОЛОВЬЯ НА БѢ-
 ЛЫ РУКИ,
 ПРИВЯЗАЛЪ СОЛОВЬЯ КО ТОЙ КО ЛУКЪ КО СЕ-
 ДѢЛЬНЫЯ;

ПРОѢХАЛЪ ОНЪ ВОРОВСКУ ЗАСТАВУ КРѢПКУЮ,
 ПОДЪѢЗЖАЕТЪ КО ПОДВОРЬЮ ДВОРЯНСКОМУ.

И ЗАВИДѢЛА-ДЕ ЕГО МОЛОДА ЖЕНА;
 ОНА ХИТРАЯ БЫЛА И МУДРАЯ,
 И ВЗБѢГАЛА ОНА НА ЧЕРДАКИ НА ВЫШНИЕ —
 КАКЪ БЫ ДВОРЪ У СОЛОВЬЯ БЫЛЪ НА СЕМИ
 ВЕРСТАХЪ,
 КАКЪ БЫЛО ОКОЛО ДВОРА ЖЕЛѢЗНОЙ ТЫНЬ,
 А НА ВСЯКОЙ ТЫНИНКѢ ПО МАКОВКѢ.

И по той по головѣ богатырскія —
 Паводила трубками Нѣмецкими
 Его Соловьева молодая жена.

И увидѣла добраго молодца, Илью Муромца.

И бросалась съ чердака во свои высокіе те-
 рема,

И будила она девять сыновей своихъ:

« А встаньте, обудитесь добры молодцы,

А девять сыновѣ, ясны соколы!

Вы подите въ подвалы глубокіе,

Берите мои зототые ключи,

Отмыкайте мои вы окованны ларцы,

А берите вы мою золоту казну,

Выносите ее за широкой дворъ,

И встрѣчайте удала добраго молодца;

А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,

Отца-то вашего въ торокахъ везетъ. »

А и тутъ ея девять сыновей закорился,

И не берутъ у нея золотые ключи,
 Не походятъ въ подвалы глубокие,
 Не берутъ ея золотой казны,
 А худомъ, вѣдь, свои думушки думуютъ,
 Хотутъ обернуться черными воронами,
 Со тѣми носы желѣзными —
 Они хотутъ разклевать добра молодца,
 Того ли Илью Муромца Ивановича.

Подъѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому.
 И бросалась молода жена Соловьева,
 А и молится, убивается:
 «Гой еси ты, удалой доброй молодець!
 Бери ты у насъ золотой казны сколько на-
 добно,
 Отпусти Соловья разбойника,
 Не вози Соловья во Кіевъ градъ.»
 А его-то дѣти Соловьевы
 Неучливо они поговариваютъ. —

Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго. —
И стегаеть Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ —
Какъ бы конь подъ нимъ осержается —
Поевжалъ Илья, какъ соколъ летитъ;
Привзжаеть Илья онъ во Кіевъ градъ.
Среди двора Княженецкаго
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
Походилъ онъ во гридню во свѣтлую,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился Князю со Княгинею —
На всѣ на четыре стороны.
У Великаго Князя Владиміра
У него Князя почестной пиръ;
А и много на пиру было Князей и бояръ,
Много сильныхъ могучихъ богатырей;

И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина
въ полтора ведра.

Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ чару единымъ духомъ.

Говорилъ ему ласковой Владиміръ Князь:
«Ты скажись молодецъ, какъ именемъ зо-
вуть?»

А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
По изотчеству пожаловати. »

И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А ты ласковой, стольной Владиміръ Князь!
А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ива-
новичъ;

И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
Изъ стольнаго города изъ Муромѣ,
Изъ того села Корочаева. »

Говорятъ тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце, Владиміръ Князь!

Въ очахъ дѣтина завирается;
 А гдѣ ему проѣхать дорогою прямовзжею?
 Залегла та дорога тридцать лѣтъ
 Отъ того Соловья разбойника.»

Говоритъ Илья Муромецъ:

«Гой еси ты, сударь, Владиміръ Князь!
 Посмотри мою удачу богатырскую,
 Вонъ я привезъ Соловья разбойника на дворъ
 къ тебѣ.»

И втапору Илья Муромецъ
 Пошелъ съ Великимъ Княземъ на широкій
 дворъ,

Смотрѣть его удачи богатырскія.

Выходили туто Князи, бояра,

Всѣ Русскіе могучіе богатыри:

Самсонъ богатырь Колывановичъ,

Суханъ богатырь, сынъ Домантьевичъ,

Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой,

И семь-то братьевъ Збродовичи,
 Еще мужики были Залешана,
 А еще два брата Ханиловы;
 Только было у Князя ихъ тридцать молод-
 цовъ.

Выходилъ Илья на широкой дворъ
 Ко тому Соловью разбойнику,
 Онъ сталъ Соловья уговаривать:
 «Ты послушай меня, Соловей разбойникъ
 младъ!

Посвисти Соловей по соловьиному,
 Пошипипи змѣй по змѣиному,
 Зрявкой звѣрь по туриному,
 И потышь Князя Владиміра.»

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
 Оглушилъ онъ въ Кіевѣ Князей и бояръ;
 Зашипѣлъ злодѣй по змѣиному,
 Онъ втретѣе зрявкаетъ по туриному.

А Князи и бояра испужалися,
На корачкахъ по двору напоззалися,
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И накурилъ онъ бѣды несносныя:
Гостины кони съ двора разбѣжалися—
И Владиміръ Князь едва живъ стоитъ,
Со душой Княгиней Апраксѣевной.
Говорилъ тутъ ласковой Владиміръ Князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ
Ивановичъ!
Уйми ты Соловья разбойника;
А и эта шутка намъ не надобна.»

— — —

Какъ далече, далече во чистомъ полѣ¹⁴,
Что ковыль трава во чистомъ въ полѣ ша-
тается,

А и ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ челоувѣкъ,
Старой ли козакъ Илья Муромецъ,
А и конь ли подъ нимъ кабы лютой звѣрь,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ.
Со старымъ, вѣдь, денегъ не годилося,
Только червонцовъ золотыхъ съ нимъ семь
тысячей,
Дробныхъ денегъ сорокъ тысячей,
Коню, вѣдь, подъ старымъ цѣны не было.
Почему-то цѣны ему не было?
Потому-то коню цѣны не было;
За рѣку-то онъ броду не спрашивалъ,
Котора рѣка цѣла верста,
А скачетъ онъ съ берегу на берегъ.

Наѣхали на стараго станишники,
По нашему Русскому разбойники,
Кругомъ его стараго облавили,
Хотятъ его стараго ограбити,

Съ душей, съ животомъ его разлучить хотятъ.

Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ :
« А и гой есть вы, братцы, станишники!
Убить меня стараго вамъ незачто,
А взяти у стараго нечего. »
Вымалъ онъ изъ налушна крѣпкой лукъ,
Вынималъ онъ, вѣдь, стрѣлку каленую,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ, старой, по сыру дубу;
А спѣла тетивка у туга лука,
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сырѣ кряковястой дубѣ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубѣ.
Отъ того-то, вѣдь, грому богатырскаго,
Того-то станишники испужались,
А и пять они часовъ безъ ума лежатъ —
А и будто ото сна сами пробуждаются;

А Селма встаетъ, пересемываетъ,
А Спиря встаетъ, то поспириваетъ,
А всѣ они станишники бьютъ челомъ:
«Ты старой козакъ, Илья Муромецъ!
Возьми ты насъ въ холопство вѣковѣчное,
Дадимъ рукописанье служить до вѣку.»
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А и гой есть вы, братцы, станишники!
Повзжайте отъ меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилѣ, сыну Пленковичу,
Про стараго козака Илью Муромца.»

3. ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВЪ¹⁵.

Въ славномъ Великомъ Новѣградѣ,
А и жилъ Буслай до девяноста лѣтъ;
Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился,
Со мужики Новгородскими
Поперегъ словечка не говаривалъ.
Живучи Буслай состарѣлся,
Состарѣлся и переставился.
Послѣ его вѣку долгаго
Оставалось его житѣе бытѣе
И все имѣніе дворянское;
Осталась матера вдова,
Матера Амелѣа Тимофеевна,
И осталось чадо милое,
Молодой сынъ Василій Буслаевичъ.

Будетъ Васинька семи годовъ,
Отдавала матушка родимая,

МАТЕРА ВДОВА АМЕЛѢА ТИМОФЕЕВНА,
УЧИТЬ ЕГО ВО ГРАМОТѢ,
А ГРАМОТА ЕМУ ВЪ НАУКѢ ПОШЛА;
ПРИСАДИЛА ПЕРОМЪ ЕГО ПИСАТЬ,
ПИСЬМО ВАСИЛЬЮ ВЪ НАУКѢ ПОШЛО;
ОТДАВАЛА ПѢНЬЮ УЧИТЬ ЦЕРКОВНОМУ,
ПѢНЬЕ ВАСИЛЬЮ ВЪ НАУКѢ ПОШЛО.
А И НѢТЬ У НАСЪ ТАКОВА ПѢВЦА,
ВО СЛАВНОМЪ НОВЪГОРОДѢ,
СУПРОТИВЪ ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА.
ПОВОДИЛСЯ, ВѢДЬ, ВАСЬКА БУСЛАЕВИЧЪ
СО ПЬЯНИЦЫ, СЪ БЕЗУМНИЦЫ,
СЪ ВЕСЕЛЫМИ УДАЛЫМИ ДОБРЫМИ МОЛОДЦЫ,
ДО ПЬЯНА УЖЪ СТАЛЪ НАПИВАТИСЯ;
А И ХОДЯ ВЪ ГОРОДѢ, УРОДУЕТЪ:
КОТОРАГО ВОЗМЕТЪ ОНЪ ЗА РУКУ,
ИЗЪ ПЛЕЧА ТОМУ РУКУ ВЫДЕРНЕТЪ;
КОТОРАГО ЗАДЕНЕТЪ ЗА НОГУ,

То изъ ногу выломить;
 Котораго хватить поперегъ хребта,
 Тотъ кричить, реветъ, окарачь ползетъ.

Пошла-то жалоба великая; —
 А и мужики Новгородскіе,
 Посадскіе, богатые,
 Приносили жалобу они великую
 Матерой вдовъ Амелѣѣ Тимофеевнѣ
 На того на Василья Буслаева.

А и мать-то стала его журить, бранить,
 Журить, бранить, его на умъ учить.
 Журьба Васькѣ не взлюбилася,
 Пошелъ онъ Васька во высокъ теремъ,
 Садился Васька на ременчатой стулъ,
 Писалъ ярлыки скорописчаты.
 Отъ мудрости слово поставлено:
 «Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
 Валися къ Васькѣ на широкой дворъ;

Тотъ пей и ѡшь готовое

И носи платье разноцвѣтное. »

Разсылалъ тѣ ярлыки со слугой своимъ

На тѣ улицы широкія

И на тѣ частые переулочки.

Въ то же время поставилъ Васька чанъ сре-
ди двора,

Наливалъ чанъ полонъ зелена вина,

Опускалъ онъ чару въ полтора ведра.

Во славномъ было въ Новѣградѣ,

Грамотны люди шли,

Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,

Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ

Къ тому чану, зеленому вину.

Въ началъ былъ Костя Новоторженинъ,

Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ.

Василій тутъ его опробовалъ,

Сталъ его бити червленымъ вязомъ,

Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ.
Стоить тутъ Костя, не шевельнется,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василий, сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго.»
А и мало время позамѣшковавши,
Пришли два врата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ.
Молодой Василий сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радощенъ и веселе-
шенекъ.
Пришли тутъ мужики Залешана,

И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братьевъ Свродовичи.
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единого,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ;
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.
Послышалъ Васинька Буслаевичъ
У мужиковъ Новгородскихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя.
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину.
« Не малу мы тебѣ сыпъ платимъ,
За всякаго брата по пяти рублевъ. »
А за себя Василій даетъ пятьдесятъ рублевъ.
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,

А и тѣ-то пива ячныя.

Молодой Василий, сынъ Буслаевичъ

Бросился на Царевъ кабакъ,

Со своею дружиною храброю;

Напилися они тутъ зелена вина,

И пришли во братчину въ Никольщину.

А и будетъ день ко вечеру,

Отъ малаго до стараго,

Начали ужъ ребята бороться,

А въ иномъ кругу въ кулаки битись;

Отъ тоя борьбы отъ ребячія,

Отъ того бою отъ кулачнаго,

Началася драка великая;

Молодой Василий сталъ драку разнимать,

А иной дуракъ зашолъ съ носка,

Его по уху оплелъ.

А и тутъ Василий закричалъ громкимъ го-
лосомъ

«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,

И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!

Уже Ваську меня бьютъ.»

Поскакали удалы добры молодцы,

Скоро они улицу очистили,

Прибили уже много до смерти,

Вдвое, втрое перековеркали,

Руки, ноги переломали.

Кричатъ, ревуть мужики посадскіе.

Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:

«Гой еси вы, мужики Новгородскіе!

Бьюсь съ вами о великъ закладъ,

Напускаюсь я на весь Новгородъ

Битися, драться,

Со всею дружиною храброю;

Тако вы меня съ дружиною посьете, Но-

вымъ городомъ,

Буду вамъ платить дани, выходы по смерти
свою,

На всякой годъ по три тысячи;

А буде же я васъ побью,

И вы мнѣ покоритесь,

То вамъ платить мнѣ такову же дань.»

И въ томъ-то договоръ руки они подписали.

Началась у нихъ драка-бой великая, —

А мужики Новгородскіе,

И все купцы богатые,

Всѣ они вмѣстѣ сходились,

На млада Васютку напущались;

И дерутся они день до вечера.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,

Со своею дружиною хороброю

Пришли они во Новгородъ,

Пришли уже много до смерти.

А и мужики Новгородскіе догадались;

Пошли они съ дорогими подарки
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.
«Матера вдова Амелѣа Тимофеевна!
Прими у насъ дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича.»

Матера вдова Амелѣа Тимофеевна
Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватала Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушкѣ родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,

Запирала замки булатными.

А его дружина хорабрая
Со тѣми мужики Новгородскими
Дерутся, бьются день до вечера.

А и та-то дѣвушка чернавушка
На Волхвъ рѣку ходила по воду.
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
«Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
Не подай насъ у дѣла у ратнаго,
У того часу смертнаго.»

И тутъ дѣвушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брала коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ Новгородскимъ, —
Прибила ужъ много до смерти.

И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,

СРЫВАЛА ЗАМКИ БУЛАТНЫЕ,
ОТВОРЯЛА ДВЕРИ ЖЕЛѢЗНЫЯ:
«А спишь ли Василій, или такъ лежишь?
Твою дружину хораерую
Мужики Новгородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.»

Ото сна Василій пробуждается,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ, —
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная,
Побѣжалъ Василій по Новгороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ.

Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А въсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ.
Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища:
«А стой ты, Васька, не попархивай,

Молодой глуздырь не полетывай,
 Изъ Волхова воды не выпити,
 Во Новѣградѣ людей не выбити;
 Есть молодцовъ сопротивъ тебѣ,
 Стоимъ мы молодцы, не хвастаемъ.»

Говорилъ Василій таково слово:

«А и гой еси, старецъ Пилигримища!
 А и бился я о великъ закладъ
 Со мужики Новгородскими,
 Опричь почестнаго монастыря,
 Опричь тебѣ старца Пилигримища,
 Во задоръ войду — тебѣ убью.»

Ударилъ онъ старца во колоколъ
 А и той-то осью тельжною, —
 Качается старецъ, не шевелнится;
 Заглянулъ онъ Василій старца подъ коло-
 ломъ,
 А и во лѣтъ глазъ — ужъ въку нѣту.

Пошелъ Василій по Волхвъ рѣкѣ,
 А идетъ Василій по Волхвъ рѣкѣ,
 По той Волхвовой по улицѣ;
 Завидѣли добрые молодцы,
 А его дружина хорабрая,
 Молода Василья Буслаева.

У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
 У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.
 Молодой Василій Буслаевичъ,
 Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
 Со тѣми мужики Новгородскими
 Онъ дерется, бьется день до вечера.

А ужъ мужики покорилися,
 Покорилися и помирился;
 Понесли они записки крѣпкія
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ;
 Насыпали чашу чистаго серебра,
 А другую чашу краснаго золота,

Пришли ко двору дворянскому,
 Быютъ челомъ, покланяются:
 «Осударыня матушка!
 Принимай ты дороги подарочки,
 А уйми свое чадо милое,
 Молода Василья со дружиною;
 А и ради мы платить
 На всякой годъ по три тысячи,
 На всякой годъ будемъ тебѣ носить:
 Съ хлѣбниковъ по хлѣбнику,
 Съ калачниковъ по калачику,
 Съ молодицъ повѣнечное,
 Съ дѣвицъ повалешное,
 Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
 Опричь поповъ и дьяконовъ.»

Втапоры матера вдова,
 А мелѣа Тимоѣевна,
 Посылала дѣвушку чернавушку

Привести Василья со дружиною.

Пошла та дѣвушка чернавушка.

Бѣжавши та дѣвка, запыхалася,

Нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,

Что полтеи по улицѣ валяются

Тѣхъ мужиковъ Новгородскихъ.

Прибѣжала дѣвушка чернавушка,

Сохватила Василья за бѣлы руки,

А стала ему разсказывать:

«Мужики пришли Новгородскіе,

Принесли они дороги подарочки,

И принесли записки заручныя

Ко твоей сударынѣ матушкѣ,

Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.»

Повела дѣвка Василья со дружиною

На тотъ на широкой дворъ,

Привела-то ихъ къ зеленой вину;

А съли они молодцы во единой кругъ,

Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу молодецкаго
Отъ мужиковъ Новгородскихъ.
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Неупито, неуѣдено,
Вкраснѣ хорошо неухожено,
А цвѣтнаго платя не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залечено.»

И повелъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимоѳеевнѣ.

Втапоры мужики Новгородскіе
Приносили Василью подарочки:
Вдругъ сто тысячей.
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
А и мужики Новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Подъ славнымъ , великимъ Новымгоро-
домъ¹⁶,

По славному озеру по Ильмену
Плаваешь, поплаваешь свръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваешь, поплаваешь червленъ корабль,
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хо-
раброю,

Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держать,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василий-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Свѣтъ, моя дружина хорабрая,
Тридцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ!
Ставьте корабль поперегъ Ильменя,
Приставляйте, молодцы, ко Новугороду.»

А и тычками къ берегу притыкались,
Сходни бросали на крутой бережокъ,
Походилъ тутъ Василій ко своему онъ дво-
ру дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинишка хорабрая;
Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѣѣ Тимофеевнѣ.
Какъ вьюнъ около нее убивается,
Просить благословеніе великое:
«А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелѣѣ Тимофеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое:
Идти мнѣ Василью въ Іерусалимъ градъ
Со всею дружиною хораброю,
Мнѣ-ко Господу помолитися,

Святой святынъ приложитися,
Во Ерданъ рѣкѣ искупатися.»

Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелѣа Тимоѳеевна :

«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василий Буслаевичъ!

То коли ты пойдешъ на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;

То коли ты, дитя, на разбой пойдешъ,
И не дамъ благословенія великаго.

А и не носи Василья сыра земля!»

Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару разтопляется,

Материно сердце разпускается;

И даетъ она много свинцу, пороху,

И даетъ Василью запасы хлѣбные,

И даетъ оружье долгомѣрное:

«Побереги ты, Василий, буйну голову свою.»

СКОРО МОЛОДЦЫ СОБИРАЮТСЯ,
И СЪ МАТЕРОЙ ВДОВОЙ ПРОЩАЮТСЯ.
ПОХОДИЛИ ОНИ НА ЧЕРВЛЕНЬ КОРАБЛЬ,
ПОДЫМАЛИ ТОНКИ ПАРУСЫ, ПОЛОТНЯНЫЕ,
ПОВЪЖАЛИ ПО ОЗЕРУ ИЛЬМЕНЮ.
БѢГУТЬ ОНИ УЖЪ СУТКИ ДРУГІЯ,
А БѢГУТЬ УЖЕ НЕДѢЛЮ ДРУГУЮ, —
ВСТРѢЧУ ИМЪ ГОСТИ КОРАБЕЛЬЩИКИ:
«ЗДРАВСТВУЙ ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЬ!
КУДА МОЛОДЕЦЪ ПОИЗВОЛИЛЪ ПОГУЛЯТЬ?»
ОТВѢЧАЕТЪ ВАСИЛІЙ БУСЛАЕВИЧЬ:
«ГОЙ ЕСИ ВЫ, ГОСТИ КОРАБЕЛЬЩИКИ!
А МОЕ-ТО ВѢДЬ ГУЛЯНЬЕ НЕОХОТНОЕ:
СЪ МОЛОДУ БИТО МНОГО, ГРАБЛЕНО,
ПОДЪ СТАРОСТЬ НАДО ДУШУ СПАСТИ;
А СКАЖИТЕ ВЫ, МОЛОДЦЫ, МНѢ ПРЯМАГО ПУТЯ
КО СВЯТОМУ ГРАДУ ІЕРУСАЛИМУ.»

ОТВѢЧАЮТЪ ЕМУ ГОСТИ КОРАБЕЛЬЩИКИ:

«А и гой еси, Василий Буслаевичъ!
 Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
 Бѣжать семь недѣль,
 А окольной дорогой полтора года.
 На славномъ морѣ Каспійскомъ,
 На томъ острову на Куминскимъ,
 Стоитъ застава крѣпкая,
 Стоять атаманы козаціе,
 Не много, не мало ихъ — три тысячи;
 Грабятъ бусы, галеры,
 Разбиваютъ червленны корабли.»

Говорить тутъ Василий Буслаевичъ:
 «А не вѣрую я, Васицька, ни въ сонъ, ни
 въ чохъ,
 А и вѣрую въ свой червеной вязъ;
 А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ.»
 И завидѣвъ Василий гору высокую,
 Приставалъ скоро ко круту берегу,

Походилъ Василій сынъ Буслаевичъ
На ту ли гору Сорочинскую,
А за нимъ летитъ дружина хорабрая.

Будетъ Василій въ полу-горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь.

Провѣщитъ пуста голова человѣческая:
«Гой еси ты Василій Буслаевичъ!

Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?

Я, молодець, не хуже тебя былъ;

Умью я, молодець, валятися;

А на той горѣ Сорочинскія,

Гдѣ лежитъ пуста голова,

Пуста голова, молодецкая,

И лежать будетъ головъ Васильевой.»

Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.

«Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,

Или нечистой духъ.»

Пошелъ на гору высокую.

На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ,

Въ вышину три сажени печатныя,

А и черезъ его только топоръ подать,

Въ долину три аршина съ четвертью;

И въ томъ-то подпись подписана:

А кто-де у камня станетъ тѣшиться,

А и тѣшиться, забавлятися,

Вдоль скакать по каменю,

Сломить будетъ буйну голову.»

Василій тому не вѣруетъ,

Приходилъ со дружиною хораброю;

Стали молодцы забавлятися,

Поперегъ того каменю поскакивати,

А вдоль-то его не смѣютъ скакать.

Пошли со горы Сорочинскія;

Сходятъ они на червленъ корабль,

Подымали тонки парусы, полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ козаки разбойники,
А стары атаманы козацкіе;
На пристани ихъ стоятъ сто чловѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережокъ,—
И скочилъ то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы добры молодцы,
Всѣ на караулъ испугалися;
Много его не дожидаются,
Побѣжали съ пристани корабельныя
Къ тѣмъ атаманамъ козацкіимъ.
Атаманы сидятъ, не дивуются,
Сами говорятъ таково слово:
«Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,

Не видали страху великаго;
 Это-де идетъ Висилій Буслаевичъ:
 Знать-де полетка соколиная,
 Видѣть-де поступка молодецкая. »

Пошагалъ-то Василій со дружиною,
 Гдѣ стоятъ атаманы козаціе;
 Пришли они, стали во единой кругъ.
 Тутъ Василій имъ поклоняется,
 Самъ говоритъ таково слово:
 «Вздравствуйте, атаманы козаціе!
 А скажите вы мнѣ прямаго путя
 Ко святому граду Іерусалиму.»

Говорятъ атаманы козаціе:
 «Гой еси Василій Буслаевичъ!
 Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣ-
 ба кушати.»

Втапоры Василій не ослушался,
 Садился съ ними за единой столъ;

Наливали ему чару зелена вина въ полтора
ведра,
Принимаетъ Василий единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу ведру пить.
И хлѣба съ солью откушали,
Сбирается Василий Буслаевичъ
На свой червленъ корабль;
Даютъ ему атаманы козаціе подарки свои:
Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.
За то Василий благодарить и кланяется,
Просить у нихъ до Іерусалима провожатаго.
Тутъ атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощались.

Собрался Василий на свой червленъ корабль
Со своею дружиною хораброю;
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будуть они во Ердань рѣкъ,
Бросали якоря крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василий Буслаевичъ,
Со своею дружиною хораброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ,
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ добрыхъ молодцовъ,

Что съ молодѣ бито много, граблено.

И ко святой святынѣ приложился онѣ,

И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.

И расплатился Василій съ попами и съ
дьяконами;

И которые старцы при церкви живутъ,

Даетъ золотой казны не считаючи.

И походить Василій ко дружинѣ

Изъ Ерусалима на свой червленѣ корабль;

Втапоры его дружина хорабрая

Купалася во Ерданѣ рѣкѣ,

Приходила къ нимѣ баба залѣсная,

Говорила таково слово:

«Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?

А не кому купатися, опричь Василья Бус-
лаевича.

Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самѣ Господѣ

Иисусѣ Христосѣ;

Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.»

И они говорятъ таково слово:

«Нашъ Василій тому не вѣруеть ни въ сонъ,
ни въ чохъ.»

И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань рѣки;
Подняли тонки парусы, полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго.

Приходили тутъ атаманы козаціе,
И стоятъ всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочилъ Василій Буслаевичъ
Изъ своего червленаго корабля.
Поклонились ему атаманы козаціе:
«Здравствуй Василій Буслаевичъ!»

Здорово ли създилъ въ Ерусалимѣ градъ?»

Много Василій не баетъ съ ними,
 Подалъ письмо въ руку имъ,
 Что много трудовъ за ихъ положилъ,
 Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ мо-
 лодцовъ.

Втапоры Атаманы козачіе
 Звали Василья обѣдати,
 И онъ не пошелъ къ нимъ;
 Прощался со всѣми тѣми Атаманы козачьими.
 Подымали тонки парусы, полотняные,
 Побѣжали по морю Каспійскому къ Нову-
 городу.

А и ѣдутъ недѣлю споряду,
 А и ѣдутъ уже другую;
 И завидѣлъ Василій гору высокую, Сорочин-
 скую.

Захотѣлось Василью на горѣ побывать,

Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору,
Пошелъ Василій со дружиною.

И будетъ онъ въ полѣ-горы,
И на пути лежитъ пуста голова, человѣчья
кость,

Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь.
Провѣщится пуста голова:

«Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!

Къ чему меня голову припинываешь,

И къ чему побрасываешь?

Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,

Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;

Гдѣ лежитъ пуста голова,

Лежать будетъ и Васильевой головѣ.»

Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.

Взошелъ на гору высокую,

На ту гору Сорочинскую,

Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,
И чрезъ него только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
А кто-де у камня станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавляться,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.
Василій тому не вѣруеть;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавля-
тися,
Поперегъ каменю поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать,
Разбѣжался, скочилъ вдоль по каменю,
И не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,

Тамъ Василья схоронили.

Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побѣжали ко Новугороду.

И будутъ у Новагорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.

Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѣѣ Ти-
мофеевнѣ,

Прошли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали.

Прочитала письмо матера вдова, сама за-
плакала,

Говорила таковы слова;

«Гой вы еси, удалы добры молодцы!

У меня нынѣ вамъ двѣять нечего;

Подите въ подвалы глубокіе,

БЕРИТЕ ЗОЛОТОЙ КАЗНЫ НЕ СЧИТАЮЧИ.

ПОВЕЛА ИХЪ ДѢВУШКА ЧЕРНАВУШКА
КЪ ТѢМЪ ПОДВАЛАМЪ ГЛУБОКИМЪ,
БРАЛИ ОНИ КАЗНЫ ПО МАЛУ ЧИСЛУ;
ПРИШЛИ ОНИ КЪ МАТЕРОЙ ВДОВѢ,
ВЗГОВОРИЛИ ТАКОВЫ СЛОВА:

« СПАСИБО, МАТУШКА АМЕЛѢА ТИМОФЕЕВНА!
ЧТО ПОИЛА, КОРМИЛА, ОБУВАЛА И ОДѢВАЛА ДОБ-
РЫХЪ МОЛОДЦОВЪ. »

ВТАПОРЫ МАТЕРА ВДОВА, АМЕЛѢА ТИМОФЕЕВНА,
ПРИКАЗАЛА НАЛИВАТЬ ПО ЧАРѢ ЗЕЛЕНА ВИНА.
ПОДНОСИТЬ ДѢВУШКА ЧЕРНАВУШКА
ТѢМЪ УДАЛЫМЪ ДОБРЫМЪ МОЛОДЦАМЪ.
А И ВЫПИЛИ ОНИ, САМИ ПОКЛОНИЛИСЯ.
И ПОШЛИ ДОБРЫ МОЛОДЦЫ,
КОМУ КУДА ЗАХОТѢЛОСЯ.

4. АЛЕША ПОПОВИЧЪ¹⁷.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,
Что по имени Алешинька Поповичъ младъ
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское;
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскачаго;
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ ка-
мень,

А на камени подпись подписана.
Взговорить Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичъ!
Въ граматъ поученой челоуѣкъ—
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано.»
И скочилъ Екимъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи,
Росписаны дороги широкія:
«Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру.»
Говсрилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
«А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,
Которой дорогой изволишь ѣхать?»
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
«Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,

Ко ласкову Князю Владимиру.

Втапоры поворотили добрыхъ коней,
И повхали они ко городу ко Киеву;
Не доѣхавши они до Сафать рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыхъ.
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней.
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ со добры кони,
Стреножимши, въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ
держать.

Прошла та ночь осенняя,
Ото сну пробуждается,
Встаетъ рано, ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,

На востокъ онъ Алеша Богу молится.
 Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
 Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
 А сводилъ ихъ поить на Сафатъ на рѣку.
 И приказалъ ему Алеша
 Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней.
 Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
 Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву,
 Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
 Лапатки на немъ семи шелковъ,
 Подковырены чистымъ серебромъ,
 Личико унизано краснымъ золотомъ,
 Шуба соболиная, долгополая,
 Шляпа Сорочинская, земли Греческой,
 Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
 Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу Чебурац-
 каго.

Говорилъ тѣлово слово.

Bayerische
 Staatsbibliothek
 München

«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ.»

Привязался Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, калика перехожея!
Дай мнѣ платье каличье,
Возьми мое богатырское:
Лапатки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубу свою соболиную, долгополую,
Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,

Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу Чебу-
рацкаго. »

Даетъ свое платье калика Алешъ Поповичу
Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается.

И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
« Гой еси, калика перехожея!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича? »

А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ.»

Говорить тутъ Алеша каликою:

«А и ты ой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Повзжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь.»

И подъвзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ
младъ.

Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову.

И упалъ Тугаринъ на сыру землю,
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ
младъ:

«Гой еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?»

Только ты Алеша Поповичъ младъ,
Семь побратуемся съ тобой.»

Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя на-
дѣвалъ;

Садился на его добра коня,
И повхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожея,
Испужались его, съли на добрыхъ коней,
Повѣжали ко городу Ростову.
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ.
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ трид-
цать пудъ,

Бросилъ назадъ себя:

Показалось ему, что Тураринъ Змѣевичъ

младъ.

И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,

Сшибъ изъ сѣдлечка Черкесскаго,

И упалъ онъ на сыру землю.

Втапору Екимъ Ивановичъ

Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,

Хочетъ пороть груди бѣлыя—

И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ.

Самъ заплакалъ, говорилъ каликъ перехо-

жему:

« По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,

Что убилъ своего брата родимаго. »

И стали его оба трясти и качать,

И потомъ подали ему питья заморскаго;

Отъ того онъ здоровъ сталъ.

Стали они говорить и между собою платъ-

емъ мѣнять:

КАЛИКА СВОЕ ПЛАТЬЕ НАДѢВАЛЪ КАЛИЧЬЕ,
А АЛЕША СВОЕ БОГАТЫРСКОЕ,
А ТУГАРИНА ЗМѢВИЧА ПЛАТЬЕ ЦВѢТНОЕ
КЛАЛИ ВЪ ЧЕМОДАНЪ КЪ СЕБѢ.

СѢЛИ ОНИ НА ДОБРЫХЪ КОНЕЙ
И ПОВѢХАЛИ ВСѢ КО ГОРОДУ КО КІЕВУ,
КО ЛАСКОВУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ.

А И БУДУТЬ ОНИ ВЪ ГОРОДѢ КІЕВѢ
НА КНЯЖЕНЕЦКОМЪ ДВОРѢ,
СКОЧИЛИ СО ДОБРЫХЪ КОНЕЙ,
ПРИВЯЗАЛИ КЪ ДУБОВЫМЪ СТОЛБАМЪ,
ПОШЛИ ВО СВѢТЛЫ ГРИДНИ.

МОЛЯТСЯ СПАСОВУ ОБРАЗУ,
И БЬЮТЪ ЧЕЛОМЪ, ПОКЛОНЯЮТСЯ
КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ И КНЯГИНѢ АПРАКСЬЕВНѢ
И НА ВСѢ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ.

ГОВОРИЛЪ ИМЪ ЛАСКОВОЙ ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ:
«ГОЙ ВЫ ЕСИ, ДОБРЫ МОЛОДЦЫ!

Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ:

А по имени вамъ можно мѣсто дать,

По изотчеству можно пожаловати.»

Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:

«Меня, Осударь, зовутъ Алешою Попови-
чемъ,

Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго.»

Втапоры Владиміръ Князь обрадовался,

Говорилъ таковы слова:

«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!

По отечеству садися въ большое мѣсто, въ
передній уголокъ,

Въ другое мѣсто богатырское,

Въ дубову скамью противъ меня,

Въ третье мѣсто, куда самъ захошъ.»

Не садился Алеша въ мѣсто большое,

И не садился въ дубову скамью,

СѢЛЪ ОНЪ СО СВОИМИ ТОВАРИЩИ НА ПАЛАТ-
НОЙ БРУСЬ.

Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота,
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое —
И подлѣ его сидѣла Княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы:
Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія.
Стали тутъ пить, вѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба вѣсть:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питье пьетъ:
По цѣлой чаши охлестынаеть,
Котора чаша въ полтретья ведра;

И говорилъ втапоры Алеша Поповичъ

младъ:

«Гой еси ты, ласковой Осударь, Владиміръ
Князь!

Что у тебя за болванъ пришель,

Что за дуракъ неотесаной?

Нечестно у Князя за столомъ сидить,

Ко Княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху
кладеть,

Цѣлуеть во уста сахарныя,

Тебѣ Князю насмѣхается;

А у моего, сударя, батюшки

Была собачища старая,

Насилу по подстолью таскалася,

И костью та собака подавилася—

Взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ.

Отъ меня Тугарину тоже будетъ.»

Тугаринъ почернѣлъ какъ осенняя ночь,

Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣ-
сяцъ.

И опять втапоры повары были догадливы,
Носятъ ѣства сахарныя

И принесли лебедушку бѣлую,

И ту рушала Княгиня лебедь бѣлую,

Обрѣзала рученку лѣвую,

Завернула рукавомъ, подъ столъ опустила;

Говорила таково слово:

«Гой вы еси, Княгини, боярыни!

Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,

Либо смотрѣть на милъ животъ,

На молода Тугарина Змѣевича.»

Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,

Всю вдругъ проглотилъ,

Еще тутъ же ковригу монастырскую.

Говорить Алеша на палатномъ брусѣ:

«Гой еси, ласковой Осударь, Владимиръ
Князь!

Что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Нечестно за столомъ сидитъ,
Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
У моего, сударя, батюшки,
Федора попа Ростовскаго,
Была коровица старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя,
Отъ того она лопнула, —
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ.
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.»

Тугаринъ потемнѣлъ, какъ осенняя ночь,

Выдернулъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича.

Алеша на то-то вертокъ былъ:

Не могъ Тугаринъ попасть въ него.

Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:

«Самъ ли ты бросаешь въ него, али мнѣ
велишь?»

«Нѣтъ! Я самъ не бросаю и тебѣ не
вѣлю.

Завтра съ нимъ перевѣдаюсь:

Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,

Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,

А бьюсь о своей буйной головѣ.»

Втапоры князи и бояра

Скочили на рѣзвы ноги,

И всѣ за Тугарина поруки держать.

Князи кладутъ по сту раблевъ,

Бояра по пятидесять , крестьяне по пяти
рублевъ ;

Туть же случилися гости купеческіе ,
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тагарина Змѣевича ,
Всяки товары заморскіе ,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ .
А за Алешу подписывалъ владыка Чер-
ниговской .

Втапоры Тугаринъ взвился и вонъ ушелъ :
Садился на своего добра коня ,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ , подъ
небесью летать .

Скочила Княгиня Апраксѣевна на рѣзвы
ноги ,
Стала пенять Алешѣ Поповичу :
« Деревенщина ты , засельщина !
Не даль посидѣть другу милому . »

Втапоры того Алеша не слушался,
 Звѣлся съ товарищи и вонъ пошелъ,
 Садился на добры кони,
 Повѣхали ко Сафать рѣкѣ,
 Поставили бѣлы шатры,
 Стали опочивъ держать,
 Коней отпустили въ зелены луга.

Тутъ Алеша всю ночь не спалъ —
 Молился Богу со слезами:
 Создай, Боже! тучу грозную,
 А и тучу-то, съ градомъ дождя.
 Алешины молитвы доходны ко Христу:
 Даетъ Господь Богъ тучу, съ градомъ дождя.
 Замочило Тугарина крылья бумажныя,
 Надаеть Тугаринъ какъ собака на сыру
 землю.

Приходитъ Екимъ Ивановичъ,
 Сказалъ Алешѣ Паповичу,

Что видѣлъ Тугарина на сырой землѣ.

И скоро Алеша наряжается ;

Садился на добра коня ,

Взялъ одну сабельку острую

И поѣхалъ къ Тугарину Змѣвичу.

И увидѣлъ Тугаринъ Змѣвичъ Алешу

Поповича ,

Заревѣлъ зычнымъ голосомъ :

« Гой еси , Алеша Поповичъ младъ !

Хошь ли я тебя огнемъ спалю ?

Хошь ли , Алеша , конемъ стопчу ?

Али тебя, Алешу, копьемъ заколю ? »

Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ :

« Гой ты еси, Тугаринъ Змѣвичъ младъ !

Бился ты со мною о великъ закладъ :

Биться, драться одинъ на одинъ ,

А за тобою нонѣ силы смѣты нѣтъ

На меня Алешу Поповича . »

Оглянется Турагинъ назадъ себя.

Втапоры Алеша подскочилъ , ему голову
срубилъ.

И пала глава на сыру землю , какъ пив-
ной котелъ.

Алеша скочилъ со добра коня ,

Отвязалъ чембуръ отъ добра коня,

И прокололъ уши у головы Тугарина Змѣ-
вича ,

И привязалъ къ добру коню,

И привезъ въ Кіевъ на княженецкой дворъ,

Бросилъ среди двора княженецкаго.

И увидѣлъ Алешу Владиміръ Князь ,

Пошелъ во свѣтлы гридни ,

Сажалъ за убраны столы.

Тутъ для Алеши и столъ пошелъ.

Сколько время покушавши ,

Говорилъ Владиміръ Князь :

«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
 Часъ ты мнѣ, свѣтъ, даль,
 Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
 Служи мнѣ Князю Владиміру:
 До любви тебя пожалую.»

Втапору Алеша Поповичъ младъ Князя
 не ослушался,
 Сталъ служить вѣрою и правдою;
 А Княгиня говорила Алешѣ Поповичу:
 «Деревенщина ты, засельщина!
 Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
 Съ молодымъ Змѣемъ Тугаринымъ.»
 Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
 «А ты гой еси, матушка, Княгиня Апрак-
 сѣвна!»

Чуть не назвалъ я тебя сукою,
 Сукою-то, волочайкою.» —

То старина, то и дѣянье.

5. СОЛОВЕЙ БУДИМІРОВИЧЪ¹⁸.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей — единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены:
Одинъ корабль лучше всѣхъ;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено:

По дорогу каменю, по яхонту ;

Вмѣсто бровей было прибивано :

По черному соболу Якутскому ;

Вмѣсто уса было воткнуто :

Два острые ножика булатные ;

Вмѣсто ушей было воткнуто :

Два остра копья Мурзамецкія ,

И два горностая повѣшены ,

И два горностая , два зимніе ;

У того было сокола у корабля

Вмѣсто гривы прибивано :

Двѣ лисицы бурнастыя ;

Вмѣсто хвоста повѣшено ,

На томъ было соколъ корабель :

Два медвѣдя бѣлые, заморскіе ,

Носъ, корма по туриному ,

Бока взведены по звѣриному .

Бѣгутъ ко городу Кіеву ,

Къ ласкову Князю Владимиру.
 На томъ соколъ корабль
 Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
 Въ чердакъ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
 Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
 На бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.

Говорилъ Соловей таково слово:
 «Гой еси вы, гости корабельщики,
 И всѣ цѣловальники любимые!
 Какъ буду я въ городъ Кіевъ,
 У ласкова Князя Владимира,
 Чѣмъ мнѣ-то будетъ Князя дарить,
 Чѣмъ свѣта жаловати?»

Отвѣчаютъ гости корабельщики,
 И всѣ цѣловальники любимые:
 «Ты славной, богатой гость,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!

Есть, сударь, у васъ золота казна:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
 Есть, сударь, дорога камка,
 Что недорога камочка — узоръ хитеръ:
 Хитрости были Царяграда,
 А и мудрости Іерусалима,
 Замыслы Соловья Будиміровича;
 На златъ, на серебръ — не погнуваться.»

Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ
 градъ,

Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
 Сходни бросали на крутъ бережокъ,
 Товарную пошлину въ таможи платили
 Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
 Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
 Бралъ Соловей свою золоту казну:
 Сорокъ сорокъ черныхъ соболей,

ВТОРЫЕ СОРОКЪ БУРНАСТЫХЪ ЛИСИЦЪ.

Пошелъ онъ ко ласкову Князю Владиміру,
Идеть во гридню, во свѣтлую ;
Какъ бы на пятау двери отворялися ,
Идеть во гридню Купавъ молодець ,
Молодой Соловей , сынъ Будиміровичъ ,
Спасову образу молится ,
Владиміру Князю кланяется ,
Княгинѣ Апраксѣевной на особицу ,
И подноситъ Князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей ,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую ,
Недорога камочка — узоръ хитеръ :
Хитрости Царяграда ,
Мудрости Іерусалима ,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича ;
На златъ и серебръ — не погнѣваться.

Князю дары полюбилися,
А Княгиня инаиначе того:
Говорилъ ласковой Владиміръ Князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Заимуй дворы княженецкіе,
Заимуй ты боярскіе,
Заимуй дворы и дворянскіе.»
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
«Ненадо мнѣ дворы княженецкіе,
И ненадо дворы боярскіе,
И ненадо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, Осударь, княженецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятишной;
Въ ея, Осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ оръшеньѣ,

Построить мнѣ, Соловью, снаряженъ дворъ.»

Говорилъ, Осударь, ласковый Владиміръ

Князь:

«На то тебѣ съ Княгинею подумаю,»

А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ

земли,

Непаханья и неоранья.

Походилъ Соловей на свой червленъ ко-

рабль,

Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:

«Гой еси вы, мои люди работные!

Берите вы топорики булатные,

Подите къ Запавъ въ зеленой садъ,

Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,

Въ вишеньѣ, въ оръшеньѣ.»

Съ вечера, позднимъ поздно,

Будто дятлы въ дерево пощолкивали,

Работала его дружина хорабрая.

Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:

Три терема златоверховаты,

Да трои сѣни косящатыя,

Да трои сѣни рѣшетчатая.

Хорошо въ теремахъ изукрашено:

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;

На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;

На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;

На небѣ заря, въ теремѣ заря —

И вся красота поднебесная.

Рано зазвонили къ заутрени —

Ото сна-то Запава пробуждалася,

Постотрѣла сама въ окошечко косящатое,

Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,

Во свой, вѣдь, хорошій, зеленой садъ.

Чудо Запавъ показалось:

Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,

Что стоятъ три терема златоверховаты.

ГОВОРИЛА ЗАПАВА ПУТЯТИШНА :

« Гой еси, нянюшки и мамушки !

Подтет-ко , посмотритет-ко ,

Что мнѣ за чудо показалося ,

Въ вишеньѣ , въ орѣшеньѣ ? »

Отвѣчаютъ нянюшки , мамушки ,

И сѣнныя красныя дѣвушки :

« Матушка, Запава Путятишна !

Изволь-ко сама посмотришь :

Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло. »

Скоро-де Запава наряжается ,

Надѣвала шубу соболиную ,

Цѣна-то шубѣ три тысячи ,

А пуговики въ семь тысячей ,

Пошла она въ вишеньѣ , въ орѣшеньѣ ,

Во свой во хорошѣ , во зеленой садѣ .

У перваго терема послушала :

Тутъ въ теремѣ щелчить , молчить —

Лежить Соловьева золота казна.

Во второмъ теремъ послушала :

Тутъ въ теремъ потихоньку говорятъ ,

Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ:

Молится Соловьева матушка

Со вдовы честны, многоразумными.

У третьяго терема послушала :

Тутъ въ теремъ музыка гремитъ.

Входила Запава въ сѣни косящатыя,

Отворяла двери на пятау, —

Больно Запава испугалася ,

Рѣзвы ноги подломилися,

Чудо въ теремъ показалось :

На небѣ солнце , въ теремъ солнце;

На небѣ мѣсяцъ, въ теремъ мѣсяцъ;

На небѣ звѣзды, въ теремъ звѣзды ;

На небѣ заря, въ теремъ заря —

И вся красота поднебесная.

Подломились ея ноженьки рѣзвыя.

Втапоры Соловей , онъ догадливъ былъ ,
Бросилъ свои звончаты гусли ,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки ,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей ,
Да на тѣ-ли перины пуховыя :

« Чего-де ты , Запава , испужалася ?
Мы-де оба на возрастѣ . »

« А и я-де дѣвица на выданьѣ ,
Пришла-де сама за тебя свататься . »
Тутъ они и помолвили .

Цѣловались они , миловались ,
Золотыми перстнями помѣнялись .

Провѣдала его Соловьева матушка ,
Честна вдова Амелѣа Тимоѳеевна ,
Свадьбу кончити посрочила :

« Съѣзди-де за моря синія ,
И когда-де тамъ разторгуешься ,

Тогда и на Запавъ женишься.»

Отъвѣжалъ Соловей за моря синія.

Втапоры поѣхалъ и голой Шапъ Давидъ
Поповъ.

Скоро за морями исторгнется,

А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ.

Приходилъ ко ласкову Князю съ подарками,

Принесъ сукно смурое,

Да крашенину печатную.

Втапоры Князь сталъ спрашивать:

«Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!

Гдѣ ты слыхахъ, гдѣ видывалъ,

Про гостя богатаго, про молода

Соловья, сына Будиміровича?»

Отвѣчалъ ему голой Шапъ:

«Я-де объ немъ слышалъ,

Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ

Леденцѣ,

У того царя заморскаго;
Соловей у царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрму,
А корабли его отобраны
На его-жъ царское величество.»
Тутъ лосковой Владиміръ Князь закручи-
ни іся.

Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго Шапа Давида
Попова.

Тысяцкой — ласковой Владиміръ Князь, —
Свашела — княгиня Апраксѣвна, —
Въ повзду князи и бояра
Повзжали ко церкви Божіи.
Втапоры-жъ въ Кіевъ флотъ пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будиміровича,
Ко городу ко Кіеву,

Якори метали во быстрой Днѣпрѣ,
 Сходни бросали на круть, красенъ бережокъ.
 Выходилъ Соловей со дружиною,
 Изъ сокола корабля съ каликами:
 Во бѣломъ платѣи сорокъ каликъ со ка-
 ликою.

Походили они ко честной вдовѣ Амелѣ
 Тимоѳеевнѣ,
 Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя бо-
 гатаго,

Отъ молода Соловья Будиміровича,
 Что прибылъ флотъ въ девяностъ корабляхъ,
 И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ го-
 родомъ Кіевомъ.

А оттуда пошли ко ласкову Князю Вла-
 диміру,

На княженецкой дворъ,
 И стали во единой кругъ.

Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
 Владиміръ Князь въ домъ свой, —
 И пошли во грядни свѣтлыя,
 Садилися за столы бѣлодубовыя,
 За яства сахарныя,
 И позвали на свадьбу сорокъ калыкъ со
 каликою.

Тогда ласковой Владиміръ Князь
 Велѣлъ вина имъ заморскія подносить
 И меда сладкіе.
 Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознавали,
 Приводили его ко княженецкому столу,
 Сперва говорила Запава Путятишна:
 «Гой еси мой, Осударь, дядюшка,
 Ласковой, Осударь, Владиміръ Князь!
 Тотъ-то мой прежній, обрученной женихъ,
 Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.
 Прямо, Осударь, скачу—обезчещу столы.»

Говорилъ ей ласковой Владиміръ Князь:

«А ты, гой еси, Запава Путятишна!

А ты прямо не скачи — не безчести столы.»

Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ.

Пришла она къ Соловью, поздоровалась,

Взяла его за рученьку бѣлую,

И пошла за столы бѣлодувовы,

И съли они за яства сахарныя, на большо
мѣсто.

Говорила Запава таково слово

Голому Шапу Давиду Попову:

«Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ
спать.»

Втапоры ласковой Владиміръ Князь весель
сталъ,

А Княгиня наипаче тѣго.

Поднимали пирушку великую.

6. ИВАНЪ ГОСТИНОЙ СЫНЪ¹⁹.

Въ стольномъ въ городъ во Кіевъ ,
У славнаго Князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князи , бояра,
И на Русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будеть день въ половину дня ,
Будеть пиръ во полу пиръ ;
Владиміръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ :
« Гой еси, князи и бояра
И всѣ Русскіе могучіе богатыри !
Есть ли въ Кіевѣ таковъ человекъ,
Ктобъ похвалился на триста жеребцовъ,

НА ТРИСТА ЖЕРЕБЦОВЪ И НА ТРИ ЖЕРЕБЦА
ПОХВАЛЕННЫЕ :

Сивъ жеребецъ , да кологривъ жеребецъ ,
И которой полоненъ воронко во Большой
Ордъ ,

Полонилъ Илья Муромецъ , сынъ Ивановичъ ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича .

Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ ,
Промежъ обѣдней и заутренею ? »

Какъ бы меньшей за большаго хоронится ,
Отъ меньшаго ему тутъ Князю отвѣту нѣту .
Изъ того стола княженецкаго ,
Изъ той скамьи богатырскія ,
Выступается Иванъ гостиной сынъ
И скочилъ на свое мѣсто богатырское ,
Да кричить онъ , Иванъ , зычнымъ го-
лосомъ :

«Гой еси ты, Осударь, ласковой Владиміръ
Князь!

Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
А и быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я похваюсь на триста жеребцовъ,
И на три жеребца похваленые:
А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
Да третій жеребецъ полоненъ воронко,
Да которой полонъ во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича;
Бѣхатъ дорога не ближняя,
И скакать изъ Кіева до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежу обѣдни и заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что вымѣтывать раздолья широкія:
А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,

Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,

О своей буйной головушкѣ. »

За Князя Владимира держать поруки крѣпкія

Всѣ тутъ князи и бояра, туто-де гости ко-

рабельщики,

Закладу они за Князя кладутъ на сто тысячей.

А никто-де тутъ за Ивана поруки не дер-

жить, —

Пригодился тутъ Владыка Черниговской,

А и онъ-то за Ивана поруку держать,

Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто

тысячей.

Подписались. Молодой Иванъ гостиной сынъ

Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора

ведра,

Походилъ онъ на конюшню Бѣлодубову,

Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,

Косматочкѣ, троелѣточкѣ,

ПАДАЛЪ ЕМУ ВЪ ПРАВОЕ КОПЫТЕЧКО,
ПЛАЧЕТЪ ИВАНЪ, ЧТО РѢКА ТЕЧЕТЪ:
«ГОЙ ЕСИ ТЫ, МОЙ ДОБРОЙ КОНЬ,
БУРОЧКО, КОСМАТОЧКО, ТРОЕЛѢТОЧКО!
ПРО ТО ТЫ ВѢДЬ НЕ ЗНАЕШЬ, НЕ ВѢДАЕШЬ,
А ПРОБИЛЪ Я, ИВАНЪ, БУЙНУ ГОЛОВУ СВОЮ
СО ТОВОЮ ДОБРЫМЪ КОНЕМЪ;
БИЛСЯ СЪ КНЯЗЕМЪ О ВЕЛИКЪ ЗАКЛАДЪ,
А НЕ О СТВЪ РУБЛЯХЪ, НЕ О ТЫСЯЧЪ,
БИЛСЯ СЪ НИМЪ О СТВЪ ТЫСЯЧЕЙ,
ЗАХВАСТАЛСЯ НА ТРИСТА ЖЕРЕБЦОВЪ,
А НА ТРИ ЖЕРЕБЦА ПОХВАЛЕННЫЕ:
СИВЪ ЖЕРЕБЕЦЪ, ДА КОЛОГРИВЪ ЖЕРЕБЕЦЪ,
И ТРЕТІЙ ЖЕРЕБЕЦЪ ПОЛОНЕНЪ ВОРОНКО,
БѢГАТЬ, СКАКАТЬ НА ДОБРЫХЪ НА КОНЯХЪ,
ИЗЪ КІЕВА СКАКАТЬ ДО ЧЕРНИГОВА,
ПРОМЕЖУ ОБЪДНИ, ЗАУТРЕНИ,
УСКОКИ ДАВАТЬ КОНИНЫЕ,

Что вымѣтывать раздолья широкія.»

Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко,
Человѣческимъ Русскимъ языкомъ :
«Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
Ни о чемъ ты, Ивапъ, не печалуйся :
Сива жеребца того не боюсь ,
Кологрива жеребца того не блюдусь ,
Въ задоръ войду — у воронка уйду;
Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пои
И сорочинскимъ пшеномъ корми.
И пройдутъ тѣ дни срочные ,
И тѣ часы урочные ,
Придетъ отъ князя грозенъ посоль
По тебя-то, Ивана гостинаго ,
Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на коняхъ.
Не сѣдай ты меня, Иванъ, добра коня ,

Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей,
Поведешь по двору княженецкому;
А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посапывать,
И по черному соболу выхватывать,
На всѣ стороны побрасывать, —
Князи, бояра подивуются,
И ты будешь живъ — шубу наживешь,
А не будешь живъ, будто нашивалъ.»
По сказанному и по писанному:
Отъ Великаго Князя посоль прищель,
А зоветь-то Ивана на княженицкой дворъ.
Скоро-де Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,

Которой шубъ цѣна три тысячи ,
 А пуговики валящатыя въ пять тысячей :
 И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ .
 Онъ будетъ-де , Иванъ , среди двора Кня-
 женецкаго ,
 Сталъ его бурко передомъ ходить
 И копытами онъ за шубу посапывать ,
 И по черному соболу выхватывать ,
 Онъ на всѣ стороны побрасывать .
 Князи и бояра дивуются ,
 Купецкіе люди засмотрѣлися .
 Зрявкаетъ бурко по туриному ,
 Онъ шипъ пустилъ по змѣиному ,
 Триста жеребцовъ испугалися ,
 Съ княженецкаго двора разбѣжались :
 Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ ,
 Кологривъ жеребецъ тотъ и голову сломилъ ,
 Полоненъ воронко въ Золоту Орду бѣжитъ ,

Онъ хвостъ поднявъ, самъ всхрапываетъ.
 А князи-то и бояра испужалися,
 Всѣ тутъ люди купецкіе,
 Окарачь они по двору наползалися;
 А Владиміръ Князь со Княгинею печалень
 сталъ.

Кричитъ самъ въ окошечко косящутое:
 «Гой еси ты, Иванъ, гостиной сынъ!
 Уведи ты уродья со двора долой;
 Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изо-
 драныя.»

Втапоры Владыка Черниговской,
 У Великаго Князя на почестномъ пирѣ,
 Велѣлъ захватить три корабли на быстромъ
 Днѣпрѣ,
 Велѣлъ похватить корабли
 Съ тѣми товары заморскими,
 А князи-де и бояра никуда отъ насъ не уйдутъ.

7. ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧЪ²⁰.

Во стольномъ въ городъ во Кіевъ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра,
Было пированіе, почестной пиръ,
Было столованіе, почестной столъ
На многи князи и бояра
И на Русскіе могучіе богатыри.
Будеть день въ половина дня,
А и будетъ столъ во полу столъ,
Князь Владиміръ распотъшился —
А незнаемы люди къ нему появились:
Есть молодцовъ за сто человекъ,
Есть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто:
Всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ :
«Свѣтъ, Осударь, ты Владиміръ Князь !
Бздили мы по полю по чистому,
Сверхъ тоя рѣки Черегѣи,
На твоємъ Осударевомъ займищѣ,
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскупаго,
Не видали птицы перелетныя,
Только наѣхали во чистомъ полѣ
Есть молодцовъ за триста и за пять сотъ:
Жерецбы подъ ними Латинскіе,
Кафтанцы на нихъ камчатные,
Однорядочки-то голубъ скурлатъ,
А и колпачки-то золоты плаши ;
Они соболи, куніцы повыловили,
И Печерски лисицы повыгнали,
И насъ избѣли, изранили —
А тебѣ, Осударь, добычи нѣтъ —

А отъ вась, Осударь, жалованья нѣтъ,
Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися. »

А Владиміръ Князь стольной Кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.

А и та толпа со двора не сошла,

А иная толпа появилась :

Есть молодцовъ за триста ,

Есть молодцовъ за пять сотъ.

Пришли охотники рыболовные ,

Всѣ избиты, изранены ,

Булавами буйны головы пробиваны ,

Кушаками головы завязаны ;

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ :

« Свѣтъ, Осударь, ты Владиміръ Князь !

Бѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ ,

На твои щаски княженецкія

Ничего не поймавали;
 Нашли мы людей: есть молодцовъ
 За триста и за пять сотъ,
 Всю они бѣлую-рыбицу повыловили,
 Щуки, караси повыловижъ
 И мѣлкую рыбицу повыдавили,
 Намъ въ томъ, Осударь, добычи нѣтъ,
 Тебѣ, Осударю, приносу нѣтъ,
 Отъ васъ, Осударь, жалованья нѣтъ,
 Дѣти, жены осиротѣли,
 Пошли по міру скитатся,
 И насъ избили, изранили.»

А Владиміръ Князь стольной Кіевской,
 Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
 Ихъ челибитя не слушаетъ.
 А и тѣ толпы со двора не сошли,
 Двѣ толпы вдругъ пришли:
 Первая толпа — молодцы сокольники,

Другіе молодцы кречетники ,
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны ;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ :
« Свѣтъ, Осударь, ты Владиміръ Князь !
Бздили мы по полю чистому ,
Сверхъ тоя Черегі ,
По твоємъ Осударевомъ займищу ,
На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ ;
На твои щастки княженецкія
Ничего не поймывали, не видали
Сокола и кречета перелетнаго ,
Только наѣхали мы молодцовъ
За тысячу челоувѣкъ ;
Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватили ,
И бѣлыхъ кречетовъ поыловили ,
А насъ избіили, изранили ;

Называются дружиною Чуриловою.»

Тутъ Владиміръ князь зато слово спохватится:

«Кто это Чурила есть таковъ?»

Выступался тутъ старой Бермята Васильевичъ:

«Я-де, Осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,

А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.

Дворъ у него на семи верстахъ,

Около двора желѣзной тынъ,

На всякой тынинкѣ по маковкѣ,

А и есть по жемчужинкѣ;

Среди двора свѣтлицы стоятъ,

Гридни бѣлодубовыя

Покрыты сѣдымъ бобромъ,

Потолокъ черныхъ соболей,

Матица-то валженная,

ПОЛЪ СЕРЕДА ОДНОГО СЕРЕБРА,
КРЮКИ ДА ПРОВОВИ ПО БУЛАТУ ЗЛАЧЕНЫ.
ПЕРВЫЕ У НЕГО ВОРОТА ВАЛЪЯЩАТЫЕ,
ДРУГІЕ ВОРОТА ХРУСТАЛЬНЫЕ,
ТРЕТІИ ВОРОТА ОЛОВЯННЫЕ. »

ВТОПОРЫ ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ И СО КНЯГИНЕЮ
СКОРО ОНЪ СНАРЯЖАЕТСЯ,
СКОРЪЕ ТОГО ПОВЪЗДКУ ЧИНЯТЬ;
ВЗЯЛЪ СЪ СОБОЮ КНЯЗЕЙ И БОЯРЬ
И МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЕЙ ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА
И СТАРАГО БЕРМЯТУ ВАСИЛЬЕВИЧА, —
ТУТЬ ИХЪ СОБРАЛОСЬ ПЯТЬ СОТЪ ЧЕЛОВѢКЪ,
И ПОВЪХАЛИ КЪ ЧУРИЛЪ ПЛЕНКОВИЧУ.
И БУДУТЬ У ДВОРА ЕГО,
ВСТРѢЧАЕТЪ ИХЪ СТАРОЙ ПЛЕНЬ —
ДЛЯ КНЯЗЯ И КНЯГИНИ
ОТВОРЯЕТЪ ВОРОТА ВАЛЪЯЩАТЫЕ,
А КНЯЗЬЯМЪ И БОЯРАМЪ ХРУСТАЛЬНЫЕ,

Простымъ людямъ ворота оловянные.
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сароженинъ
Приступилъ ко Князю Владимиру
И ко Княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убранные столы, въ мѣсто по-
честное;
Принималъ, сажалъ князей и бояръ
И могучихъ Русскихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія,
Чѣмъ бы князя развеселить —
Веселая бесѣда на радости день.
Князь со Княгинею веселъ сидеть,
Посмотрѣвъ въ окошечко косящатое
И увидѣвъ въ полѣ толпу людей,

Говорилъ таково слово:

« По грѣхамъ надо мною Княземъ учинилося,
Князя меня въ домъ не случилось,
Бдетъ ко мнѣ король изъ Орды,
Или какой грозень посоль. »

Старой Пленка Сароженинъ

Лишь только усмѣхается, самъ подбиваетъ:
« Изволь ты, Осударь, Владиміръ Князь со
Княгинею

И со всѣми своими князи и бояры кушати,
Что-де бдетъ не король изъ Орды
И не грозень посоль,
Бдетъ-де дружина хорабрая сына моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, Осударь, будетъ предъ тобою-жъ,
Будетъ пиръ во полу пиръ
Будетъ столъ во полу столъ. »

Пьютъ они, бдятъ, потѣшаются,

Всѣ уже они безъ памяти сидятъ.
На дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ свирается,
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть и до тысячи;
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
И прѣхалъ Чурила ко двору своему,
Перво его скороходъ прѣбѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворѣ,
А и некуда Чурилѣ на дворѣ вхати
И стоять со своимъ промысломъ.
Повѣхали они на свой окольной дворѣ,
Тамъ они становилися и совсѣмъ убиралися.
Втапору Чурила догадливъ былъ,
Беретъ золоты ключи,

Пошелъ во подвалы глубокіе,
 Взялъ онъ золоту казну:
 Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
 Другую сорокъ Печерскихъ лисицъ,
 И бралъ же камку бѣлохрущату,
 А цѣна камкѣ сто тысячей,
 Принесъ онъ ко Князю Владиміру,
 Кладъ передъ нимъ на убраной столѣ.
 Втапору Владиміръ Князь, стольной Кіевской,
 Больно со Княгинею возрадовалися,
 Говорилъ ему таково слово:
 «Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
 Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
 Подобаетъ тебѣ, Чурилъ, въ Кіевѣ жить,
 Князю служить.»

Втапору Чурила Князя Владиміра не о-
 слушался,
 Приказалъ тотчасъ коня осѣдлатъ,

И повѣхали они все въ тотъ стольной Кі-
евъ градъ,

Ко ласкову Князю Владиміру ,
Въ добромъ здоровьи ихъ Богъ перенесъ.

А и будутъ на дворъ княженецкомъ,

Скочили они со добрыхъ коней,

Пошли во свѣтлицы гридни,

Садилися за убранные столы.

Посылаетъ Владиміръ стольной Кіевской
Молода Чурила Пленковича

Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,

А зватаго приказалъ братъ со всякаго по
десяти рублевъ.

Обходилъ онъ Чурила князей и бояръ
И собралъ ко Князю на почетной пиръ.

А и зайдетъ онъ Чурила Пленковичъ

Въ домъ ко старому Бермятъ Васильевичу ,

Ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ
прекрасной,

И тутъ онъ позамѣшкался.

Ожидаетъ его Владиміръ Князь

Что долго замѣшкался.

И мало время поизойдучи,

Пришелъ Чурила Пленковичъ;

Втапору Владиміръ Князь ни во что по-
ложилъ —

Чурила пришелъ и столъ пошелъ,

Стали пити, ясти, прохлаждатися,

Всѣ Князи и бояра до пъяна напивалися

Для новаго стольника Чурилы Пленковича,

Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.

По утру рано ранешенко,

Рано зазвонили ко заутрени;

Князи и бояра пошли къ заутрени;

Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу вѣлаго

И нашли они свѣжій слѣдъ,

Сами они дивуются:

Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностаѣ ;

А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ :

Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностаѣ,

Это шель Чурила Пленковичъ

Къ старому Бермятъ Васильевичу,

Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасной .

С Л О В О

О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА.

ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ ОТКРЫТА 'ВЪ
СТАРИННОМЪ СБОРНИКѢ ГРАФОМЪ АЛЕКСѢЕМЪ
ИВАНОВИЧЕМЪ МУСИНЫМЪ ПУШКИНЫМЪ ВЪ
1795 ГОДУ. КРОМѢ ЭТОГО СПИСКА, СГОРѢВША-
ГО ВЪ 1812 ГОДУ, МЫ НЕ ЗНАЕМЪ ДРУГАГО. ОБЪ
ЭТОМЪ СТРАННОМЪ ОТКРЫТІИ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ
ПИСАЛЪ ВЪ 1813 ГОДУ, ВЪ ПИСЬМѢ КЪ К. Θ. КЛА-
ЙДОВИЧУ, ЧТО РУКОПИСЬ: « ПИСАНА НА ЛОЩЕ-
НОЙ БУМАГѢ, ВЪ КОНЦѢ ЛѢТОПИСИ, ДОВОЛЬНО
ЧИСТЫМЪ ПИСЬМОМЪ. ПО ПОЧЕРКУ ПИСЬМА И ПО

БУМАГЪ ДОЛЖНО ОТНЕСТИ ОНУЮ ПЕРЕПИСКУ КЪ КОНЦУ XIV или къ началу XV вѣка. До ОБРАЩЕНІЯ СПАСО-ЯРОСЛАВСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ АРХІЕРЕЙСКІЙ ДОМЪ, УПРАВЛЯЛЪ ОНЫМЪ АРХИМАНДРИТЬ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ на обществѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю коммиссіонеръ мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено Слово о полку Игоревѣ. Во время службы моей въ С. ПЕТЕРБУРГѢ нѣсколько лѣтъ занимался я РАЗБОРОМЪ и ПРЕЛОЖЕНІЕМЪ ОНЫЯ ПѢСНИ НА НЫНѢШНІЙ ЯЗЫКЪ, КОТОРАЯ ВЪ ПОДЛИННИКѢ ХОТЯ ДОВОЛЬНО ЯСНЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ БЫЛА НА-

ПИСАНА, НО РАЗОБРАТЬ ЕЕ БЫЛО ВЕСЬМА ТРУДНО, ПОТОМУ ЧТО НЕ БЫЛО НИ ПРАВОПИСАНІЯ, НИ СТРОЧНЫХЪ ЗНАКОВЪ, НИ РАЗДѢЛЕНІЯ СЛОВЪ, ВЪ ЧИСЛѢ КОИХЪ МНОЖЕСТВО НАХОДИЛОСЯ НЕИЗВѢСТНЫХЪ И ВЫШЕДШИХЪ ИЗЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ. ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДОЛЖНО БЫЛО ЕЕ РАЗДѢЛИТЬ НА ПЕРІОДЫ И ПОТОМЪ ДОБИРАТЬСЯ ДО СМЫСЛА : ЧТО КРАЙНЕ ЗАТРУДНЯЛО, И ХОТЯ ВСЕ БЫЛО УЖЕ РАЗОБРАНО ; НО Я, НЕ БЫВЪ ПРЕЛОЖЕНІЕМЪ МОИМЪ ДОВОЛЕНЪ, ВЫДАТЬ ОНУЮ ВЪ ПЕЧАТЬ НЕ РѢШАЛСЯ, ОПАСАЯСЬ ПАЧЕ ВСЕГО, ЧТОБЫ НЕ СДѢЛАТЬ ОШИБКИ. ПО ПЕРЕѢЗДѢ ЖЕ МОЕМЪ ВЪ МОСКВУ, УВИДѢЛЪ Я У А. Ѳ. МАЛИНОВСКАГО, КЪ УДИВЛЕНІЮ МОЕМУ, ПЕРЕВОДЪ МОЙ ОЧЕНЬ ВЪ НЕИСПРАВНОЙ ПЕРЕПИСКѢ, И ПО УБѢДИТЕЛЬНОМУ СОВѢТУ ЕГО И ДРУГА МОЕГО, Н. Н. Б. КАМЕНСКАГО , РѢШИЛСЯ, ОБЩЕ СЪ НИМИ, СВѢРИТЬ ПРЕЛОЖЕНІЕ СЪ ПОДЛИННИКОМЪ,

, СПД (П,

1) СПД (П) СПД (П
1, СПД (П, СПД (П

и исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдалъ въ печать» (Труды общ. Ист. и Др. ч. 2. стр. 35.).

Въ 1797 году кто-то возвѣстилъ объ этой находкѣ въ **SPECTATEUR DU NORD** (Окт. стр. 35): «два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: пѣснь Игоревыхъ войновъ, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ.

Шлецеръ до изданія пѣсни Игоровой сомнѣвался въ ея подлинности, но когда прочиталъ ее въ изданіи Мусина-Пушкина, признался: «что это твореніе въ пѣтической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь я болѣе не сомнѣваюсь» (Нест. Шлец. т. I. стр. 384.).

Въ 1800 году графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ въ Москвѣ это слово подъ слѣдующимъ заглавіемъ : «Ироиическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новгорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ преложениемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.» Издатель приложилъ къ ней : «поколѣнную роспись Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ»; историческое содержаніе пѣсни; примѣчанія. Это изданіе текста было образцемъ для всѣхъ восьми изданій.

1-е изданіе было напечатано въ Москвѣ, въ 1800 г. въ Сенатской тип. въ 4, въ двѣ колоны; текстъ былъ отпечатанъ кур-

СИВОМЪ, А ПЕРЕВОДЪ ПРЯМЫМЪ ШРИФТОМЪ;
ПРИМЪЧАНІЯ ПОМѢЩЕНЫ ВЪ КОНЦѢ СТРАНИЦЪ.

2-Е ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАЛЪ А. С. ШИШКОВЪ
ВЪ 1 Ч. СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕРОДОВЪ, ИЗДАВАЕ-
МЫХЪ РОССІЙСКОЮ АКАДЕМІЕЮ ВЪ 1805 ГОДУ,
ВЪ СПБ. ИЗДАТЕЛЬ ПРИСОЕДИНИЛЪ ОСОБЕННО
СВОЙ ПЕРЕВОДЪ И ПРИМЪЧАНІЯ.

3-Е ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАЛЪ Я. ПОЖАРСКІЙ ВЪ
СПБ., ВЪ 1819 Г. ВЪ 4. ВЪ ТИП. ДЕПАРТАМЕН-
ТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ, ВЪ ДВѢ КОЛОНЫ
КАКЪ ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ. ВЪ КОНЦѢ КНИГИ БЫ-
ЛО ПРИСОЕДИНЕНО : ПРИМЪЧАНІЯ НА ПРЕЛОЖЕ-
НІЕ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА, ИЗДАН-
НОЕ ГРАФОМЪ МУСИНЫМЪ-ПУШКИНЫМЪ И ПРИМЪ-
ЧАНІЯ СДѢЛАННЫЯ АЛЕКСАНДРОМЪ ШИШКОВЫМЪ.

4-Е ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАЛЪ Н. ГРАММАТИНЪ
ВЪ МОСКВѢ, ВМѢСТѢ СЪ ПЕРЕВОДОМЪ, ВЪ ПРО-
ЗѢ И СТИХАХЪ, ВЪ 1823 ГОДУ.

5-е издание было перепечатано А. С. Шишковымъ въ его полномъ собраніи сочиненій и переводовъ, ч. VII, Спб. 1826 г., въ томъ самомъ видѣ, какъ мы означили выше.

6-е издание было напечатано Н. А. Полевымъ въ VI дополненіи къ третьему тому Истории Русскаго народа, въ 1830 году.

7-е издание напечаталъ А. Θ. Вельтманъ въ 1833 г., въ Москвѣ, вмѣстѣ съ прозаическимъ переводомъ, съ краткими въ концѣ примѣчаніями, въ 8.

8-е издание напечаталъ въ Кіевѣ, въ 1837 г., М. Максимовичъ, вмѣстѣ съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ, въ 12.

Издания текста Слова о полку Игоревомъ были печатаны различно. Съ издания Мусина-Пушкина перепечатали точь въ точь: А. С. Шишковъ, Я. Пожарскій, Н. Грам-

матинъ, Н. А. Полевой. Востоковъ совѣтовалъ раздѣлить Слово на стихи, подобные библейскимъ, и этотъ совѣтъ мы встрѣчаемъ въ изданіи Максимовича, у котораго числами означены періоды. А. Θ. Вельтманъ раздѣлилъ слово на періоды, совершенно въ другомъ видѣ, въ сравненіи съ раздѣленіемъ Максимовича.

Русскіе писатели, издавая текстъ Слова о полку Игоревомъ, объясняли его различными примѣчаніями, переводили, или, какъ говорили нѣкоторые, перелагали на современный языкъ. Переводы эти были изданы въ прозѣ и стихахъ.

Произанческіе переводы были изданы слѣдующими писателями.

1. Мусинъ-Пушкинъ, вмѣстѣ съ А. Θ. Малиновскимъ и Н. Н. Бантышъ-Камен-

издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1800 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

2. А. С. Шишковъ издалъ свой переводъ, напечатавши его прежде въ 1 части сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею, въ 1805 г., а потомъ вторично перепечаталъ въ 1826 г., въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, ч. VII.

3. Я. Пожарскій издалъ свой переводъ въ Спѣтербургѣ, въ 1819 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

4. Н. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

5. А. О. Вельтманъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1833 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

6. М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ Кіевѣ, въ 1387 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

Переводы въ стихахъ были изданы слѣдующими писателями:

1. Свряковъ издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1803 году.

2. Палицынъ издалъ свой переводъ въ Харьковѣ, въ 1808 году.

3. Язвицкій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1812 году.

4. Левитскій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1813 году.

5. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ и прозаическимъ переводомъ.

Какъ переводили наши писатели Слово

о Полку Игоревомъ , мы приводимъ для сличенія ихъ переводы.

Переводъ Мусина Пушкина :

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слономъ прискореную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носился мыслію по деревьямъ, сърымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ А. С. Шишкова :

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слономъ, ка-кимъ въ древнія времена многотрудныя повѣствовались подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ сего времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчи-

ВЫЙ КОГО ВОСПѢТЬ ХОТѢЛЪ, РАСТЕКАЛСЯ МЫСЛЮ ПО ДРЕВАМЪ, СЪРЫМЪ ВОЛКОМЪ ПО ЗЕМЛѢ, СИЗЫМЪ ОРЛОМЪ ПОДЪ ОБЛАКИ.

Переводъ Пожарскаго :

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича ! Начать же оную по бытіямъ сего времени, и не по замыслу Боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслію по древу, сърымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Вельтмана :

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря — Игоря-Святъславича ?

Былое воспѣть, а не вымысль Бояна,

КОТОРАГО МЫСЛИ ТЕКЛИ ВЪ ВЫШИНУ, ТАКЪ
КАКЪ СОКИ ПО ДРЕВУ;

КАКЪ СЪРЫЕ ВОЛКИ НЕСЛИСЬ ПО ПРОСТРАН-
СТВУ, И СИЗЫМЪ ОРЛОМЪ ВЪ ПОДНЕБЕСЬЕ ПАРИЛИ.

Переводъ Максимовича:

НЕ СЛАВНО ЛИ БЫЛО-БЪ НАМЪ, БРАТЯ, ГА-
ЧАТЬ СТАРЫМИ СЛОВАМИ СКОРБНЫХЪ ПОВѢСТЕЙ
ПѢСНЬ ОПОЛЧЕНИЮ ИГОРЯ, ИГОРЯ СВЯТОСЛА-
ВИЧА!

А НАЧАТЬСЯ ТОЙ ПѢСНИ ПО БЫЛНАМЪ СЕ-
ГО ВРЕМЕНИ, ХОТЬ НЕ ПО БОЯНОВУ ЗАМЫШЛЕ-
НИЮ.

БОЯНЪ ВѢЩІЙ, ЕСЛИ КОМУ ХОТѢЛЪ ПѢСНЬ
ТВОРИТЬ, ТО РАСТЕКАЛСЯ МЫСЛЮ ПО ДРЕВУ,
СЪРЫМЪ ВОЛКОМЪ ПО ЗЕМЛИ, СИЗЫМЪ ОРЛОМЪ
ПО ПОДНЕБЕСЬЮ.

Переводъ Левитскаго:

НАМЪ ПРІЯТНО, БРАТЦЫ, ПѢСНЬ ВОСПѢТЬ

Древнимъ слогомъ — слогомъ жалобнымъ
 О походъ славна Игоря,
 Не веселую — печальную!
 Мы начнемъ ее, какъ слышали,
 Не по замысламъ Бояновымъ.
 Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ
 Прославлять когда хотѣлъ кого,
 То носился всюду мыслию:
 По деревьямъ легкой птицею,
 Чрезъ холмы будто сврой волкъ,
 Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣти ли, любезны, милы братіе,
 Мѣрой древней заунывной не воспѣти ли
 О походъ на Половцовъ Князя Игоря,
 О походъ неудачномъ Святославича?
 Повесть, жалости достойная и вѣчныхъ
 слезъ.

А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
 Не по замыслу Бояна пѣснь почнемъ свою.
 Пѣснь когда хотѣлъ творити сладку пѣснь

Боянъ

Онъ по древу растекался смѣлой мыслию,
 Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ

по земли

Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ
 облаки.

Слово о полку Игоревомъ обратило на себя вниманіе чужеземцевъ. Его перевели: на Нѣмецкой—Юнгманъ, въ 1810 г., и Мюллеръ; на Польскій—Купріанъ Годабскій; на Богемскій—Вацлавъ Ганка, который одно предисловіе написалъ на четырехъ языкахъ: Богемскомъ, Сербскомъ, Польскомъ и Русскомъ; есть еще переводъ Французской. Изъ всѣхъ этихъ переводовъ

ЗАСЛУЖИВАЕТЪ ВНИМАНИЕ ТОЛЬКО ОДИНЪ — Вац-
лава Ганки.

Съ первыхъ дней изданія возникли спо-
ры въ защиту и уничтоженіе Слова о пол-
ку Игоревомъ. Объясняли, переводили, спо-
рили, а Слово доселѣ остается неразгадан-
нымъ. Мы не можемъ назвать этихъ споровъ
даже полемикою; они такъ мѣлочны и ни-
чтожны, что въ нихъ нѣтъ ни одного вѣр-
наго доказательства, ни одного умнаго
взгляда на это древнее произведеніе народ-
ной Русской поэзіи. Обращаемъ вниманіе
на главныя причины, произведшія всѣ не-
доразумѣнія.

Съ перваго извѣстія объ открытіи Сло-
ва возвыщено было, что это что-то такое,
что походить на Оссіановское. Припомни-
те, что это было объявлено въ 1797 году,

КОГДА СЛОВО НЕ БЫЛО ИЗДАНО, КОГДА КРОМѢ МУСИНА-ПУШКИНА, НИКТО ЕГО ЕЩЕ НЕ ВИДАЛЪ. ЭТО БЫЛО ПЕРВОЕ СОМНѢНІЕ, ГДѢ МНИМОЕ СХОДСТВО ПОВЛЕКЛО ЗА СОБОЮ ТОЛКИ, НЕДОСТОЙНЫЕ КРИТИКИ. СЪ НАЧАЛА ГОВОРИЛИ, ЧТО ЭТО ЕСТЬ НОВѢЙШАЯ ВЫДУМКА — И ЭТО МНѢНІЕ, УМОЛКНУВШЕЕ СЪ 1802 ГОДА, ПРИЗНАНІЕМЪ ШЛЕЦЕРА, ВОЗОБНОВИЛОСЬ ОПЯТЬ, КОГДА ИЗЫСКАТЕЛИ ВЗДУМАЛИ НЕ ВѢРИТЬ НАШЕЙ ИСТОРИИ.

ВТОРОЕ СОМНѢНІЕ РОДИЛОСЬ ИЗЪ САМОГО СЛОВА: КРИТИКИ НЕ ЗНАЛИ — ЧТО ЭТО ЗА ЯЗЫКЪ, ИЛИ, ЧТО ЭТО ЗА НАРѢЧІЕ, НА КОТОРОМЪ ПИСАНО СЛОВО? ЗДѢСЬ МЫ ДОЛЖНЫ ИСКАТЬ ИСТОЧНИКИ ВСѢХЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ ОШИБОКЪ, ПРЕВРАТНЫХЪ ПОНЯТІЙ. ВЪ СЛѢДСТВІЕ ЭТОГО, МЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВСТРѢЧАТЬ ВЪ КАЖДОМЪ МНѢНІИ НЕСООБРАЗНОСТИ ВСЯКАГО РОДА. Мо-

ГУТЬ ЛИ БЫТЬ ВѢРНЫМИ ВСѢ ИЗЫСКАНІЯ, КОГДА КРИТИКЪ НЕ ПОНИМАЕТЪ ГЛАВНОЙ МЫСЛИ, ТОЙ ОСНОВНОЙ ИДЕИ, О ЧЕМЪ ОНЪ ГОВОРИТЬ? Можно ли было ожидать чего либо дѣльнаго, когда всѣ изысканія начинались и оканчивались невѣдѣніемъ?

Третье сомнѣніе составилось по необходимости изъ тогдашней Палеографіи. Издатель Слова, Мусинъ-Пушкинъ, не извѣстилъ при выходѣ его: на чемъ писано? когда? Какіе признаки древности? Какія были приняты правила для изданія его? Сохранены ли черты рукописнаго правописанія при печатаніи? Припомните, что Слово было открыто въ 1795 году, напечатано въ 1800 г., рукопись сгорѣла въ 1812, а письмо Мусина-Пушкина къ К. Ѳ. Калайдовичу о палеографическихъ признакахъ рукопи-

си, писанное въ 1823 году, напечатано было въ 1824 г. въ 2 ч. въ трудахъ общества Истории и Древностей Россійскихъ. Эта неизвѣстность была причиною, что многіе сомнѣвались въ подлинности. Замѣтимъ однако, что рукопись до сгорѣнія не была тайною: ее видѣли: Н. Н. Б. Каменскій, А. Ѳ. Малиновскій, К. Ѳ. Калайдовичъ, А. И. Ермолаевъ, Н. М. Карамзинъ, Р. Ѳ. Тимковскій и Болтинъ. Вотъ сколько было свидѣтелей! Но, чтожъ они намъ сказали? И. Ермолаевъ говорилъ, что рукопись писана полууставомъ XV вѣка; Калайдовичъ почеркъ ея признавалъ Бѣлорусскимъ, не выходящимъ далѣе XVI вѣка. Почеркъ Бѣлорусскій и полууставъ—представляютъ совершенно разныя понятія о рукописи. Мусинъ-Пушкинъ писалъ: «под-

ЛИННИКЪ ПИСАНЪ ДОВОЛЬНО ЯСНЫМЪ ХАРАКТЕРМЪ ; РАЗОБРАТЬ ЕГО ВЕСЬМА ТРУДНО ; НѢТЬ НИ ПРАВОПИСАНІЯ, НИ РАЗДѢЛЕНІЯ СЛОВЪ, НИ СТРОЧНЫХЪ ЗНАКОВЪ ; ПО ПОЧЕРКУ ПИСЬМА И БУМАГЪ ДОЛЖНО ОТНЕСТИ ПЕРЕПИСКУ КЪ КОНЦУ XIV или къ началу XV. » Это ТРЕТЬЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО ПРОТИВОРѢЧИТЬ ДВУМЪ ПЕРВЫМЪ. Въ слѣдствіе этихъ недоразумѣній ОТКРЫЛИСЬ НОВЫЯ СОМНѢНІЯ МЕЖДУ ОТВЕРГАЮЩИМИ ДРЕВНОСТЬ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ЧЕТВЕРТОЕ СОМНѢНІЕ ПРОИСТЕКЛО ОТЪ НЕЗНАНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА НАШИХЪ ПРЕДКОВЪ. У ВСѢХЪ ТОГДА ПРЕДЪ ГЛАЗАМИ БЫЛЪ ОДИНЪ СЛАВЯНО-ЦЕРКОВНЫЙ ЯЗЫКЪ, И ПО НЕМЪ ИЗМѢРЯЛИ ВСѢ ПАМЯТНИКИ. ПРАВДА, ЧТО СТАРАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДОСЕЛѢ ЕЩЕ НЕ ПРИВЕДЕНА ВЪ ИЗВѢСТНОСТЬ, НЕ СМОТРА НА ТЫСЯЧИ ФОЛІАНТОВЪ РУКОПИСЕЙ ; НО НЕ СМОТРА НА Э

РАЗНЫЕ ПАМЯТНИКИ УКАЗЫВАЛИ ЯСНО, ЧТО ОНИ ТАКОЕ. ВИДѢЛИ ОТЛИЧІЕ РАЗСКАЗА ВЪ ЛѢТОПИСЯХЪ, СКАЗАНІЯХЪ, НО НЕ ХОТѢЛИ ОТТВѢНИТЬ ВСѢ ЭТИ РАЗНОСТИ: ВСЕ СОСРЕДОТОЧИВАЛОСЬ ВЪ ОДНУ МЫСЛЬ, ВЪ ОБЩІЙ СЛАВЯНО-ЦЕРКОВНЫЙ ЯЗЫКЪ. НАРОДНЫЙ ЯЗЫКЪ, КОТОРАГО СЛѢДЫ ОСТАЛИСЬ ВЪ ЛѢТОПИСЯХЪ, ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ АКТАХЪ И ПѢСНЯХЪ, КАКЪ БУДТО ДЛЯ ТОГДАШНИХЪ КРИТИКОВЪ НЕ СУЩЕСТВОВАЛЪ. ВЪ СЛОВѢ О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ ОНИ НЕ НАХОДИЛИ СЛАВЯНО-ЦЕРКОВНАГО ЯЗЫКА, НЕ ПОНИМАЛИ, ЧТО ЭТО ЗА ЯЗЫКЪ, ЗАБЫВАЯ РѢШИТЕЛЬНО НАРОДНЫЙ ОБЩІЙ РАЗГОВОРЪ. НАШИ ДОМОРОЩЕННЫЕ СКЕПТИКИ УМѢЛИ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТОЛЬКО ЭТИМЪ СОМНѢНІЕМЪ; НО НЕ ЗНАЛИ ТАКЖЕ ОТЛИЧІЯ ЯЗЫКА НАРОДНАГО И КНИЖНАГО, А ИНАЧЕ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫЛИ ВЫСКАЗАТЬ НАМЪ ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ РѢЗКАГО, ЗАМѢЧАТЕЛЬНОГО ВЪ ПОД-

ложности. Сдѣлать этого они не могли: міръ не создалъ для ихъ сомнѣній ложныхъ доказательствъ.

Пятое сомнѣніе, весьма важное для тогдашнихъ критиковъ, явилось изъ сбивчивыхъ понятій о нашей народности. Неумышленное указаніе неизвѣстнаго въ 1797 году на сходство Слова съ пѣснями Оссіана — доставило критикомъ обширное поле дѣятельности. Пошли писать о сравненіи, находили чужеземныя красоты, и сочинителя Слова поставили выше всѣхъ въ свѣтъ. Для знакомыхъ съ Оссіаномъ нѣчего говорить о сходствѣ; они знаютъ, что пѣсни Оссіана столько же походятъ на наше Слово, сколько арабъ на бѣлаго Европейца. Впрочемъ скептики не могли воспользоваться этимъ сомнѣніемъ. Они чуждые всѣхъ

сравненій; искали другихъ средствъ убить Слово, и поражение ихъ отражалось на другихъ сомнѣніяхъ. Защитники доискивались причинъ подлинности въ красотахъ нашей поэзіи; но какія тогда существовали понятія объ этомъ? Мы знаемъ, какъ смотрѣло тогда наше старое поколѣніе, воспитанное по чужеземнымъ курсамъ, на народную поэзію — какъ указывали Батте, Лагарпъ и другіе. Слово о полку Игоревомъ не подходило ни подъ одинъ изъ этихъ курсовъ. Простая, безъ вычурныхъ украшеній, выказанная народнымъ гениемъ наша поэзія создавалась столѣтіями, росла вмѣстѣ съ народомъ и увѣковѣчилась Русскою самобытностію. Гдѣ еще курсъ нашей народной литературы? Объ этомъ не думало еще ни старое, ни новое поколѣ-

НІЕ. МОЖЕТЪ БЫТЬ, ОДНО ТОЛЬКО ПОТОМСТВО
БУДЕТЬ ВЪ СОСТОЯНІИ ОТТѢНІТЬ ВСѢ ЧЕРТЫ
НАШЕЙ НАРОДНОСТИ, ДЛЯ НАСЪ НЕДОСТУПНЫЯ;
ОНО ОДНО УКАЖЕТЪ, ЧТО МОГЛИ МЫ СДѢЛАТЬ
ДЛЯ СВОЕГО ВРЕМЕНИ, И ЧЕГО НЕ МОГЛИ.

ПРИСТУПАЕМЪ ТЕПЕРЬ КЪ ОБОЗРѢНІЮ ВСѢХЪ
КРИТИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ СЛОВА О ПОЛКУ
ИГОРЕВОМЪ. Здѣсь мы увидимъ все, что
УСПѢЛИ СДѢЛАТЬ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ ВЪ ПРО-
ДОЛЖЕНІЕ Сорока лѣтъ для оцѣнки одно-
го изъ удивительныхъ памятниковъ нашей
старой поэзіи.

ГРАФЪ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ КЪ СВОЕМУ ИЗДА-
НІЮ ПРИСОВОКУПИЛЪ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ —
ИСТОРИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПѢСНИ, ГДѢ МЫ
ПРОЧИТАЛИ НА СТР. 6 : « Любители Россій-
ской словесности согласятся, что въ семъ
оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ

сочиненій видѣнь духъ Оссіановъ; слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ Бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу.» Въ этихъ словахъ изыскатели высказали всѣ понятія, принадлежавшія имъ въку. Примѣчанія издателей состояли изъ историческихъ замѣтокъ, По преданію извѣстно, что составленіемъ этихъ примѣчаній занимался извѣстный тогдашній критикъ Болтинъ. Въ числѣ ихъ находятся и филологическія слѣдованія. На примѣръ: «*Буй* значитъ дикій, а *туръ* воля. И такъ Буйтуромъ, или буйволомъ называется здѣсь Всеволодъ, въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. Вѣроятно, что изъ сихъ словъ составилось потомъ названіе: богатыря, ибо другаго произведенія оному слово до сихъ поръ не найдено. — Сребрено

стружіе — ВОИНСКІЕ ПОЧЕСТНЫЕ ДОСПѢХИ. —
Кръсити — ЯСНОЕ ЗДѢСЬ ЗНАМЕНОВАНИЕ ГЛА-
ГОЛА КРЕЩУ ДОКАЗЫВАЕТЪ, ЧТО СЛОВО: ВОС-
КРЕСЕНІЕ ТОЧНО ОТЪ ТОГО ПРОИСХОДИТЬ. —
Смага — МАЛОРОССІЙСКОЕ НАЗВАНІЕ ЖАЖДА. —
Болонье ЗНАЧИТЬ ПОРОЖЖЕЕ ПРОСТРАНСТВО
МЕЖДУ ВАЛОВЪ, ОКРЕСТНОСТЬ ГОРОДА СОСТАВ-
ЛЯЮЩИХЪ, КОТОРОЕ СЛУЖИЛО ДЛЯ ВЫГОНА
СКОТА, ДЛЯ ОГОРODOVЪ. — *Чага* — УПОВА-
ТЕЛЬНО ТОЖЕ, ЧТО И КОНЧАКЪ КНЯЗЬ ПОЛО-
ВЕЦКІЙ. ШЕРИЩЕРЫ НЕИЗВѢСТНЫЙ НЫНѢ ВО-
ИНСКІЙ СНАРЯДЪ. *Гоголь* — КРАСИВАЯ УТКА
СЪ ХОХЛОМЪ, ПИТАЮЩАЯСЯ РАКОВИНАМИ, ЗА КО-
ТОРЫМИ ОНА ОТМѢННО ПРЕДЪ ПРОЧИМИ НЫРЯЕТЪ.
Стрикусъ — СТѢНОВИТНОЕ ОРУДІЕ, РОДЪ ТА-
РАНА, ПРИ ОСАДѢ ГОРОДСКИХЪ ВОРОТЪ УПОТРЕ-
БЛЯЕМАГО. *Изъ луку моря* — ОБЪЯСНЕНО
ТОЛЬКО ЛУКА КРИВИЗЦА, ИЗЛУЧИНА. » МЫ ВЫ-

ПИСАЛИ ВСѢ ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ ОБРАЗЪ ВОЗЗРѢНІЯ ИЗЫСКАТЕЛЕЙ. ВСЕГО ТОЛЬКО ОНИ НАШЛИ ЗАМѢЧАТЕЛЬНОГО 9 СЛОВЪ; НО ТОЛЬКО ЛИ ТАМЪ ЕСТЬ?

Недостатки этого изданія заключаются въ слѣдующемъ: нѣтъ палеографическихъ извѣстій; нѣтъ снимка съ рукописи; не показано, точно ли то соблюдено правописание въ печатаніи, какое находилось въ рукописи; не означено: къ какому времени должно отнести произведеніе самого Слова; не раскрыты причины достовѣрности Слова въ отношеніи языка; невѣрность перевода съ самаго текста. Достоинство этого изданія заключается единственно въ изданіи текста Слова о полку Игоревомъ. Жаль очень, что издатели не успѣли напечатать другихъ піесъ, помѣщенныхъ въ этомъ

ЖЕ СБОРНИКЪ, КАКЪ-ТО: «ДѢЯНІЕ ПРЕЖНИХЪ
ВРЕМЕНЪ ХРАБРЫХЪ ЧЕЛОВѢКЪ О БРЪЗОСТИ, И О
СИЛѢ, И О ХРАБРОСТИ. АЩЕ ДУМНО ЕСТЬ СЛЫ-
ШАТИ О СВАДѢБѢ ДЕВГѢЕВѢ, И О ВСЪХЫЩЕНІИ
СТРАТИГОВНѢ.» ВЪ НАПЕЧАТАНІИ ЭТИХЪ ПІЕСЬ
МЫ БЫ УЗНАЛИ ОБРАЗЪ ПРАВОПИСАНІЯ, И, МО-
ЖЕТЪ БЫТЬ, ДАЖЕ ОТКРЫЛИСЬ БЫ ВАРИАНТЫ
СЛОВЪ. ТАКЪ Н. М. КАРАМЗИНЪ ВЪ СВОЕЙ ИСТО-
РИИ УКАЗЫВАЕТЪ НАМЪ НА СПИСОКЪ СВАДѢБЫ
ДЕВГѢЕВОЙ (СМ. И. Г. Р. т. 2, пр. 333, и т.
3, пр. 282).

САМОЕ ПЕРЕЛОЖЕНІЕ ИЛИ ПЕРЕВОДЪ ИМѢЕТЪ
ОЩУТИТЕЛЬНЫЕ НЕДОСТАТКИ. ТАКЪ: «НАВЕДЕ
СВОЯ ХРАБЫЯ ПЛѢКЫ НА ЗЕМЛЮ ПОЛОВѢЦКУЮ
ЗА ЗЕМЛЮ РУСЬСКУЮ.—ВСТУПИЛЪ СЪ ХРАБРЫМЪ
СВОИМЪ ВОИИСТВОМЪ ВЪ ЗЕМЛЮ ПОЛОВЕЦКУЮ
ДЛЯ ОТМЩЕНІЯ ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ.» ЗДѢСЬ
ИЗДАТЕЛИ ПРИБАВИЛИ ОТЪ СЕБЯ СЛОВА: ДЛЯ

отмищенія. Или: «Спала князю умъ похотѣ
и жалость ему знаменіе заступи, искусити
Дону великаго. — Пришло князю на мыслъ
пренебречь худое предвѣщаніе и извѣдать
счастья на Дону Великомъ.» Это не переводъ,
но собственное умствование. Или: «свистъ
звѣринъ въ стасби. — Ревуть звѣри стада-
ми-» Слово: стазба не значитъ стадо, а
пастбище, лугъ, гдѣ пасется скотъ.

А. С. Шишковъ въ 1805 г. напечаталъ
вторично изданіе Мусина-Пушкина, съ при-
бавленіемъ примѣчаній и своего новаго пе-
ревода. Въ примѣчаніяхъ А. С. Шишковъ
показывалъ недостатки перевода Мусина-
Пушкина, указывалъ на красоты изложе-
нія самого Слова. Переводъ сдѣланъ былъ
имъ съ новымъ взглядомъ на текстъ, на
слѣдующихъ основаніяхъ: «Изъ вышепред-

ЛОЖЕННЫХЪ НА СЮ ПѢСНЬ ПРИМѢЧАНІЙ МОИХЪ
 ВИДѢЛИ МЫ, ЧТО НѢКОТОРЫЯ ВЪ НЕЙ МѢСТА,
 ИЛИ ПО ДРЕВНОСТИ СЛОГА ИЛИ ПО НЕИЗВѢСТНО-
 СТИ УПОМИНАЕМЫХЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ, ИЛИ ПО
 ОШИБКАМЪ ОТЪ ПЕРЕПИСОКЪ ВКРАВШИМСЯ, ВО-
 ВСЯ НЕВРАЗУМИТЕЛЬНЫ; ДРУГІЯ ЖЕ ТАКЪ КРАТ-
 КИ, ЧТО ДЛЯ СВЯЗИ СВОЕЙ СЪ ПОСЛѢДУЮЩИ-
 МИ, ТРЕБУЮТЪ РАСПРОСТРАНЕНІЙ, ВВОДНЫХЪ
 РѢЧЕЙ, ПРИСОВОКУПЛЕНІЙ. ТОЧНОЕ ПРЕЛОЖЕНІЕ
 СЕЙ ПѢСНИ СЪ ДРЕВНЯГО СЛАВЯНСКАГО НА УПО-
 ТРЕБИТЕЛЬНОЕ НЫНѢ НАРѢЧІЕ, ПРИ СВОЕЙ ВѢР-
 НОСТИ, ВСЕГДА БУДЕТЪ СТОЛЬ ЖЕ ТЕМНО, КАКЪ
 И САМЫЙ ПОДЛИННИКЪ. СЕГО РАДИ РАЗСУДИЛОСЬ
 МНѢ ПРЕЛОЖИТЬ, ИЛИ ПАЧЕ ПЕРЕДѢЛАТЬ ОНУЮ
 ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ, ЧТОБЪ ОСТАВЛЯЯ ВСѢ КРАСО-
 ТЫ ПОДЛИННИКА, БЕЗЪ ВСЯКОЙ, ПОКОЛИКУ МО-
 ЖНО, ПЕРЕМѢНЫ СЛОВЪ, НЕВРАЗУМИТЕЛЬНЫЯ
 МѢСТА СОКРАТИТЬ ИЛИ ПРОПУСТИТЬ; ПРОЧІЯ ЖЕ,

ТРЕБУЮЩІЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ, ДОПОЛНИТЬ СВОИМИ ПРИЛИЧНЫМИ И НА ВѢРОЯТНЫХЪ ДОГАДКАХЪ ОСНОВАННЫМИ УМСТВОВАНІЯМИ. СИМЪ СРЕДСТВОМЪ ПѢСНЬ СІЯ ОТЪ НАЧАЛА ДО КОНЦА СДѢЛАЕТСЯ ЯСНОЮ, И Я НАДѢЮСЬ, ЧТО СКОЛЬ БЫ НИ БЫЛИ СОБСТВЕННЫЯ МОИ РАСПРОСТРАНЕНІЯ И ПРИСОВОКУПЛЕНІЯ СЛАБЫ, НО СПЛЕТЕННЫЯ СЪ СИЛЬНЫМИ ВЫРАЖЕНІЯМИ И КРАСОТАМИ ПОДЛИННИКА, НѢЧТО ПРИЯТНОЕ ОНѢ СОСТАВЯТЬ ДЛЯ ЧТЕНІЯ.» Эти слова такъ ясны, что ихъ не для чего ОБЪЯСНЯТЬ. ПЕРЕВОДЪ А. С. ШИШКОВА ЕСТЬ ПРОСТО — ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ — КАКЪ ТОГДА НАЗЫВАЛИ НА РУСИ. СЪ ПОЛНЫМЪ УВАЖЕНІЕМЪ КЪ ТРУДАМЪ НАШЕГО ЗНАМЕНИТАГО ВЕТЕРАНА-ПИСАТЕЛЯ МЫ УПОМИНАЛИ О ЕГО ПЕРЕВОДѢ И НЕ ПОЧИТАЕМЪ ЗА ОШИБОЧНОЕ МНѢНІЕ ПРИНЯТЫЙ ИМЪ СПОСОБЪ

ДЛЯ ПЕРЕВОДА. ОНЪ ВЪ СВОЕ ВРЕМЯ БЫЛЪ ПРЕКРАСЕНЪ И НЕОБХОДИМЪ.

Г. ПОЖАРСКІЙ НАПЕЧАТАЛЪ ВЪ 1819 ГОДУ СВОЙ ПЕРЕВОДЪ ВМѢСТѢ СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ НА ПЕРЕВОДЫ ГРАФА МУСИНА-ПУШКИНА И А. С. ШИШКОВА. НАПРАВЛЕНІЕ ПОЖАРСКАГО ВЪ ИЗЪЯСНЕНІИ СЛОВА БЫЛО СОВЕРШЕННО ДРУГОЕ; ОНЪ РАЗГАДЫВАЛЪ ТЕМНЫЯ МѢСТА СЛОВА ПО ВЫРАЖЕНІЯМЪ ПОЛЬСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. МАЛѢЙШЕЕ СОЗВУЧІЕ ВЪ СЛОВѢ ПОЛЬСКОМЪ ОНЪ ПРИНИМАЛЪ ЗА ОБЪЯСНЕНІЕ. А. С. ШИШКОВЪ, НЕДОВОЛЬНЫЙ ЕГО ЗАМѢЧАНІЯМИ, НАПЕЧАТАЛЪ СВОИ ПРИМѢЧАНІЯ ВЪ РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ №№ 157, 158, 159, 160, 161—ВЪ 1819 Г., ГДѢ ДОКАЗЫВАЛЪ НЕОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ ВОЗРАЖЕНІЙ ПОЖАРСКАГО. ЛЮБОПЫТНЫЕ МОГУТЪ ПРОЧИТАТЬ ВОЗРАЖЕНІЯ А. С. ШИШКОВА ВЪ ПОЛНОМЪ СОБРАНІИ ЕГО СОЧИНЕНІЙ, Т. XI, СТР. 382.

Какую пользу принесъ новый переводъ г. Пожарскаго. Объяснилось ли Слово о полку Игоревомъ указаніями на Польскія слова? Нимало! Слово осталось по прежнему, также неразгаданнымъ при всѣхъ новыхъ воззрѣніяхъ. Изъ всѣхъ изысканій г. Пожарскаго оказалось одно только достовернымъ: «каютъ князя Игоря — жалѣютъ князя Игоря.» У Мусина-Пушкина были переведены эти слова такъ: «осуждаютъ князя Игоря;» у А. С. Шишкова: «но вопреки тому хулятъ, осуждаютъ князя Игоря.» А. С. Шишковъ призналъ переводъ этихъ словъ г. Пожарскаго справедливымъ. Вотъ несообразности, замѣтныя въ переводъ г. Пожарскаго. Въ подлинникѣ: «истягну умъ крѣпостию своею» — въ переводѣ: «препоясаль умъ крѣпостию.» Вѣрно

ли понять смыслъ словъ? Пожарскій вѣрность доказываетъ словами священнаго писанія: «и рука Господня бысть на Или, и стягне чресла сзоя.» Обратите вниманіе на слова: умъ и чресла — одно ли и тоже они значать? У насъ препоясываютъ мечъ къ чресламъ, опоясываютъ чресла кушакомъ, поясомъ; но кто опоясываетъ умъ? кажется, этого не бываетъ на самомъ дѣлѣ. Или: хочу бо, рече, копіе приложити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици, хочу главу свою приложити, а любо испити шлемомъ Дону» — переведено: «Хочу, возопилъ онъ, копье приложить концемъ поля Половецкаго съ вами, Россіяне, хочу главу свою приложить или напиться шлемомъ Дону.» Здѣсь переводъ выщель темнѣе под-

линника. Или: «свистъ звѣринъ въ стазви» —
 переведено: «звѣри воютъ по дорогамъ.»
 Здѣсь слово стазва — пастбище — обра-
 тилось въ дорогу.

Г. Граммати́нъ напечаталъ въ Москвѣ,
 въ 1823 году, свой переводъ въ прозѣ и
 стихахъ. Его воззрѣніе на Слово видимо
 тогда отличалось отъ всѣхъ другихъ своею
 новостію. Онъ совѣтовалъ привести въ един-
 ство правописаніе подлинника; думалъ,
 что для перевода самого Слова необходимо
 нужно употреблять сказочный размѣръ. То
 и другое мнѣніе онъ старался осуществить
 самымъ дѣломъ. Никто тогда изъ совре-
 менныхъ критиковъ не обратилъ вниманія
 на это воззрѣніе; никто не сказалъ тогда
 о достовѣрности этой идеи. Журналь-
 ныя рецензїи, почти тогда несуществовавшія,

ПРОВОЗГЛАШАЛИ ТОЛЬКО О НЕПРАВИЛЬНОМЪ РАЗМѢЩЕНІИ ТОЧЕКЪ И ЗАПЯТЫХЪ, И СЪ УЖАСОМЪ СМОТРѢЛИ НА ВСЯКОЕ НОВОВВЕДЕНІЕ. За идеаль сказочнаго размѣра г. Грамматинъ принялъ стихотвореніе Карамзина — Илья Муромецъ — и въ этомъ состояла вся его ошибка. Жаль, что онъ не обратился къ народнымъ сказкамъ; онъ бы узналъ тогда, что наша народность имѣетъ совершенно другія стихи. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, усилія г. Грамматина заслуживаютъ вниманіе археологовъ; онъ первый высказалъ, что правописаніе должно привести въ единство, и его совѣты были исполнены г. Максимовичемъ; онъ первый въ своихъ примѣчаніяхъ показалъ, что надобно каждое слово преслѣдовать критически, хотя этого самъ не могъ выполнить. Кромѣ полнаго изданія

ПЕРЕВОДОВЪ ГРАММАТИНА, ОНЪ НАПЕЧАТАЛЪ
 СВОЕ КРИТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ ВЪ ВѢСТНИКѢ
 ЕВРОПЫ 1822 ГОДА, № 18, СТР. 113. ВЪ
 ЭТОМЪ РАЗСУЖДЕНІИ ОНЪ ПИСАЛЪ: «ПѢВЕЦЪ
 ИГОРЯ ПѢЛЪ НА ЯЗЫКѢ ПОЛУОБРАЗОВАННОМЪ,
 И ПОТОМУ НЕ МОГЪ СБИВАТЬСЯ НА ЖИВОЕ НА-
 РѢЧІЕ, КОТОРОЕ БЫЛО СОВЕРШЕННО ВАРВАРСКОЕ,
 ОТЪ ЭТОГО ВЫШЛА НЕПРАВИЛЬНАЯ И НЕ СОВСѢМЪ
 ЯСНАЯ СМѢСЬ СЛАВЯНСКАГО ЯЗЫКА СЪ РУССКИМЪ,
 КОТОРОЮ ПИСАНО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.
 ЧТО СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ ПИСАНО ПРО-
 ЗОЮ, СІЕ НЕ ПОМѢШАЛО БЫ НАЗВАТЬ ЕГО ЭПИ-
 ЧЕСКОЮ ПОЭМОЮ, СТИХИ СЪ РИѢМАМИ ИЛИ БЕЗЪ
 РИѢМЪ, СУТЬ ОДНА ФОРМА ПОЭЗІИ, А ДУША ЕЯ,
 ИЛИ СУЩНОСТЬ—МЫСЛИ, ВЫРАЖЕННЫЯ ЯЗЫКОМЪ
 ФИГУРЪ; НО СЛѢДУЯ ОБЩЕМУ УПОТРЕБЛЕНІЮ, Я
 НАЗОВУ ЕГО НЕ ЭПИЧЕСКОЮ, А ИСТОРИЧЕСКОЮ
 ПОЭМОЮ... МЫ НЕ ЗНАЕМЪ, КТО ТАКОВЪ ПѢ-

вѣщъ Игоря ; видно только , что онъ былъ
 современникъ и патриотъ , что къ дарова-
 нію стихотворца присоединялъ онъ позна-
 ніе всего , что касалось до его отечества ,
 познание , предпочтительнѣйшее всякой уче-
 ности , даже въ писателѣ. Съ достовѣрно-
 стію можно сказать , что онъ не былъ какой
 нибудь презрѣнной домохвѣдъ или неизвѣ-
 стный простолюдинъ. Можетъ быть , укра-
 шалъ его высокій санъ боярства и онъ бы-
 валъ мирнымъ посломъ при княжескихъ
 дворахъ , или почтенъ былъ званіемъ Гриди-
 на , и воздвигалъ копіе брани на защиту
 воюемаго отечества... Еще первые издате-
 ли замѣтили , что въ немъ виднѣнъ духъ
 Оссіана ; но въ чемъ этотъ духъ или сход-
 ство , не сказали. Барды Каледонскій и
 Славенскій сходны между собою въ про-

стотъ , возвышенности, силъ , краткости и живости слога, т. е. что онъ чрезвычайно обилень смѣлыми и неискусными фигурами — отличительный признакъ первобытной поэзіи у всѣхъ народовъ, когда самая грубость и бѣдность языка сему способствуютъ.» Вотъ основныя понятія его о самомъ Словѣ и народной поэзіи.

А. Θ. Вельтманъ напечаталъ свой переводъ въ Москвѣ въ 1833 г. Мы обращаемъ вниманіе на его предисловіе, гдѣ онъ на вопросъ, предложенный обществомъ любителей Россійской Словесности: на какомъ языкѣ писано Слово о полку Игоревомъ? на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчій? — отвѣчалъ: «на языкѣ, собственно пѣвцу

ПРИНАДЛЕЖАЩЕМЪ; НА СОЕДИНЕНІИ ВСѢХЪ НА-
РѢЧІЙ СЛАВЯНСКИХЪ, ОЧИЩЕННЫХЪ ВЫСОКИМЪ
ЧУВСТВОМЪ ПОЭТА; НА ВЫБОРѢ СЛОВЪ ЗВУЧНЫХЪ,
КРАТКИХЪ, СВОЙСТВЕННЫХЪ ТОЙ ГАРМОНИИ, КО-
ТОРОЮ БЫЛА ИСПОЛНЕНА ЕГО ДУША... Пред-
полагать, недоувѣрять, что слово о полку
Игоревѣ писано въ XII столѣтіи, во время
его жизни, значить не вѣрить всему про-
шедшему... Что пѣснь Игорю писалъ со-
временникъ его, это слишкомъ убѣдительно.
Не современный пѣвецъ не обратилъ бы
вниманія на ничтожный, по понятіямъ ис-
торіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ
восторгъ къ подвигамъ его, могъ принадле-
жать только тому, кто зналъ Игоря лично,
а не по преданіямъ, кто любилъ его. И
сверхъ того, видимыя несогласія съ лето-
писцами, совсѣмъ другой взглядъ на дѣла

Князей и на положение Россіи того времени, твердая, тонкая рѣчь, ручаются за современность пѣвца съ событіями.» И эти мнѣнія ни мало не разрѣшили вопроса. Не можетъ быть, чтобы Слово было написано на соединеній всѣхъ нарѣчій Славянскихъ: это нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Гдѣ слова Сербскія? Гдѣ Виндійскія? Гдѣ Кроатскія? Гдѣ Хорватскія? Развѣ ссылки г. Вельтмана на Сербское слово—кметы, на Богемское—вале указываютъ, что Слово писано этими нарѣчіями. Ни мало. Мы обращаемъ вниманіе читателей на прекрасную рецензію Н. А. Полеваго, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ 1833 г. № 7, стр. 419, при выходѣ въ свѣтъ перевода Вельтмана, гдѣ помѣщены довольно замѣчательныя сужденія объ этомъ переводѣ. Кромѣ самаго

ПЕРЕВОДА, Г. ВЕЛЬТМАНЪ ВЪ КОНЦѢ ПРИСОЕДИНИЛЪ: «ПРИМѢЧАНІЯ И ТОЛКОВАНІЯ КЪ ПЕРЕВОДУ Слова о полку Игоревѣ.» Здѣсь мы прочитали; что слово *туга* — значить судорога, корча, вмѣсто прямого значенія скорбь, печаль, и когда самое слово ясно указывало, что оно происходитъ отъ глагола тужить. Или: *подъпрся о кони* — переведено: вперся въ предѣлы — въ границы свои. Слова: *повелѣя*, которыя Карамзинъ принималъ за описку и читалъ: по свѣчѣ я, изъяснены словомъ валя и подкрѣплено ссылкой на древне Богемское слово вале — гдѣ мы читаемъ совершенно иначе: VALENO DEN, VALENO DEN WTERI — бьются день, бьются другой (См. Краледвор. рукоп. изданіе Вацл. Ганки.). Слово шестокрильци — переведено — Архангелы.

Бологъ — ПЕРЕВЕДЕНО ХОЛМЪ. Слова: *та преди пѣсъ пояше* ПЕРЕВЕДЕНО — ПРЕДПѢСНІЕ, ЗАПѢВЪ. ПЛЕМЕНА, ОКРУЖАВШІЯ ЧЕРНИГОВЪ: **Были, Могуты, Татраны**, — ОТНЕСЕНЫ КЪ ФИННАМЪ И МОРДВЪ СОВЕРШЕННО НЕСПРАВЕДЛИВО.

Что же касается до самого перевода, то онъ, взятый отдѣльно, выполненъ прекрасно; но сличая его съ подлинникомъ, мы видимъ рѣзкія отступленія, и чувствуемъ, что это бесѣдуетъ съ нами А. Ѳ. Велтманъ, а не пѣвецъ Игоря. Такъ слова: «Начати же ся тѣй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню; Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслию по древу, сврымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» — ПЕРЕВЕДЕНЫ: «Былое воспѣть, а

НЕ ВЫМЫСЛЪ БОЯНА, КОТОРАГО МЫСЛИ ТЕКЛИ
 ВЪ ВЫШИНУ, ТАКЪ КАКЪ СОКИ ПО ДРЕВУ;
 КАКЪ СЪРЫЕ ВОЛКИ НЕСЛИСЬ ПО ПРОСТРАН-
 СТВУ, И СИЗЫМЪ ОРЛОМЪ ВЪ ПОДНЕБЕСЬИ ПА-
 РИЛИ.» ИЛИ: «НАЧЯТИ СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ
 ТРУДНЫХЪ ПОВѢСТІЙ—ВОСПѢТЬ ДРЕВНИМЪ ЛА-
 ДОМЪ ВЫСОКИХЪ СКАЗАНИЙ.» ИЛИ: «НОЩЬ СТО-
 НУЩИ ЕМУ ГРОЗОЮ ПТИЧЬ УБУДИ— НЕ ВО ВРЕ-
 МЯ ПОЛНОГЪ... И СТОНЕТЪ ГРОЗА... И ПТИ-
 ЦЫ ПРОСНУЛИСЬ. ЕСТЬ МѢСТА, ВЫРАЖЕННЫЯ
 ПРЕКРАСНО: «ЖЕНЫ РУСКІЯ ВЪПЛАКАШАСЬ АР-
 КУЧИ: УЖЕ НАМЪ СВОИХЪ МИЛЫХЪ ЛАДЪ НИ
 МЫСЛЮ СМЫСЛИТИ, НИ ДУМОЮ СДУМАТИ, НИ
 ОЧИМА СЪГЛЯДАТИ, А ЗЛАТА И СРЕБРА НИ МАЛО
 ТОГО ПОТРЕПАТИ.» — «И РУССКІЯ ЖЕНЫ ВОС-
 ПЛАКАЛИ ГОРЬКО: О МИЛЫХЪ НАМЪ ДРУГАХЪ
 НЕ МЫСЛЮ НЕ МЫСЛИТЬ, НИ ДУМОЙ НЕ ДУ-
 МАТЬ, А ВЗОРОМЪ ИХЪ НАМЪ НЕОКИНУТЬ! А

ЗЛАТОМЪ И СЕРЕБРОМЪ НАМЪ НЕ БРЕЧАТЬ УЖЪ! »
ПѢСНЬ ЯРОСЛАВНЫ, ОТВѢТЪ СВЯТОСЛАВА ВЫ-
РАЖЕНЫ ВПОЛНѢ, ОТЧЕТИСТО.

А. Θ. ВЕЛЬТМАНЪ РАЗДѢЛИЛЪ СВОЙ ПЕРЕ-
ВОДЪ НА ПЕРІОДЫ, И ПРОЗА ЕГО ВЫШЛА МѢР-
НОЮ, ПОЭТИЧЕСКОЮ РѢЧЬЮ. САМЫЙ ТЕКСТЪ
ОСТАВЛЕНЪ БЕЗЪ ВСЯКАГО ИЗМѢНЕНІЯ.

М. МАКСИМОВИЧЪ ИЗДАЛЪ СВОЙ ПЕРЕВОДЪ
ВЪ 1837 ГОДУ, НАЗЫВАЯ ЕГО «КРАТКОЕ, КОР-
РЕКТУРНОЕ ИЗДАНИЕ ТЕКСТА СЪ ПЕРЕВОДОМЪ.»
СЛѢДОВАТЕЛЬНО, И МЫ НА ЭТО ИЗДАНИЕ ДОЛЖ-
НЫ СМОТРѢТЬ СЪ ЭТОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ, И ОЖИ-
ДАТЬ ОБЪЩАНАГО «ПОЛНАГО ИЗДАНІЯ, СЪ КРИ-
ТИЧЕСКИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЕМЪ, ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫ-
МИ ПРИМѢЧАНІЯМИ, СЛОВАРЕМЪ И ПЕРЕВОДОМЪ.»
ТЕКСТЪ САМОГО СЛОВА Г. МАКСИМОВИЧЪ РАЗ-
ДѢЛИЛЪ НА XIV ГЛАВЪ, КАЖДАЯ ГЛАВА РАЗ-
ДѢЛЕНА НА ПЕРІОДЫ, КАЖДЫЙ ПЕРІОДЪ ОТМѢ-

ченъ цыфрами. Самое правописание измѣнено, въ приближеніи къ подлиннику. Слѣдовательно совѣты гг. Востокова и Грамматина выполнены въ изданіи г. Максимовича, съ тою только разницею, что онъ слѣдовалъ своимъ понятіямъ. Въ самомъ переводѣ всякое отступленіе онъ отмѣчалъ особннымъ шрифтомъ, переводилъ буквально, съ вѣрнымъ приближеніемъ къ подлиннику. Для примѣра мы выписываемъ два мѣста. Въ подлинникѣ: «помняшетъ бо речъ прѣвыхъ временъ усобицъ; тогда пущашетъ десять соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше.» Переведено: «какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобицѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь падеть, та

ЛЕБЕДЬ ПЕРВАЯ И ПѢСНЬ ЗАПОЕТЬ.» Въ подлинникѣ: «Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпрѣ словутицю! ты пробилъ еси каменные горы сквозь землю Половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до пѣлку Кобякова; възлелѣй господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано.» Переведено: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: о Днѣпрѣ сынѣ славы! Ты пробилъ каменные горы сквозь землю Половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладии Святославовы до войска Кобякова: възлелѣй же, господинѣ мой, ко мнѣ моего друга, чтобы не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.» Здѣсь мы видимъ небольшія отступленія: слово — *словутицю* — переведе-

но — сынъ славы; *рано* съ каждымъ утромъ. Намъ кажется, что самое раздѣленіе текста на главы не вездѣ отмѣчено вѣрно. Описание битвы раздѣлено на двѣ главы, тогда какъ это составляетъ одинъ нераздѣльный предметъ. Въ 11 главѣ, по его раздѣленію, вставленъ періодъ, который по изданію Мусина-Пушкина находился въ концѣ — *Рекъ Боянъ и ходы*, и проч. Если же г. Максимовичъ полагалъ необходимымъ соединить этотъ вставокъ послѣ словъ, приписываемыхъ пѣвцомъ Игоря Бояну, то куда же должно будетъ помѣстить и другія вставки съ именемъ Бояна? Тамъ говорится о Всеславѣ, здѣсь о Святославѣ. Разница большая. Очень легко можно замѣтить, что въ Словѣ есть нѣсколько пропусковъ, ошибокъ въ перепискѣ, сліяній двухъ словъ

ВЪ ОДНО, СОКРАЩЕНІЙ САМЫХЪ СЛОВЪ ; И ВСЕ ЭТО ВОЗСТАНОВИТЬ ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ; НО КАКЪ ОТГАДАТЬ ПРОПУСКИ? МЫ ДУМАЕМЪ, ЧТО ПОСЛѢ СЛОВЪ: РЕКЪ БОЯНЬ И ХОДЫ—НАХОДИТСЯ ВЪ САМОМЪ ТЕКСТѢ ПРОПУСКЪ, И ЧТО ПЕРЕНОСИТЬ ЭТОТЪ ПЕРІОДЪ НѢТЬ НИКАКОЙ НАДОБНОСТИ.

ВЪ ИЗМѢНЕНІИ САМАГО ПРАВОПИСАНІЯ Г. МАКСИМОВИЧЪ, КАКЪ ВИДНО, СТАРАЛСЯ ПРИБЛИЖИТЬСЯ КЪ ЮЖНОМУ ВЫГОВОРУ СЛОВЪ. ОНЪ ПИШЕТЪ ВМѢСТО Ъ — Ъ. ТАКЪ: ПРЪСТЫ—ПЪРСТЫ ; ПРЪРВЫХЪ—ПЪРВЫХЪ; УМЬ—УМЪ. ИЛИ ВМѢСТО: А — Я: СІА — СІЯ, ТРУПІА — ТРУПІЯ, КОПІА — КОПІЯ , ЗАРАНІА — ЗАРАНІЯ. НЕРАВНОМѢРНОСТЬ ВЪ ПРАВОПИСАНІИ ЗАМѢТНА ПОВСЮДУ, ОСОБЕННО СМѢЩЕНІЕ ДВУХЪ СЛОВЪ ВЪ ОДНО: *Небылонъ, оркуги*. ЗДѢСЬ НЕБЫЛОНЪ ДОЛЖНО, КАЖЕТСЯ, ЧИТАТЬ ТАКЪ: НЕ БЫЛО НЪ,

АРКУЧИ — ЧИТАТЬ: А РКУЧИ, ПРИЗНАВАЯ ЕГО ЗА СОКРАЩЕННОЕ СЛОВО — РЕКУЧИ. Г. МАКСИМОВИЧЪ ОСТАВИЛЪ СЛИТЫЯ СЛОВА БЕЗЪ РАЗДѢЛЕНІЯ. ВЪ ОДНОМЪ МѢСТѢ МЫ ЗАМѢТИЛИ, ЧТО Г. МАКСИМОВИЧЪ ПОСЛѢДОВАЛЪ СОВѢТУ Г. БУТКОВА ПРИЗНАВАТЬ ВЪ ВЫРАЖЕНІИ: «УЖЕ НЕ ШЕЛОМЯНЕМЪ ЕСИ» — ЧАСТИЦУ *не* ВМѢСТО *за*. ЭТО ТАКЪ И ДОЛЖНО БЫТЬ. ВЪ ВЫРАЖЕНІИ: «*по вель я*» — Г. МАКСИМОВИЧЪ ПОСЛѢДОВАЛЪ ЧТЕНІЮ А. Θ. ВЕЛЬТМАНА, КОТОРЫЙ ВЪ СЛОВѢ *вель* БУКВУ *е* СЧИТАЛЪ ОШИБКОЮ ПИСЦА ВМѢСТО *а* И ЧИТАЛЪ *валя*.

ОБРАЩАЕМСЯ ТЕПЕРЬ КЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ. ЗДѢСЬ МЫ УВИДИМЪ УСПѢХИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ ТРИДЦАТИ ШЕСТИ ЛѢТЪ, УСПѢХИ, ОБОЗНАЧИВШІЕ СОБОЮ НАШЕ УЧАСТІЕ ВЪ КРУГУ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ПОЗНАНІЙ ВЪ XIX ВѢКѢ.

ОБЩЕЕ УЧАСТІЕ въ первомъ изданіи Слова литераторовъ Мусина-Пушкина, Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго, Болтина составляетъ начало археологическихъ изслѣдованій. Всѣ они полагали, что Слово о полку Игоревомъ писано «стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія.» Такъ было поставлено ими на заглавномъ листѣ; мнѣніи же своихъ, подтвержденныхъ очевидными доказательствами, они не передали намъ. Вотъ ихъ понятія о другихъ предметахъ: «Боянъ. Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русской, который служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ, въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его, явствуетъ, что Боянъ воспѣвалъ всегда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои

возвышенно. При Рюрикѣ иль Святославлѣ
 гремѣла лира его, ни по чему узнать нель-
 зя; ибо не осталось намъ отрывка, прежде
 Великаго Князя Владиміра Святославича
 писаннаго. Отъ временъ же его дошла до
 насъ между прочими слѣдующая народная
 пѣсня, въ которой находимъ уже правиль-
 ное удареніе, кадансомъ въ стихотворствѣ
 называемое.» Житіе Бояна возводили кри-
 тики слишкомъ отдаленно, безъ всякаго
 основанія; онъ жилъ, по словамъ пѣвца
 Игорева, во времена Олега Черниговскаго
 и Всеслава Полоцкаго. Вотъ доказательства:
 «Пѣти было пѣсь Игореви, того Олга вну-
 ку.» Эти слова поставлены въ подлинникѣ
 предъ обращеніемъ пѣвца Игорева къ Боя-
 ну. Игорь былъ внукъ Олега Святославича,
 Князя Тмутороканскаго и Муромскаго, скон-

чавшагося въ 1096 году. «Всеславъ князь
 людемъ судяше . . . Тому вѣщій Боянъ и
 прѣвое припѣвку смысленый рече.» Этотъ
 Всеславъ Брячиславовичъ былъ тотъ самый,
 котораго разеили на Нѣмѣнь князья, кото-
 рый ограбилъ Новгородъ, княжилъ въ По-
 локѣ и умеръ въ 1101 году. Мы не знаемъ
 (да кто и знаетъ?) ни одной пѣсни Бояна,
 а критики увѣряютъ, что пѣсня Бояна су-
 ществуетъ отъ временъ Владиміра Святосла-
 вича, и въ доказательство приводятъ самую
 пѣсню, которую мы читали въ изданіи Ка-
 лайдовича, Древнія Русскія стихотворенія.
 Критики сами писали въ примѣчаніи, на
 стр. 37: «Здѣсь ясно открывається, что Бо-
 янъ пѣлъ о Князѣ Всеславѣ», и въ то же
 самое время увѣряютъ, что Боянъ воспѣ-
 валъ Владиміра, умершаго въ 1015 году

Таковы были критическія изслѣдованія первыхъ издателей.

Критическія изслѣдованія А. С. Шишкова начинались возраженіями противъ первыхъ издателей. Переводъ Мусина-Пушкина съ товарищами казался ему неполнымъ, невѣрнымъ, сбивчивымъ. Эти разборы назывались у насъ эстетическими, гдѣ преслѣдовалось всякое слово, всякое выраженіе, замѣчались неправильные обороты въ цѣломъ періодѣ. Для образца мы выписываемъ разборъ А. С. Шишкова.

«Не льпо ли ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о плъку Игоревъ, Игоря Святъславлича. Въ предложениіи сказано: пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискореную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова.

Здѣсь мысль, заключающаяся въ подлинникѣ, кажется, весьма различествуетъ отъ мысли, заключающейся въ предложении. Слово не льпо ли ни мало не означаетъ понятія о пріятности, и подѣ словомъ трудность отнюдѣ не разумѣется прискорбіе. Отъ сего происходитъ, что рѣчь: пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, содержитъ въ себѣ нѣкоторую невѣроятность чувствованій; ибо, какъ можетъ быть пріятна прискорбность повѣствовать о разбитіи предковъ нашихъ? Итакъ, если мы подѣ словомъ: не льпо ли ны бѣшетъ, разумѣть будемъ: прилично, пристойно намъ будетъ; а подѣ словами трудныхъ повѣстій сокращенное выраженіе повѣствованія о многотрудныхъ подвигахъ, тогда мысль выдетъ

СЛѢДУЮЩАЯ: НЕ НЕПРИСТОЙНО НАМЪ БУДЕТЬ, БРАТІЕ, НАЧАТЬ ПОВѢСТВОВАНИЕ НАШЕ О ПОХОДѢ ИГОРЯ, ТѢМЪ СЛОГОМЪ, КАКИМЪ ВЪ ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА ОПИСЫВАЛИСЬ МНОГОТРУДНЫЕ ПОДВИГИ..... НЕ БУРЯ СОКОЛЫ ЗАНЕСЕ ЧРЕЗЪ ПОЛЯ ШИРОКАЯ; ГАЛИЦИ СТАДА БѢЖАТЬ КЪ ДО-НУ ВЕЛИКОМУ. — УПОДОБЛЕНИЕ СІЕ ИМѢЕТЪ ВЪ СЕБѢ НѢЧТО СТАРИННОЕ: СМѢШНО БЫ БЫЛО ВЪ ПОХВАЛУ ВОИНОВЪ СКАЗАТЬ: НЕ СОКОЛОВЪ СЮДА ЗАНЕСЛО, ГАЛКИ СЛЕТАЮТСЯ! Но СОЧИНИТЕЛЬ НЕ СРАВНИВАЕТЪ ЗДѢСЬ СВОЙСТВЪ СИХЪ ДВУХЪ РОДОВЪ ПТИЦЪ, А ДѢЛАЕТЪ ТОКМО ПОДОВІЕ МРЖДУ МНОГОЧИСЛИЕМЪ ТѢХЪ И ДРУГИХЪ, ТАКЪ КАКЪ БЫ СКАЗАЛЪ: ЧИСЛО ВОИНОВЪ НЕ ПОДОБНО БЫЛО МАЛОМУ ЧИСЛУ ЗАНЕСЕННЫХЪ ИЗДАЛЕЧЕ БУРЕЮ СОКОЛОВЪ, НО УПОДОБЛЯЛОСЬ ВЕЛИКОМУ СТАДУ ГАЛОКЪ; ИБО СІИ ПОСЛѢДНІЯ ПТИЦЫ ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛЕТАЮТЪ

ВСЕГДА ВМѢСТѢ И ЧАСТО СОСТАВЛЯЮТЪ ПРЕВѢ-
ЛИКОЕ СТАДО (См. Собр. соч. и пер. А.
С. Шишкова, ч. 7. стр. 38, 48.).

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ А. С. Шишко-
ва замѣтно было особенное направленіе къ
грамматическимъ формамъ; но въ изслѣдо-
ваніи Слова это направленіе болѣе всего
высказывается. Русскіе глаголы занимали
нашего ветерана болѣе всего, а на отыска-
ніе ихъ корней посвящены были многіе
годы. Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный
трудъ намъ извѣстенъ не вполнѣ.

Вотъ глагольныя изслѣдованія А. С.
Шишкова: «Подъ словомъ *распущени* мо-
жно разумѣть двоякое: во первыхъ растя-
нуты, во вторыхъ выпущены на волю . . .
Глаголъ *насетъ* часто въ старинныхъ кни-
гахъ значить нотаеть. *Убуди* должно про-

ИЗВОДИТЬ ОТЪ ГЛАГОЛА УБЫВАТЬ. Слово *тут-*
нѣтъ ДОДЖЕНСТВУЕТЪ ПРОИСХОДИТЬ ОТЪ СЛО-
ВА ТУТЬ, СЛѢДОВАТЕЛЬНО ТО ЖЕ САМОЕ ЗНА-
ЧИТЬ, ЧТО И ГЛАГОЛЬ ТЫЕТЪ, ТО ЕСТЬ ТУЧ-
НѢТЬ.

НА РАЗДѢЛЕНІЕ СЛИТЫХЪ СЛОВЪ А. С. ШИШКОВЪ ТАКЖЕ ОБРАЩАЛЪ ВНИМАНИЕ. СЛО-
ВА *небылонѣ*, *мужа имѣся* ОНЪ ЧИТАЕТЪ
ПЕРВОЕ ТАКЪ: НЕ БЫЛО ОНО, А ВТОРОЕ: МУЖАЙ-
ТЕСЯ, ПОЛАГАЯ, ЧТО ВЪ СЛОВѢ ИМѢСЯ БУКВА
м ПОСТАВЛЕНА ПО ОШИБКѢ ВМѢСТО *н*. Г. МА-
КСИМОВИЧЪ ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ ЭТИМЪ ЗАМѢЧАНІ-
ЕМЪ, НО НАПЕЧАТАЛЪ ВЪ ТЕКСТѢ ВМѢСТО МУЖА
ИМѢСЯ — МУЖАИМѢСЯ. ВЪ ВЫРАЖЕНІИ: «А НЕ
СОРОКЫ ВѢТРОСКОТАША,» А. С. ШИШКОВЪ
ПОЛАГАЕТЪ, ЧТО ВЪ СЛОВѢ *а не* ПРОПУЩЕНА
БУКВА *ж*, И ЧИТАЕТЪ ТАКЪ: «АЖНЕ СОРОКИ.»

ИЗСЛѢДОВАНІЯ К. Θ. КАЛАЙДОВИЧА ПРЕД-

СТАВЛЕННЫ БЫЛИ ВЪ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ
 Россійской Словесности , по случаю пред-
 ложеннаго вопроса : « на какомъ языкѣ пи-
 сана пѣснь о полку Игоря : на древнемъ
 ли Славянскомъ , существовавшемъ въ Рос-
 сии до перевода книгъ Священнаго писа-
 ния , или на какомъ нибудь областномъ на-
 рѣчій ? » Основныя понятія К. Ѳ. Калайдо-
 вича заключались въ слѣдующемъ : « Пѣснь
 Игорева писана нарѣчіемъ сходнымъ съ Би-
 блейскимъ и Лѣтописями . Слога пѣсни И-
 горовой тщетно будемъ отыскивать въ из-
 вѣстныхъ языкахъ Славянскихъ , а того
 менѣе въ областномъ нарѣчій . Словосочи-
 неніе пѣсни , въ нѣкоторыхъ мѣстахъ со-
 вершенно расположено по образу выраже-
 ній Греческаго языка . Примѣры сего от-
 крываются изъ двойственнаго числа , заим

ствованнаго въ Славянскую грамматику отъ
 нашихъ учителей Грековъ. Пѣснь наша пи-
 сана не какимъ либо діалектомъ обильнаго
 языка Славянскаго, не особеннымъ област-
 нымъ нарѣчіемъ, но чистымъ языкомъ Сла-
 вяно-Русскимъ. Писана она слогомъ XII
 вѣка, по всѣмъ вѣроятіямъ; ибо сочи-
 нитель ея вездѣ является современникомъ
 повѣствуемыхъ происшествій. Мѣсто жи-
 тельства его опредѣлить невозможно. Об-
 разъ выраженія пѣсни и самыя слова:
 кресити, болонье, смага, година, неизвѣст-
 ныя Великороссіянамъ, и теперь употреб-
 ляемыя въ Украинѣ, показываютъ, что со-
 чинитель оной принадлежалъ къ нынѣшней
 Малороссіи, составлявшей тогда общее Рус-
 ское выраженіе. Должны обратить внима-
 ніе на сходство пѣсни Игоровой съ нынѣ-

шнимъ языкомъ Польскимъ, которое удостовѣрить насъ еще болѣе, что сочинитель оной принадлежалъ къ жителямъ Украйны. Почеркъ пѣсни есть Бѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ. Правописаніе пѣсни согласно со Лаврентьевскимъ спискомъ Нестора, пергаменнымъ Новгородскимъ лѣтописцемъ и прочими древними рукописями.» Изысканія К. Θ. Калайдовича заслуживаютъ особенное вниманіе. Основная мысль его, что Слово о полку Игоревомъ писано Славянорусскимъ языкомъ опирается на очевидныхъ доказательствахъ. Примѣры выраженій изложенныхъ двойственнымъ числомъ—ту ся брата разлучиста—два сокола слетѣста—вступита господина въ злата стремя—подтверждаютъ его мнѣніе. Но филологическія изслѣдованія не о-

ПРАВДЫВАЮТЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ, ХОТЯ ОНИ РАЗ-
 СМАТРИВАЮТСЯ ВЪ СЛИЧЕНІИ СЪ СВЯЩЕННЫМЪ
 ПИСАНІЕМЪ. ТАКЪ ДЛЯ ВЫРАЖЕНІЯ: «ДО КУРЪ
 ТМУТОРОКАНЯ» — ОНЪ ПРИСКАЛЪ ИЗЪ СИНО-
 ДАЛЬНАГО ЕВАНГЕЛІЯ, ПИСАННАГО ВЪ 1144 ГО-
 ДУ, ТЕКСТЪ: «И АБІЕ КУРЪ ВОЗГЛАСИ» — И ИЗЪ
 ВОЛЫНСКОЙ ЛѢТОПИСИ СЛОВА: «И ЯКО БЫСТЬ ВЪ
 КУРЫ (ВО ВРЕМЯ КРИКА ПѢТУХОВЪ.).» ПО ЭТО-
 МУ ИЗСЛѢДОВАНІЮ СЛОВО КУРЪ ЗНАЧИТЬ ПѢ-
 ТУХЪ. СЛОВА: ТРУДНЫЙ, ТРУДЪ У НЕГО ОЗНА-
 ЧАЮТЪ ПРИСКОРБНЫЙ И СКОРБЬ — КАКЪ У МУСИ-
 НА-ПУШКИНА. СЛОВО: ХЪРСЬ У НЕГО ЗНАЧИТЬ
 ХОРСЪ, ЯЗЫЧЕСКІЙ КУМИРЪ ПОСТАВЛЕННЫЙ ВЛА-
 ДИМІРОМЪ. ОШИБОЧНО ТАКЪ ЖЕ БЫЛО ЕГО НА-
 ПРАВЛЕНІЕ — ОТЫСКИВАТЬ ВЪ СЛОВЪ СХОД-
 СТВА СЪ ПОЛЬСКИМЪ НАРѢЧІЕМЪ. ЗАМѢТИМЪ,
 ЧТО ЭТО НАПРАВЛЕНІЕ УВЛЕКЛО ГГ. ПОЖАРСКАГО
 И БѢЛИКОВА КЪ ПРЕВРАТНЫМЪ ЗАКЛЮЧЕНІЯМЪ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗРѢШЕНІЯ ЭТОГО ВОПРОСА
 К. Θ. КАЛАЙДОВИЧЪ НАПИСАЛЪ ВЪ БІОГРАФІИ
 М. МУСИНА-ПУШКИНА, ПОМѢЩЕННОЙ ВО 2 Ч.
 ЗАПИСОКЪ ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ
 РОССІЙСКИХЪ, ГДѢ ОНЪ ГОВОРИЛЪ: «ЯЗЫКЪ
 ЛѢСНИ ИГОРЕВОЙ УТВЕРДИТЕЛЬНО МОЖНО НА-
 ЗВАТЬ ЧИСТЫМЪ СЛАВЯНСКИМЪ; СЛОВА ВЪ ОНОЙ
 ВСТРѢЧАЮЩІЕСЯ ЕДВА ЛИ НЕ ВСѢ МОЖНО ПРИ-
 ИСКАТЬ ВЪ ЯЗЫКЪ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ, А БО-
 ЛѢ НАРѢЧІЙ ЛѢТОПИСЕЙ, ГРАМОТЪ.» ОТКРЫТІЕ
 КАЛАЙДОВИЧЕМЪ ВЪ ПРИПИСКѢ НА СИНОДАЛЬ-
 НОМЪ АПОСТОЛѢ 1307 ГОДА СХОДНЫХЪ ВЫРАЖЕ-
 НІЙ СЪ СЛОВОМЪ ЗАСЛУЖИВАЕТЪ ОСОБЕННОЕ ВНИ-
 МАНІЕ. МЫ ЭТОЮ ПРИПИСКОЮ ДОЛЖНЫ ДОРО-
 ЖИТЬ КАКЪ ФАКТОМЪ; ОНА НАМЪ УКАЗЫВАЕТЪ
 НА ИЗВѢСТНОСТЬ СЛОВА ВЪ НАЧАЛѢ XIV ВѢКА.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Г. ПОЖАРСКАГО
 СОСТАВЛЯЮТЪ ПРИМѢЧАНІЯ, ПРИЛОЖЕННЫЯ ВЪ

концѣ перевода. Всѣ его разысканія состоятъ изъ возраженій на переводы Мусина-Пушкина съ товарищами и А. С. Шишкова, гдѣ онъ доказывалъ неправильность этихъ переводовъ, основываясь на Польскомъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи критика г. Пожарскаго важна какъ полемика, напоминающая намъ старый бытъ Русскихъ критиковъ. Опроверженія г. Пожарскаго не принесли ни какой пользы, потому что не разрѣшили темныхъ мѣстъ Слова. Созвучныя слова, взятые изъ Польскаго нарѣчія, какъ отдѣльнаго въ области Славянскаго языка, никогда не могутъ быть достаточными доказательствами. Трудъ напрасный увѣрять людей, постигающихъ истину, превратными понятіями. Вотъ его замѣчанія: «Въ предложеніи вмѣсто — трудный

сказано прискорбный. На Польскомъ и Богемскомъ языкѣ слово трудный значитъ затруднительный, мудреный, неудобный къ исполненію. По Польски говорится:

**TRUDNA TO RZECZ, SPRAWA; NIE WIED-
ZIES CO TU ROSZAS** — трудна та вещь, дѣ-
ло; не знать, что тутъ начать.» Вотъ чѣмъ
г. Пожарскій опровергалъ переводы Муси-
на-Пушкина и А. С. Шишкова.

Н. М. Карамзинъ въ исторіи своей (т. 3, стр. 218,) говоритъ: «слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей

И БОГАТЫРЕЙ: ТАКЪ СОЧИНИТЕЛЬ ХВАЛИТЬ СЛОВЬЯ СТАРАГО ВРЕМЕНИ, СТИХОТВОРЦА БОЯНА, КОТОРАГО ВЪЩЕ ПЕРСТЫ, ЛЕТАЯ ПО ЖИВЫМЪ СТРУНАМЪ, РОКОТАЛИ ИЛИ ГЛАСИЛИ СЛАВУ НАШИХЪ ВИТЯЗЕЙ... СІЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ ДРЕВНОСТИ ОЗНАМЕНОВАНО СИЛОЮ ВЫРАЖЕНІЯ, КРАСОТАМИ ЯЗЫКА ЖИВОПИСНАГО И СМЪЛЫМИ УПОДОБЛЕНІЯМИ, СВОЙСТВЕННЫМИ СТИХОТВОРСТВУ ЮНЫХЪ НАРОДОВЪ.»

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ НАШЕГО ИСТОРИОГРАФА РАЗСЪЯНЫ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ 3-ГО ТОМА ЕГО ИСТОРИИ. МЫ ВЫПИШЕМЪ ТЪ ТОЛЬКО, КОТОРЫЯ СОСТАВЛЯЮТЪ НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ ВЪ КРУГУ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ. «ВЪ ТИТУЛѢ СЛОВО ПОЛКЪ УПОТРЕБЛЕНО ВЪ СМЫСЛѢ БИТВЫ. К МЕТЯМИ НАЗЫВАЛИСЯ СЛУГИ, ДРУЖИНЫ. — СЕ БО ГОТСКІЯ КРАСНЫЯ ДѢВЫ — СО ВРЕМЕНЪ СЛАВНАГО ГЕРМАНАРИХА ЖИЛИ ГОТѢ ВЪ ТАВ-

ридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.» Слово Шестокрыльци Н. М. Карамзинъ такъ объяснялъ: «Сравнивая сихъ трехъ братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ шестокрылыми для того, что у трехъ птицъ шесть крыльевъ.» Выраженіе: «отверзаетъ путь къ Кіеву—переводилъ: «кого хочешь, пускаетъ въ Кіевъ.» О словѣ: повелѣя—говорить: «издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: повелѣя, вмѣсто: по сѣчѣя, то-есть взялъ.» Слово Полочаномъ—въ выраженіи: Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ—говорить, что здѣсь не должно принимать за Половчанъ. Шеломя принимаетъ въ смыслъ возвышеніе, основываясь на выраженіи Кіевской лѣтописи; Каяла за кагальникъ; желѣзные папорзи за

ВЕРХНЮЮ ЧАСТЬ БРОНИ; ДЕРЕМЕЛА ЗА ОДИНЪ
ИЗЪ ЛАТЫШСКИХЪ НАРОДОВЪ; ЦВѢЛИТЬ ЗА
КВЕЛИТЬ, ПРИВОДИТЬ ВЪ СЛЕЗЫ, ОГОРЧАТЬ,
УКАЗЫВАЯ НА БОГЕМСКОЕ СЛОВО KWILIM —
ВЫТЬ, ПЛАКАТЬ, И НА ПОЛЬСКОЕ KWILIS SIE.

Занявшись историческимъ описаніемъ
другихъ событій, исторіографъ не могъ обо-
зрѣть въ подробности Слово о полку Иго-
ревомъ. Онъ видѣлъ рукопись и выписалъ
изъ ней отрывки, оставшіеся единственны-
ми указаніями на современный слогъ Слова.
Выписки изъ Кіевской лѣтописи о битвѣ
Игоря дополняютъ объясненіями темныя
мѣста въ Словѣ, и жалѣемъ, что онъ не
успѣлъ издать вполнѣ текстъ самой лѣто-
писи. Часто въ отрывкахъ мы видимъ не
полныя указанія, и останавливаемся тамъ,

ГДѢ ТОЛЬКО НАЧИНАЮТСЯ ЖЕ НАШИ ИЗСЛѢДОВА-
ВАНІЯ.

КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ Г. БУТКОВА ЗА-
СЛУЖИВАЮТЪ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНІЕ. ИДЯ СВО-
ИМЪ ПУТЕМЪ, ОНЪ САМЪ РАЗЫСКИВАЛЪ, НЕ ВѢ-
РИЛЪ ЧУЖИМЪ ТОЛКОВАНІЯМЪ. ЭТУ САМОБЫТ-
НОСТЬ Г. БУТКОВА ВСТРѢЧАЕМЪ МЫ ВО ВСѢХЪ
ЕГО ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ. ПЕРВОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Г. БУТКОВА О СЛОВѢ ИГОРЕВА ПОЛКА БЫЛО
НАПЕЧАТАНО ВЪ ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ 1821 ГОДА,
№ 21 И 22, ВТОРОЕ ВЪ СЫНѢ ОТЕЧЕСТВА
1834 ГОДА № 52, СТР. 616. ВОТЪ ОСНОВНЫЯ
ЕГО ИЗЫСКАНІЯ О СЛОВѢ.

СЛОВО *Лада* ПРИНИМАЮТЪ ВЪ СМЫСЛѢ СУ-
ПРУГА; *мылыя хоти* ЗА СУПРУГУ, ПОЛА-
ГАЯ, ЧТО ЭТО СЛОВО ПЕРЕШЛО ОТЪ ХАЗАРЬ
ИЛИ ПОЛОВЦОВЪ; *харалужный* ПРОИЗВО-
ДИТЪ ОТЪ НОГАЙСКАГО СЛОВА — СДѢЛАННЫЙ

ИЗЪ ЧЕРНАГО ЖЕЛѢЗА, БУЛАТА. *Чага*, по его мнѣнію, означаетъ потомковъ Хазаръ, Чагаръ, существующихъ доселѣ между Кумыками Кавказскими. Олега Гориславича — онъ принимаетъ за Олега Святославича Тмутараканскаго, основываясь на томъ, что Олегъ, какъ правнукъ Рогнеды, прозванной Гориславою, могъ быть названъ Гориславичемъ. Правда, что отъ времени Рюрика до XIII вѣка у насъ не было князя Горислава. Слово *клюка* онъ принимаетъ въ значеніи — пасть, самоловка, хитрость; а *дотзеса* производитъ отъ глагола *течь*, достигать. Подъ словомъ *стружи*, принимаемое другими за древко отъ копья или отъ знамени, онъ понимаетъ, что это были *накры* — бубны, литавры, основны-

ваясь на томъ, что стружіемъ называли
 ихъ потому, что они употреблялись къ воз-
 бужденію стражи, или по сходству вида съ
 водоходнымъ стругомъ. Мнѣніе г. Бут-
 кова о мѣстоположеніи Тмуторакана замѣ-
 чательно своею новостью изысканій отъ
 всѣхъ другихъ; онъ полагаетъ, что его
 должно искать не въ Таманѣ, а на пути
 изъ Кіева къ Полоцку, на правой сторонѣ
 Остра, при соединеніи этой рѣки съ Дес-
 ною, гдѣ теперь село Старогородки, въ од-
 ной верстѣ ниже города Остра, въ 60 вер-
 стахъ отъ Кіева. Здѣсь, говоритъ онъ,
 князь Мстиславъ Тмутороканскій и братъ
 его Великій князь Ярославъ заключили
 миръ, поставя Днѣпръ границею. Въ рѣче-
 нии Хрѣсови, онъ не находитъ, подобно
 другимъ изыскателямъ, ни города Херсона,

ни Хорса, идола, а полагаетъ, что это ошибка переписчика написавшаго Хръсови вмѣсто Днѣпрова, принимая за основаніе путь, лежащій изъ Кіева къ Остру, гдѣ Всеславъ долженъ былъ перевзжать Днѣпръ. Въ чтеніи: «Съ тоя же каялы Святоплѣкъ повелѣя отца своего между Угорскими иноходцы» — соглашается съ Карамзинымъ и Пожарскимъ; но слово отца — говоритъ онъ — стоитъ здѣсь вмѣсто тѣстя, тѣстя, цтя — тѣстя. Въ этомъ случаѣ его изысканія ничего не объясняли, и намъ кажется, что и г. Бутковъ не понялъ точнаго выраженія этого мѣста; какъ всѣ другіе. Объясненіе слѣдующаго чтенія, запутаннаго первыми издателями, разгадано вѣрно и удачно: «то же звонъ слыша давній Великій Ярославъ сынъ Всеволожъ: а

Владимиръ по вся утра уши закладе въ Черниговъ.» Этимъ объясненіемъ воспользовался Максимовичъ и его чтеніе перепечаталъ въ своемъ изданіи съ перестановкою словъ вмѣсто — а сынъ Всеволожъ Владимиръ — а Владимиръ сынъ Всеволожъ. Выраженіе: «уже не Шеломянемъ еси» — г. Бутковъ принимаетъ совершенно въ другомъ значеніи отъ другихъ изыскателей; онъ частицу — *не* — принимаетъ за предлогъ *за*, а Шеломя за Изюмскій курганъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игоревъ.

Самое Слово, по мнѣнію г. Буткова — «сочинено при жизни Ярослава Владимировича Галичскаго, умершаго 1187 года, и уже по возвращеніи изъ Половецкаго плѣна 1188 года князей Всеволода и Вла-

ДИМИРА , КАКЪ ВИДНО ВЪ СЛОВѢ. » МЫ НЕ СОГЛАСНЫ ВЪ ЭТОМЪ СЪ Г. БУТКОВЫМЪ. СОЧИНИТЕЛЬ НИГДѢ НЕ ГОВОРИТЬ О СВОЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ, А ЛИЦА, УПОМИНАЕМЫЯ ИМЪ, КОТОРЫХЪ ТАКЪ МНОГО МЫ НАХОДИМЪ НИКОГДА НЕ ОБЪЯСНЯТЬ НАМЪ ЭТОГО ВОПРОСА, ЕСЛИ БУДЕМЪ СМОТРѢТЬ НА НЕГО СЪ ЭТОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

ЧТО ЖЕ КАСАЕТСЯ ДО НЕПОНЯТНЫХЪ СЛОВЪ, ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ ВЪ ОПИСАНІИ СЛОВА О ПОХОДѢ ИГОРЯ, ТО Г. БУТКОВЪ ПОЧТИ НЕ ОБРАТИЛЪ НА НИХЪ ВНИМАНІЯ. ЕГО ИЗЫСКАНІЯ О СЛОВАХЪ: ТЛѢКОВИНЪ, ХОДЫ, КОГАНЯ, ХОТЯ, ХИНОВИ — НИЧЕГО НЕ ОБЪЯСНЯЮТЪ. ОНИ ЛЮБОПЫТНЫ, КАКЪ ГИПОТЕЗА, И МѢЛОЧНЫ, КАКЪ ВСЕ НЕДѢЛЬНОЕ. ЗАМѢЧАТЕЛЬНО ТАКЖЕ ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ О СЛОВАХЪ: БРАТІЕ, ДРУЖИНА, ГДѢ Г. БУТКОВЪ СТАРАЕТСЯ ДОКАЗАТЬ

что, въ старину «поэты составляли сообщества, какъ члены.» Доселѣ ни летописи ни акты не представляютъ намъ ни какихъ доказательствъ. Но г. Бутковъ отыскалъ что-то подобное въ поэтахъ Кабардинскихъ Черкесъ.

Въ 1825 году пасторъ Зедергольмъ издалъ въ Москвѣ: **DAS LIED VON HEERES ZUGE IGORS, SOHNES SWÄTOSLAW ENKELS OLEGS.** Онъ перевелъ наше Слово стихами, выписалъ изъ Исторіи Карамзина о происшествіяхъ и его замѣчанія, перевелъ замѣчанія К. Θ. Калайдовича и прибавилъ свои парадоксы: будто бы Слово о полку Игоревомъ писано хорейми и амфибрахіями, и доказывалъ преимущество своего чтенія текста предъ всѣми археологами. Переводъ пастора Зедергольма не имѣетъ даже тѣни

ДОСТОВѢРНОСТИ, И ВО МНОГОМЪ УСТУПАЕТЪ
 Французскому переводу, помѣщенному въ
 журналъ **Le Satorique** — барона Экшеина.

Критическія изслѣдованія Н. А. Поле-
 ваго о Словѣ Игоревѣ полка помѣщены бы-
 ли въ его Исторіи Русскаго народа Ч. 2, и
 въ рецензій на изданіе Слова, напечатан-
 наго А. Θ. Вельтманомъ (въ Московскомъ
 Телеграфѣ, 1833 года, ч. 50, стр. 419). Мы
 обращаемся теперь къ его изслѣдованіямъ.

Н. А. Полевой полагаетъ; «что Слово о
 полку Игоревомъ есть неподдѣльное творе-
 ніе древней Русской Словесности. Народ-
 ная поэзія Русская, при соединеніи Нормановъ съ Славянами, образовалась въ видѣ
 Сагъ, и поэмы, которыя были пѣты Рус-
 скими Боянами или Боюнами. Со введені-
 емъ Христіанской вѣры, мифологическо-ге-

роическая поэзія Руссовъ казалась неумѣстною. Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ, или они должны были облекаться въ формы Христіанства: вотъ періодъ Слова о полку Игоревомъ — міѳо-героической поэмы, съ формами Христіанства. Тутъ являются: Хорсъ, Даждь-богъ — и Пирогощя Богоматерь; герои Христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы, они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идетъ на нихъ... Языкъ, на которомъ писано сіе Слово, есть языкъ Русской, Юга Русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей; но только языкъ его возведенъ въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдна въ народной пѣснѣ... Въ Словѣ

О полку Игоревомъ размѣръ явѣнь, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, вы тотчасъ поймете его разнообразную пѣвучую музыкальность.»

Въ словахъ и выраженіяхъ самаго текста Слова, Н. А. Полевой показалъ довольно замѣчательныя изслѣдованія. Такъ въ выраженіяхъ: тропу Трояню, вѣщи Трояни—онъ полагаетъ, что не должно думать о Троянѣ Императорѣ, какъ думали другіе, но что Владимира называютъ въ одномъ Русскомъ памятникѣ Трояномъ, и что этихъ словъ не должно ли искать на Руси, или у Половцевъ.» Темныя мѣста подлинника: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжело ти головы, кромѣ плечу; зло ти тѣлу, кромѣ головы» —

Н. А. Полевой читаетъ такъ: «Рекъ Боянъ и ходы (говоря о походахъ) на Святославля (по подобію) пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя: хотя тяжело ти голова, кромѣ плеча; зло ти тѣлу безъ головы. Полагаемъ—говорить Н. А. Полевой—что имя: Коганъ, означаетъ пѣвца, жившаго при Ярославлѣ, и славнаго, подобно Бояну. Слово *х о т и*, мы переводимъ здѣсь словомъ: *хотя*, относя его къ слову: *тяжко*, а не къ предшествовавшимъ словамъ.»

Подробности и критическія изслѣдованія какъ о самомъ Словѣ, такъ и о народной Русской поэзіи помѣщены Н. А. Полевымъ во 2 томѣ Истории Русскаго Народа, столь всѣмъ извѣстной, что мы не входимъ въ дальнѣйшія изслѣдованія.

Послѣднее критическое изысканіе о Словѣ Игорева полка было составлено профессоромъ М. Максимовичемъ, и какъ классическія лекціи его были напечатаны въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836, ч. X, стр. 1 и 439, и 1837 г, ч. XIII, стр. 29. Изслѣдованія г. Максимовича были раздѣлены на три отдѣльныя статьи.

Въ первой статьѣ онъ обозрѣвалъ исторію рукописи, разныхъ изданій Слова; слегка коснулся о гипотезахъ защитниковъ и недовѣрчивыхъ; еще короче изложилъ доказательства о достовѣрности слова. Окончаніе этой статьи составляетъ изложеніе Слова и историческихъ событій. Самое Слово онъ раздѣляетъ на 12 главъ. Для примѣра мы выписываемъ его сужденія объ археологахъ Русскихъ.

«Г. А. Θ. Вельтманъ, 1833 года, перевелъ ее мѣрною прозою съ новымъ чувствомъ красоть ея. Съ новыми видами объ исторической важности ея писалъ о ней г. Н. А. Полевой (Ист. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1833). Съ новымъ уразумѣниемъ народно-поэтическаго ея свойства писалъ о ней г. А. Глаголевъ. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія Каченовскаго, г. профессоръ И. И. Давыдовъ, на основаніяхъ филологическихъ сомнѣвается также въ ея подлинной древности и находитъ въ ней сходство съ Исландскими Сагами.»

Напрасно вы будете доискиваться: въ чемъ состоятъ новыя чувства красоть г. Вельтмана? Какіе это новыя виды исторической важности г. Полеваго? Что такое новое уразумѣніе г. Глаголева? На чемъ

ОСНОВАНЫ ПОДОЗРѢНІЯ ГГ. КАЧЕНОВСКАГО И ДАВЫДОВА? ЭТОГО Г. МАКСИМОВИЧЪ НИГДѢ НЕ ИЗЛАГАЕТЪ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ Г. МАКСИМОВИЧЪ НАЗЫВАЕТЪ ИСТОРИЧЕСКОЮ ПѢСНІЮ, И ЧТО ОНО ЕСТЬ ПЕРВОРОДНЫЙ, ИЗЯШНЫЙ ОБРАЗЕЦЪ СОБСТВЕННО-РУССКОЙ, НАСТОЯЩЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.

ВО ВТОРОЙ СТАТЬѢ Г. МАКСИМОВИЧЪ РАЗСМАТРИВАЕТЪ ДУХЪ И ФОРМУ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ЭТОТЪ ДУХЪ, ПО МНѢНІЮ Г. МАКСИМОВИЧА, ЗАКЛЮЧАЕТСЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ ДВУХЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ НАЧАЛЪ: «ЛЮБВИ КЪ ЗЕМЛѢ РУССКОЙ И ЕЯ СЛАВѢ, И ВѢРЫ ВЪ ЖИЗНЬ ПРИРОДЫ И ГЛУБОКАГО СЪ НЕЮ СОЧУВСТВІЯ. ВЪ ПОДРОБНОМЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ ЭТОТЪ ДУХЪ ПОЛУЧИЛЪ У НЕГО ПОДРАЗДѢЛЕНІЯ: ДУХЪ ЛЮБВИ, ДУХЪ РАТНЫЙ. ТОСКА ПО РОДИНѢ У НЕГО ПО-

ЛУЧИЛА ОСОБЕННОЕ НАЗВАНІЕ: «ЛЮБОВЬ КЪ МИ-
 НУВШЕМУ И СКОРБЬ О НАСТОЯЩЕМЪ. СОВЕР-
 ШЕННО ПОВЕРХНОСТНЫ ИЗЛОЖЕНІЯ ПРЕДМЕТОВЪ:
 ВЪРОВАНІЯ ВЪ МІРЪ ДУХОВЪ, ЧУДЕСНОСТИ ЗНА-
 МЕНІЯ ПРОРОДЫ. ВЪ ТАКОМЪ ЛАГАРПОВСКОМЪ
 ОБЗОРѢ МЫ СОВЕРШЕННО НЕ ЗАМѢТИЛИ КРИТИ-
 ЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ, ТАКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ,
 КОТОРЫЯ ВЫХОДЯТЪ ИЗЪ-ПОДЪ ПЕРА ОПЫТНАГО
 АРХЕОЛОГА. МОЖЕТЪ БЫТЬ ЭТО И НЕ ВХОДИЛО
 ВЪ КРУГЪ ИЗЫСКАНІЙ Г. МАКСИМОВИЧА. МЫ
 УЖЕ ПРЕЖДЕ УКАЗЫВАЛИ, КАКЪ Г. МАКСИМО-
 ВИЧЪ УДАЧНО ВОСПОЛЬЗОВАЛСЯ ТРУДАМИ СВО-
 ИХЪ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВЪ, ПОВТОРЯЕМЪ И ТЕ-
 ПЕРЬ, ЧТО ВСѢ НЕВѢРНЫЯ ОБЪЯСНЕНІЯ ПРЕЖ-
 НИХЪ КРИТИКОВЪ ВЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ ЕГО СО-
 ВЕРШЕННО УДАЛЕНЫ, И ВЪ ЭТОМЪ ОТНОШЕНІИ
 ЕГО ВОЗЗРѢНІЕ НА СЛОВО ИМѢЕТЪ ПРЕДЪ ВСѢМИ
 ПРЕИМУЩЕСТВО.

Въ третьей статьѣ г. Максимовичъ излагаетъ свои мнѣнія: «Объ образѣ выраженія и языкѣ.» Въ своемъ обзорѣнн онъ старался разсматривать четыре предмета: о подобіяхъ, народно-поэтической символикѣ птицъ и звѣрей, о повтореніяхъ, и языкѣ.» Въ этой статьѣ мы встрѣтили самыя основательныя лексикографическія изслѣдованія, замѣчательныя по внимательному изученію Слова о полку Игоревомъ.

Подобіе, по мнѣнію г. Максимовича, принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному. Подобіе при изображеніи какого либо одного предмета, обыкновенно у пѣвца выражается творительными падежемъ того предмета, отъ кого оно заимствуется; вто-

РОЙ ОБОРОТЪ ПОДОБІЯ ВЫРАЖАЕТСЯ СРАВНИТЕЛЬНЫМЪ СОЮЗОМЪ: АКИ, ЯКО, РЦИ; ТРЕТІЙ ОБОРОТЪ ПОДОБІЯ СОСТОИТЪ ВЪ СБЛИЖЕНІИ ПОДОБНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ, И ЕСТЬ ПРОСТОЕ СООТВѢТСТВІЕ.

ВЪ ОБОЗРѢНІИ СИМВОЛИКИ, Г. МАКСИМОРИЧЪ ГОВОРИТЪ, ЧТО СОКОЛЬ ЕСТЬ СИМВОЛЬ ХРАБРОСТИ И БЫСТРОТЫ ВЪ НАПАДЕНІИ; ЛЕБЕДЬ ЕСТЬ СИМВОЛЬ ПѢНІЯ И ЗВУКА ВООБЩЕ; СОЛОВЕЙ ЕСТЬ ЭМБЛЕМА ПѢВЦА; ПАРЕНІЕ СИЗАГО ОРЛА ВЫРАЖАЕТЪ ПОЛЕТЪ ПОЭТИЧЕСКАГО УМА ИЛИ ЗАМЫШЛЕНІЯ БОЯНОВА; ГАЛКА СИМВОЛЬ РАЗЛУКИ; ТУРЬ СИМВОЛЬ ХРАБРОСТИ И СИЛЫ.

ПОВТОРЕНІЯ СЛОВЪ И РѢЧЕНІЙ, ГОВОРИТЪ Г. МАКСИМОВИЧЪ, СОСТОИТЪ ВЪ ПОСТОЯННЫХЪ ЭПИТЕТАХЪ, УСВОЕННЫХЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ И ВЕЩАМЪ.

Наконецъ о самомъ важномъ предметѣ — языкѣ Слова о полку Игоревомъ, онъ говоритъ: «Языкѣ Пѣсни Игорю по составу своему, т. е. въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ К'евской и Волынской лѣтописи; но въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ нихъ, замѣтно бореніе народно-Русскаго языка съ книжно-Славянскимъ. И это потому, что Пѣснь Игорю есть произведеніе мірское, поэтическое, и притомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкъ у насъ начиналъ уже измѣняться противъ первоначальнаго, дровняго своего вида: и хотя на немъ писали, и вѣроятно, и говорили тогда книжные и духовные люди, но для мірянъ онъ былъ уже старый языкъ... Во внутреннемъ

СОСТАВЪ ЯЗЫКА ПѢСНИ ИГОРЕВОЙ ВИДИМЪ СО-
 ЧЕТАНІЕ ДВУХЪ СТИХІЙ—КНИЖНОЙ И НАРОД-
 НОЙ. ЯЗЫКЪ ПѢВЦА ИГОРЯ СТОЛЬКОЖЪ ОСО-
 БЕННЫЙ И ТАКЪ ЖЕ СОСТАВИЛСЯ, КАКЪ И ВЪ
 НАШЕ ВРЕМЯ ИЗЪ НОВАГО — КНИЖНАГО И НА-
 РОДНАГО—РУССКАГО СОСТАВЛЯЕТСЯ ОСОБЕННЫЙ
 ЯЗЫКЪ КАКОГО ЛИБО ДАРОВИТАГО, САМОСТОЯ-
 Тельнаго писателя. ПѢВЕЦЪ ИМЕННО ХОТѢЛЪ
 ВОСПѢТЬ ПОХОДЪ ИГОРЯ СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ
 ТРУДНЫХЪ ПОВѢСТІЙ, ПО ОБЫЧАЮ ТОГДАШНИХЪ
 ПИСАТЕЛЕЙ, А, МОЖЕТЪ БЫТЬ ПО ЖЕЛАНІЮ
 ПРИБЛИЗИТЬСЯ КЪ ЯЗЫКУ СВОЕГО ВДОХНОВИТЕЛЯ
 БОЯНА, ПОТОМУ ЧТО У НЕГО И ГОСПОДСТВУЕТЪ ВО-
 ОБЩЕ ЯЗЫКЪ СЛОВЕНСКІЙ. Но это самое намѣ-
 РЕНІЕ ВОСПѢТЬ СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ ПОКАЗЫВАЕТЪ
 УЖЕ ЧТО БЫЛЪ ТОГДА ДРУГОЙ ЯЗЫКЪ, ОТНОСИ-
 Тельно СЛОВЕНСКАГО, НОВЫЙ, УПОТРЕБИТЕЛЬНЫЙ
 ВЪ РАЗГОВОРѢ, А ВѢРОЯТНО И ВЪ НАРОДНЫХЪ

пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природ-
ный и привычный пѣвцу языкъ былъ
Южно-Русскій (Сѣверной области, ибо пѣ-
вецъ безъ сомнѣнія былъ Сѣверянинъ) и
сего языка слова и обороты везпрестанно
пробиваются сквозь покровъ Словенскаго.»

Въ этихъ мнѣніяхъ мы прочитали уже
прежнее разысканіе Н. А. Полеваго, по-
мѣщенное въ рецензій на изданіе Вельтма-
на въ Моск. Телегр. 1833 года, ч. 50.
стр. 432—«что Слово о полку Игоревомъ
писано на Русскомъ языкѣ, какимъ въ XII
вѣкѣ говорили въ Украйнѣ, Кіевѣ, Черни-
говѣ, Курскѣ.» Встрѣтили старое замѣчаніе
К. Θ. Калайдовича, помѣщенное въ тру-
дахъ общества Любителей Россійской Сло-
весности ч. 13, стр. 31—что пѣснь сочине-
на Славяно-Русскимъ языкомъ, подобнымъ

БИБЛЕЙСКОМУ И СХОДНЫМЪ СЪ ЛѢТОПИСЯМИ, ГРАМАТАМИ И ДРУГИМИ ИСТОРИЧЕСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ; ЧТО ОНА СОЧИНЕНА ПО ВСѢМЪ ВѢРОЯТІЯМЪ ВЪ НЫНѢШНЕЙ МАЛОРОССІИ.»

Въ изслѣдованіи склада языка Слова Игорева полка г. Максимовичъ повторилъ также старое. «Она могла быть пѣтою и не быть стихотвореніемъ: церковныя пѣсни наши, большею частию не представляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на опредѣленные гласы.» Это еще было сказано А. Х. Востоковымъ въ 1818 году, въ опытѣ о Русскомъ стихосложеніи, стр. 159: «неизвѣстно, для пѣнья ли сочинено Слово, или только для чтенія, такъ лѣтописи и другіе тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ отличается оно только своею витиеватостію?.. Про-

ЗУ МОЖНО ПѢТЬ, ТАКЪ КАКЪ МЫ ПОЕМЪ НАШИ
СЛАВЯНСКІЕ ПСАЛМЫ И ДРУГІЕ ЦЕРКОВНЫЕ СТИ-
ХИ, НИКАКОГО ОПРЕДѢЛЕННАГО РАЗМѢРА НЕ-
ИМѢЮЩІЕ.»

Г. Максимовичъ допускаетъ также, со-
гласно съ гг. Востоковымъ, Дубенскимъ и
Полевымъ, что въ Словѣ «Есть стихи не
столь опредѣленнаго склада и однообразна-
го размѣра, какъ народныя Великорусскіе,
но столько жъ разнообразныя и вольныя,
какъ Украинскіе, особенно въ Думахъ.»
Онъ приложилъ даже въ примѣчаніяхъ и
образцы стиховъ:

Изъ пѣсни Ярославны:

Жаждею имъ лучи съпряже,

Тугою имъ тули затче.

Пѣсня Русскихъ женъ:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ

Ни мыслию смислити,
 Ни думою сдумати,
 Ни очами сглядати

А злата и сребра ни мало того потре-
 пати!

Таковы были критическія изслѣдованія
 защитниковъ Слова о полку Игоревомъ. Мы
 теперь обращаемся къ нашимъ Русскимъ
 скептикамъ, невѣрующимъ въ бытіе древ-
 ней Руси, и, въ полномъ сравненіи ихъ из-
 слѣдованій, можемъ только видѣть до-
 стоинство тѣхъ и другихъ.

Наши Русскіе скептики доселѣ еще не
 успѣли произвести ни одного полного со-
 чиненія, ни одного полного критическаго
 изслѣдованія по Русской исторіи. Всѣ тру-
 ды ихъ состоятъ въ нѣсколькихъ сомнѣні-
 яхъ, высказанныхъ въ журнальныхъ ста-

ТЕЙКАХЪ. Всѣ понятія о недостовѣрности древней Русской исторіи не приведены еще въ систему, хотя приверженцы успѣли уже провозгласить, что появилась на Руси новая историческая школа. Понятія скептиковъ, какъ чуждыя намъ по происхожденію, какъ намъ современныя, извѣстны наперечетъ, и потому мы не считаемъ ихъ самобытными, созданными Русскимъ умомъ и Русскимъ человекомъ. Это мы потому говоримъ, что ни одно сомнѣніе нашихъ скептиковъ не утверждено доказательствами, что ни одно подозрѣніе не изслѣдовано критически, что зародышъ критическихъ сомнѣній и подозрѣній появился въ думахъ чужеземца по своему происхожденію.

Мнѣнія извѣстнаго профессора Эверса были приняты Московскимъ профессоромъ

М. Т. Каченовскимъ и составили основание такъ называемой новой исторической школы. Сомнѣнія начались съ первой страницы Русской исторіи—съ вопроса? Откуда произошли Руссы? Отвергая всѣ изслѣдованія, всѣ древніе акты, первый составъ Несторовой лѣтописи, они заподозрили всю Русскую исторію до XIV вѣка. Въ слѣдствіе этихъ сомнѣній и Слово о полку Игоревомъ было предано сомнѣнію, какъ блестящій фактъ Русской грамотности XII вѣка.

Мнѣнія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго извѣстны намъ только по краткимъ выпискамъ его послѣдователей; самъ же онъ, какъ слышно, приготовляетъ еще свои критическія изслѣдованія по Русской исторіи. Послѣдователи говорятъ, что всѣ

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ ЗАИМСТВУЮТЪ ОНИ ИЗЪ ЛЕКЦІЙ М. Т. Каченовскаго, и какъ онъ самъ ни одного раза не протестовалъ противъ ихъ недостовѣрности, то мы и признаемъ ихъ за произведенія М. Т. Каченовскаго. Мнѣніе его о Словѣ Игорева полка было вписано Г. Бѣликовымъ въ критическое изслѣдованіе, помѣщенное въ Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета, ч. 5, стр. 457.

Г. Бѣликовъ говоритъ: «заклѣчимъ драгоценными замѣчаніями заимствованными мною изъ лекцій профессора Каченовскаго.

«Хощу . . . копіе приломити . . . съ вами.

«Фраза рыцарская! *ROMPRE UNE LANCE AVEC* и также *POUR QUELQU'UN*. Смотри Словари. Страшная встрѣча!

« *Чили* — или. Но это есть такое Польское словцо, котораго употребленія невозможно приписывать тому времени. Какимъ былъ Польскій языкъ XIV столѣтія — никто не знаетъ.

« *Велесовѣ внузе*. Изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалаго бога *волоса*, иначе *велеса*; въ такомъ же забужденіи былъ и нашъ авторъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Новгородѣ была Волосова улица (И. Г. Р. изд. 2, т. IV, пр. 337, стр. 207). Гражданинъ Волось, т. е. Власъ былъ убитъ на вѣчѣ 1230 г. (Новг. лѣт. стр. 115.) Была и церковь Св. Власія или Волоса. Странно, что въ Новг. находилась и улица Бояня (лѣт. Новг. 177)! Авторъ частехонько бредитъ именами лицъ и урочищъ сѣверныхъ!!

« Буй Туръ Всеволодъ. Туръ — дикій баранъ горъ Кавказскихъ ; оттуда : турій рогъ. (Приб. къ Инв. 1833, 62 № стр. 493) Изобрѣтатель пѣсни Игоровой, въ общемъ со всѣми заблужденіи, почитаетъ за вола.

« Драгья Оксамиты. Оксамитъ (слово Польское, но происхожденія Греческаго) — бархартъ и притомъ изъ шелку, ибо дорогие оксамиты. Но въ XII или XIII столѣтіяхъ шелкъ былъ веществомъ еще весьма рѣдкимъ даже между Греками. Шелководствомъ начали заниматься въ Венеціи только съ 1309 г. въ Неаполѣ 1456; во Франціи шелковыя фабрики появляются около 1470 года. (Бека Всеоб. Ист. IV. 858).

Свызая и обызая. Слова, употребительныя въ Польскомъ языкѣ, въ видѣ поговорокы, какъ напримѣръ въ Нѣмецкомъ

HANDELN UND WANDELN и проч. Это пахнет чѣмъ-то новымъ; ибо Польскій языкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ.

«*Давезя* — украдено изъ Великороссійскаго простонарѣчія новѣйшаго; ибо въ книгахъ его не находимъ.

« Упоминаемая въ пѣсни Ногаты суть принадлежность сѣвера, а не юга.

« Наконецъ еще должно замѣтить, что нѣкоторыя необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи; на стр. 65 найдете: *учашеть*, *блшеть*. Весьма также замѣчательны выраженія, найденныя Карамзинымъ въ одной рукописи и повторенныя въ словѣ о полку Игоревѣ, а именно: *сѣяшется* и *ростяше* *усобицами*; *гыняше* *жизнь* *наша* *въ князехъ*,

КОТОРЫИ ВЪЦИ СОКРАТИШАСЯ ЧЕЛОВЪКОМЪ.

См. И. Г. Р. изд. 2. IV, пр. 228, 144. »

Вотъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго. Справедливы они ли? Это ли критика для такого гениальнаго произведенія, каково Слово о полку Игоревомъ? Не позабудьте, что такъ думаетъ самъ основатель новой исторической критики, котораго мнѣнія послѣдователи принимаютъ за факты, отвергая настоящіе историческіе факты, на которыхъ зиждется основаніе критикъ въ ученomъ мѣрѣ. Мы разсмотримъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго.

Будто слова: «хощу.. копіе приломити... съ вами» — есть рыцарская фраза, мы не въримъ этому, и скорѣе согласимся, что выраженіе: «смотри словари» — не имѣетъ

никакого вѣроятія. Критикъ не показалъ намъ, въ какіе словари мы должны смотрѣть, чтобы удостовѣриться въ его возраженіи; а безъ этого мы не вѣримъ, и самое его возраженіе считаемъ фразою новой исторической школы. Просимъ заглянуть только нашихъ читателей въ Русскія народныя стихотворенія изданныя Калайдовичемъ, гдѣ разсказывается о богатырскихъ подвигахъ Русскихъ витязей. Тамъ Русскимъ языкомъ воспѣты богатыри наши. Неужели всѣ эти пьесы есть переводъ съ Французскаго? Неужели Святославъ, переселяясь изъ Кіева въ Булгарію былъ рыцарь, когда поэтически описывалъ выгоды своихъ переселеній? Мы знаемъ отличие между набѣздами нашихъ князей на степи Подовецкія и рыцарскими подвигами, и потому самому не

СМѢШИВАЕМЪ ВЪ ОДНО ПОНЯТІЕ РЫЦАРЯ И БО-
 ГАТЫРЯ, РЫЦАРСТВО И НАТЪЗДНИЧЕСТВО. И ЕСЛИ
 Русской критикъ имѣетъ такія неоснователь-
 ныя понятія о семейной и политической
 жизни своихъ предковъ, то чего же ожи-
 дать намъ отъ чужеземцевъ? Мы бы жела-
 ли знать: откуда взялъ почтеннѣйшій М.
 Т. Каченовскій эту Французскую фразу? И
 если на это историческій фактъ, или толь-
 ко взято изъ какой нибудь исторической
 книги? Мы не будемъ входить въ изслѣдо-
 ваніе Славянской Миѳологіи и доказывать,
 что Велесъ существовалъ у Славянъ языч-
 никовъ, зная, что почтеннѣйшій М. Т. Ка-
 ченовскій, по своимъ критическимъ соображе-
 ніямъ, уничтожаетъ въ Русской исторіи цѣ-
 лыхъ четыре вѣка событій. Наши мнѣнія
 о Славянской миѳологіи изложены во 2 ча-

сти Сказаній Русскаго народа, и повторяемъ здѣсь, что мы вѣримъ сказанію Нестора, что Великій Владиміръ съ принятіемъ христіанства уничтожилъ Кіевскихъ идоловъ, въ числѣ которыхъ былъ и Велесъ. Нашъ Несторъ первый сказалъ, что именемъ Велеса клялись наши предки-язычники, что Велесовъ кумиръ былъ въ Кіевѣ, а почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій изволить думать, что «изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, певѣжды сдѣлали небывалаго бога Волоса, иначе Велеса,» нимало не упоминая, что уже въ XII столѣтіи Св. Аврамій Ростовскій уничтожилъ въ Ростовѣ языческое поклоненіе Велесу.

Мнѣніе неизвѣстнаго, что «Туръ—есть дикій баранъ горъ Кавказскихъ — не служить опроверженіемъ словъ пѣвца Игоря:

« Буй Туръ! » Во первыхъ, не должно доискиваться слова Туръ на Кавказъ и выводить его отъ дикаго барана: это есть заблужденіе. Кому знакомы народные праздники и образцовое сочиненіе извѣстнаго нашего археолога, И. М. Снегирева, тѣ вѣрно не будутъ возлагать небывалыхъ подозрѣній на пѣвца Игоря.

Аксамить совсѣмъ не бархатъ изъ шелку: это есть парчевая матерія. Мы также не понимаемъ, что аксимумъ есть слово Польское, Греческаго происхожденія! Если Поляки могли усвоить себѣ это слово, то не ужели Русскіе XII вѣка, еще болѣе знакомые съ Греками, не могли усвоить этого же слова? Мы не понимаемъ, какъ только можно въ XIX вѣкѣ называть эти невѣроятности драгоцѣнными примѣчаніями!

Загляните въ Исторію Н. М. Карамзина т. 2, прим. 300, 393, 414, загляните въ лѣтописи подъ годами 1147, 1159, 1164 — и тамъ увидите, какъ наши князья дарили другъ друга Пардусами и аксамитами. Это Русское доказательство вѣрнѣе заморскаго. Для чего ссылаться на Бека, который толкуетъ о шелковомъ производствѣ, а не о пѣвцѣ Игорева полка?.. Вотъ какіе факты новой исторической школы! Въ описяхъ церковныхъ ризницъ доселѣ находимъ слово аксамить, и тамъ парчевыя ризы называются аксамитными. Загляните въ старыя описи ризницы Московскаго Успенскаго собора, или описи государскихъ имуществъ ХVІІ вѣка, хранящихся въ Московской оружейной палатѣ, и тамъ прочтете аксамиты. Говоря, что слова: свѣчая и обычая—

употребляются въ Польскомъ языкѣ, почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій приводитъ въ доказательство Нѣмецкую фразу, и говорить что это пахнетъ чѣмъ-то новымъ, Осмѣливается увѣрить, что эти слова коренныя Русскія, а не Польскія, и что они доселѣ употребляются въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Московской. Намъ нѣтъ ни какой надобности, что Польскій языкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ. Мы вѣримъ отъ души, что Іоаннъ Экзархъ Болгарскій переводилъ на Славянскій языкъ, что Остромирово Евангеліе, писанное въ половинѣ XI вѣка, также есть переводъ съ Греческаго на Славянскій.

Давеча — говорить почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій, что это слово украдено изъ Велікороссійскаго простонарѣчія новѣйшаго.

Смѣемъ увѣрить его, что вмѣсто — давеча, должно читать: далеча — это ошибка писца, или недосмотръ первыхъ издателей. Положимъ, что слово давеча поставлено въ списокъ безъ ошибки, и будемъ допускать, что это слово простонародное, и тогда мы не имѣемъ права отвергать его. Нашъ языкъ народный доселѣ еще неизслѣдованъ; нѣтъ у насъ областныхъ словарей и грамматикъ; никто не занимался еще сравненіями областныхъ выговоровъ. Языкъ народный имѣетъ вѣковыя постоянности, особенно языкъ господствующій; онъ остается неизмѣненъ, какъ самъ народъ. Со всемъ не то бываетъ съ языкомъ книжнымъ, который безпрерывно измѣняется. Отвергать древнее произведение Слова о полку Игоревомъ потому только, что слова: давеча нѣтъ въ кни-

ГАХЪ ПРОТИВНО ВСЯКОМУ ЛОГИЧЕСКОМУ СМЫСЛУ.

Почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій полагаетъ, что будто бы слова найденныя Карамзинымъ въ одной рукописи повторены въ одномъ мѣстѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Здѣсь двойная неправда: рукопись отыскана Калайдовичемъ, а не Карамзинымъ, и мы въ этомъ ссылаемся на статью, помѣщенную въ трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. 2. стр. 41, гдѣ говорить Калайдовичъ: «немаловажнымъ доказательствомъ древности ея послужить одно мѣсто, случайно найденное мною и сообщенное г. Исторіографу.» Эта рукопись есть Апостолъ, писанный на пиргаминѣ въ 1307 году. По смыслу, данному М. Т. Каченовскимъ, выходитъ, что пѣвецъ Игоря

жившій въ XII вѣкѣ, повторилъ слова Игумена Зосимы, жившаго въ XIV столѣтїи. И такія изслѣдованія называются критикою!

Сильное гоненіе на Слово о полку Игоревомъ воздвигъ послѣдователь почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго, г. Бѣликовъ, въ статьѣ: «нѣкоторыя изслѣдованія Слова о полку Игоревѣ,» напечатанной въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета на 1834 г., ч. 5, стр. 295 и 448. Въ заключеніе всѣхъ своихъ умствованій, онъ говоритъ: «Пѣснь Игоря не дошла до насъ въ своей первобытной чистотѣ; она чрезъ нѣсколько вѣковъ уже писана имъ съ словеснаго преданія, сохранившагося въ сказкѣ, или пѣсни, или переложена съ иностраннаго языка. Въ XVI вѣкѣ, когда книгопе-

ЧТАНІЕ ПОРОДИЛО ВЪ РУССАХЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНУЮ
ОХОТУ КЪ ЧТЕНІЮ , ВИДНО ВЪ НАШЕЙ ИСТОРИИ
ВООБЩЕ СТРЕМЛЕНІЕ ГРАММАТЪЕВЪ СПИСЫВАТЬ
ВСѢ ИСТОРИЧЕСКІЯ ПРЕДАНІЯ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
И ИНОСТРАННЫЯ. ВЪ ЭТО ВРЕМЯ , ВѢРОЯТНО ,
НАШЕЛСЯ И ЛЮБИТЕЛЬ ИЗЯЩНАГО , КОТОРОМУ,
ПОНРАВИЛАСЬ СКАЗКА , ИЛИ ПѢСНЬ О ПОХОДѢ
ИГОРЯ, И КОТОРЫЙ , ЧУВСТВУЯ ВЪ СЕБѢ СПО-
СОБНОСТЬ КРАСНОРѢЧИВО ПЕРЕДАВАТЬ СВОИ МЫ-
СЛИ, РѢШИЛСЯ ЗАПИСАТЬ ЕЕ, И КАКЪ БЫ ХО-
РОШІЙ НАЧЕТЧИКЪ СТАРИННЫХЪ КНИГЪ , ВЗДУ-
МАЛЪ ИЗЛОЖИТЬ ОНУЮ СТАРИННЫМЪ ЯЗЫКОМЪ
XII ВѢКА—СТАРЫМИ СЛОВЕСЫ ; ПРИТОМЪ ЯЗЫ-
КОМЪ СОЧИНТЕЛЯ, КОТОРЫЙ, ПО ЕГО МНѢНІЮ,
БЫЛЪ ЮЖНЫЙ РУСИНЪ. ЭТО НАМѢРЕНІЕ ЗАСТА-
ВИЛО ЕГО ИСКАТЬ СТАРИННЫХЪ ФОРМЪ ЯЗЫКА,
СЛОВЪ ЮЖНАГО НАРѢЧІЯ И ПОЧЕРПАТЬ ПО НЕВѢ-
ДНІЮ СЛОВА ИЗЪ ПОЛЬСКАГО И СЕРЕСКАГО

языка. Безъ сомнѣнія чрезъ это онъ иска-
 зилъ прекрасную пѣснь Игорю; но ему это
 казалось лѣпымъ. Вѣроятно также, что его
 же усердіемъ вставлены отступленія о ме-
 ждоусобіямъ князей, заимствованныя имъ
 изъ другихъ преданій; можетъ статься, что
 писатель Слова о полку Игоревѣ и не былъ
 его слагателемъ, а только переводчикомъ.
 Въ XII столѣтіи, какъ извѣстно, приходи-
 ли къ нашимъ князьямъ Норманны, Греки;
 не удивительно, что изъ сихъ пришель-
 цовъ кто либо, обрусѣвъ, записалъ, или
 воспѣлъ на своемъ языкѣ походъ Игоря,
 и эта записка дошла до грамматѣевъ XVI
 вѣка, которые переложили ее стариннымъ
 Русскимъ языкомъ, подражая древнѣйшимъ
 нашимъ писаніямъ; но, не понимая хорошо
 подлинника, переводили буквально, посо-

БЛЯЯ СВОЕМУ НЕУМѢНЬЮ СЛОВАМИ ИЗЪ РАЗНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ. »

Вотъ каковы понятія послѣдователя новой исторической школы о Словѣ Игоревѣ полка. Всѣ эти предположенія основаны г. Бѣликовымъ на слѣдующихъ сомнѣнiяхъ.

«Слогъ Игоревой пѣсни далекъ отъ выраженiя, какое видимъ мы въ нашей древней вивлюѣикѣ; онъ ниже и грубѣе нашихъ древнихъ монашескихъ писанiй, а выше и чище слога ихъ грамотъ. (стр. 307). Въ эстетическомъ отношенiи Слово о полку Игоревѣ возвышается предъ всѣми нашими древними словесными произведенiями. Въ немъ красоты поэтическiя разсѣяны во множествѣ: прекрасныя сравненiя, изящныя описанiя, живописныя олицетворенiя поражаютъ читателя. Отличительнымъ ея ка-

ЧЕСТВОМЪ, КАЖЕТСЯ, МОЖНО ПОЛОЖИТЬ СИЛЬНОЕ ПОГРУЖЕНІЕ ЧУВСТВА ПОЭТА ВЪ ОКРУЖАВШУЮ ЕГО ПРИРОДУ (СТР. 305]. »

Вотъ какими доказательствами скептики убиваютъ Слово о полку Игоревомъ. Чему вѣрить, когда въ одно и тоже время говорятъ разное. Или слѣдующее: Слово при всей краткости, открываетъ величайшія несообразности въ Лексикологии и Этимологии слова, притомъ какъ въ историческомъ такъ и Этимологическомъ отношеніи. » Критикъ не показалъ этихъ несообразностей, не раскрылъ лексикологическихъ изслѣдованій XII вѣка, почему бы ему можно вѣрить. Когда критикъ приходитъ въ удивленіе: откуда пѣвецъ могъ знать Леопардовъ? Неужели они водились когда либо въ Россіи? — то мы не видимъ, чтобы онъ вни-

КАЛЪ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНІЕ. Просимъ критика заглянуть въ Кіевскую лѣтопись, гдѣ сказано, что Олегъ Святославичъ подарилъ Юрію Долгорукому пардуса, а Святославъ Олговичъ тѣмъ же дарилъ Ростислава: это было въ половинѣ XII вѣка. Помѣнию критика, что матеріалы слова въ статистическомъ отношеніи представляютъ еще болѣе загадочности. И какія же слова загадочны? Болонье, яругъ. Слово: болонье мы встрѣчаемъ въ путешествіи Даниила Паломника; слышимъ доселѣ, какъ Кіевляне называютъ этимъ словомъ мѣсто между валомъ и городомъ. Слово яругъ такъ часто встрѣчается въ крѣпостныхъ записяхъ XVII вѣка, что оно явно выражаетъ оврагъ, ровъ. Вотъ вамъ достовѣрности статистическія. Критикъ подозреваетъ даже, что слова:

КРОВАТЬ ТЕСОВА , ДОРОГА — ОТЗЫВАЮТСЯ ЧѢМЪ-ТО НОВЫМЪ. КТО ЖЕ ТЕПЕРЬ ПИШЕТЪ : ТЕСОВА КРОВАТЬ? ЭТО МЫ ВСТРѢЧАЕМЪ ВЪ СТАТЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСНЯХЪ И ВЪ НОВОГОРОДСКОМЪ НАРѢЧИИ.

ЕЩЕ ВЪ 1834 ГОДУ г. С. РУССОВЪ ВОЗРАЖАЛЪ г. БѢЛИКОВУ ВЪ ОТДѢЛЬНЫЙ БРОШЮРЪ О ПОДЛИННОСТИ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ; УКАЗЫВАЛЪ ТАКЖЕ НА ЕГО НЕПРАВИЛЬНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНИЯ И г. БУТКОВЪ ВЪ СЫНѢ ОТЕЧЕСТВЪ 1834 г. ч. 46, стр. 621; ГОВОРИЛЪ ТАКЖЕ ВЪ СВОЮ ОЧЕРЕДЬ И г. МАКСИМОВИЧЪ ВЪ ЖУРНАЛѢ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ , 1837 г, ч. 13 , стр. 44. ЛЮБОПЫТНЫЕ МОГУТЪ ПРОЧИТАТЬ ВСѢ ЭТИ ВОЗРАЖЕНІЯ , ЧТОБЫ ВПОЛНѢ РАСКРЫТЬ МНИМЫЯ СОМНѢНІЯ И ОЦѢНИТЬ ИЗЫСКАНІЯ ПОСЛѢДОВАТЕЛЕЙ НОВОЙ ОСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.

П. М. Строевъ , извѣстный нашъ архео-
графъ , приступившій недавно къ новой
исторической школѣ, въ статьѣ: Хроноло-
гическое указаніе матеріаловъ отечествен-
ной исторіи, литературы и проч., помѣщен-
ной въ журналъ Министерства Народнаго
Просвѣщенія 1834 г. ч. 1, стр. 152, гово-
ритъ: Слово о полку Игоревѣ и Слово Да-
ниила Заточника—проблеммы Русской Сло-
весности XII вѣка.» Больше этого мы не
знаемъ, гдѣ бы г. Строевъ говорилъ что
нибудъ еще о Словѣ. Изъ приведеннаго
нами его мнѣнія о Словѣ, мы, никакого
не можемъ вывести заключенія; можетъ
быть послѣдователи новой школы объяснять,
современемъ, эту фразу г. Строеба.

И. И. Давыдовъ, профессоръ Московска-
го Университета, по своимъ понятіямъ, при-

БЛИЖАЕТСЯ КЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЯМЪ НОВОЙ ШКО-
 ЛЫ, И ТАКЖЕ, КАКЪ ОНИ, ПОДОЗРѢВАЕТЪ СЛО-
 ВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ. ЕГО МНѢНІЯ О СЛО-
 ВѢ БЫЛИ ИЗЛОЖЕНЫ ВЪ ЛЕКЦІИ: «СОСТАВЛЕ-
 НІЯ, НАЧАЛА И НАПРАВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ОТЕЧЕ-
 СТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ,» НАПЕЧАТАННОЙ ВЪ УЧЕ-
 НЫХЪ ЗАПИСКАХЪ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕ-
 ТА, 1834 г. ч. 3, стр. 281. ПОЧТЕННѢЙ-
 ШІЙ ПРОФЕССОРЪ ГОВОРИТЬ, ЧТО «ЭТО ПРОИЗ-
 ВЕДЕНІЕ СМѢСЬ ХРИСТИАНСКИХЪ ПОНЯТІЙ СЪ
 ЯЗЫЧЕСКИМИ, ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ НѢКОТОРЫЯ ИС-
 ТОРИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ, ГОСПОДСТВУЮЩІЯ
 ИДЕИ ТОГО ВРЕМЕНИ И ПОВѢРЬЯ; ЯЗЫКЪ ЖЕ
 СМѢСЬ ДРЕВНЯГО И СРЕДНЯГО ЯЗЫКА ИЗЪ РАЗ-
 НЫХЪ НАРѢЧІЙ НЕ ПОДКРѢПЛЯЕТЪ МНѢНІЯ О
 ГЛУБОКОЙ ЕГО ДРЕВНОСТИ. СЛОВО О ОПОЛЧЕНІИ
 ИГОРЕВОМЪ НЕ ПОХОДИТЪ НА ГРЕЧЕСКІЯ РАП-
 СОДИ: ВЪ НЕМЪ БОЛѢЕ СХОДСТВА СЪ ИСЛАНД-

скими сагами,... Если встрѣчается сочиненіе, о которомъ не говорятъ писатели послѣдующихъ вѣковъ, то достовѣрность онаго почитается сомнительною.... Сочиненіе, писанное на неправильномъ смѣшеніи разныхъ нарѣчій, притомъ изъ разныхъ временъ даетъ право сомнѣваться въ его достовѣрности.»

Разберемъ эти предположенія.

Почтеннѣйшій профессоръ первосомнѣніе основываетъ на томъ, что Слово писано языкомъ составленнымъ изъ разныхъ нарѣчій. Во первыхъ, что этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, во вторыхъ, это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которые они приписываютъ то нарѣчію Мало-россійскому, еще тогда не существовавшему, то видятъ въ нихъ фразы Польскія и

Богемскія , забывая , что первоначальный Славянскій языкъ былъ общимъ для всѣхъ Славянскихъ поколѣній.

Если дѣйствительно Слово подходит на Исландскія Саги , то это будетъ очень важное открытіе для нашей старой литературы. Весьма замѣчательныя мнѣнія нашего историка, Н. А. Полеваго , изложенныя имъ во 2 ч. стр. 266. Истории Русскаго народа, о Русскихъ Сагахъ, увлекли многихъ къ догадкамъ. Г. Давыдовъ , вѣроятно , въ этомъ случаѣ принимаетъ мнѣніе Бѣликова, предполагавшаго , что Слово о полку Игоревомъ было прежде сложено Нордманномъ. Для критической достовѣрности , мы просимъ почтеннѣйшаго профессора указать намъ: съ какою Ис-

ЛАНДСКОЮ СЛГОЮ ИМВЕТЬ СХОДСТВО НАШЕ
Слово?

Для большой ясности, намъ остается еще раскрыть одно важное обстоятельство, увлекшее г. Давыдова къ сомнѣнью. А. Θ. Вельтманъ, при своемъ изданіи Слова о полку Игоревомъ, сказалъ въ предисловіи, что оно писано «на соединеніи всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта.» Кромѣ г. Вельтмана никто не предполагалъ такой догадки. Эту гипотезу принялъ за основаніе почтенѣйшій профессоръ въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ, и заподозрилъ Слово

Неизвѣстный критикъ, разбирая сочиненія г. Глаголева: Умозрительныя и опытыныя основанія Словесности, говоритъ (Библиот. для чтенія на 1834 г. т. IV, стр. 3):

«Мы сожалѣемъ, что онъ не примѣнилъ духа анализа къ Слову о полку Игоря, которое слишкомъ опроментиво причисленно имъ къ источникамъ Русскаго языка; что онъ не принялъ на себя труда сравнить его критически съ Гаэлицкою поэзію почтеннаго Мекферсона. Надъ Словомъ о полку Игоря носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ; его фразы словно выкроены по Мекферсоновымъ; его обороты и выраженія большею частию принадлежатъ къ слогу XVIII вѣка, многія прилагательныя къ новѣйшей Польской поэзіи, особенно слово въщій, въ смыслѣ поэтическій, весьма поздно созданное для Латинскаго *vates* въ переводахъ Горация и Виргилія; быстрая Каяла, серебряныя св-

дины, Сула, текущая серебряными струями,
 храбрая мысль, носящая умъ на дѣло, жем-
 чужная душа въ храбромъ тѣлѣ, кровавыя
 его раны въ жестокомъ тѣлѣ, кровавыя зо-
 ри, налаганіе вѣщихъ перстовъ на живыя
 струны, прилетаніе мыслию издаля, зо-
 лотыя слова, смѣшенныя слезами, и цѣлыя
 дюжины этого рода понятій, совершенно
 неизвѣстны среднимъ вѣкамъ, совершенно
 противны духу ихъ краснорѣчія, и явно
 заимствованы изъ новаго поэтическаго язы-
 ка Европейцовъ; наконецъ симметрическія
 повторенія въ періодѣ нарѣчій уже, тутъ,
 изысканное сочетанье междуметья о! съ не-
 опредѣленнымъ наклоненіемъ, и т. д. на-
 поминаютъ уроки Цицерона и Квинтиліана,
 а чистое употребленіе мѣстоимѣнія свой,
 столь рѣдкаго въ старинныхъ Славянскихъ

ПИСАНІЯХЪ, ПОКАЗЫВАЮТЪ ВЪ СОЧИНИТЕЛѢ ЧЕЛОВѢКА, НАПИТАННАГО ФРАНЦУЗСКИМЪ ЯЗЫКОМЪ. ЕСТЬ ДАЖЕ ГАЛЛИЦИЗМЫ, НАПРИМѢРЪ: КРИЧАТЬ ТЕЛЕГИ ПОЛУНОЩНЫЯ — ТУТЪ И ГЛАГОЛЬ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ НЕ СТАРѢ НАСЪ ЛѢТАМИ. ВСѢ ЭТИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОДВЕРГАЕМЪ МЫ БЕЗПРИСТРАСТІЮ И РАЗБОРЧИВОСТИ АВТОРА, НЕ ДОЛЖНО ОСТАНАВЛИВАТЬСЯ ТѢМЪ, ЧТО УЖЕ МНОГО ГЛУБОКМЫСЛЕННЫХЪ РАЗСУЖДЕНІЙ ПИСАНО О СЛОВѢ ПОЛКА ИГОРЯ. ОССИАНЪ БЫЛЪ ПЕРЕВЕДЕНЪ НА ВСѢ ЯЗЫКИ, ВНЕСЕНЪ ВО ВСѢ ПІИТИКИ, ПРИНЯТЪ ДАЖЕ ВЪ ИСТОРИЮ, КОГДА МАЛЬКОЛЬМЪ ЛЕНГЪ РАЗОЧАРОВАЛЪ ЕГО ОБОЖАТЕЛЕЙ СВОЕЮ БЕЗПОЩАДНОЮ ЛЮБОВІЮ КЪ ИСТИНѢ. САМОЕ ОТКРЫТІЕ ЭТОГО СЛОВА ВЪ ЭПОХУ ЭНТУЗИАЗМА, ВОЗБУЖДЕННАГО ОССИАНОМЪ, И ЧТО ЕЩЕ ВАЖНѢЕ, СОВЕРШЕННОЕ ОТСУТСТВІЕ ВСЯКИХЪ ДРУГИХЪ СПИСКОВЪ, УЖЕ

ДОЛЖНЫ БЫЛИ ПРИВЕСТИ ОСТОРОЖНАГО КРИТИКА ВЪ СОМНѢНІЕ, ЕСЛИБЪ ДАЖЕ НЕ НАХОДИЛОСЬ ДРУГИХЪ СЛѢДОВЪ ПОДЛОГА ВЪ САМОМЪ ПРОИЗВЕДЕНІИ, ВПРОЧЕМЪ ИСКУСНО ПОДДѢЛАННОМЪ.»

Въ брошюрѣ, изданной г. Руссовымъ въ опроверженіе неизвѣстнаго критика, читатели могутъ видѣть подробно — до какой степени доходятъ любопытныя сомнѣнія новой исторической школы.

Признавая Слово о полку Игоревомъ единственнымъ Русскимъ произведеніемъ XII вѣка, мы твердо увѣрены, что оно имѣетъ полное право на нашу довѣренность; не видимъ слѣдовъ подлога; не находимъ въ немъ ни полонизмомъ, ни галлицизмомъ; вѣримъ, что оно есть произведѣніе Русскаго ума, произведение Русскаго человека, со-

ВРЕМЕННОКА САМАГО СОБЫТІЯ. ПѢВЕЦЪ ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО О ТѢХЪ ЛИЦАХЪ, КОИ ИЛИ УЧАСТВОВАЛИ ВЪ САМОЙ БИТВѢ, ИЛИ БЫЛИ ЗА ДОЛГО ДО НИХЪ; НО НЕ ГОВОРИТЬ НИ ОБЪ ОДНОМЪ, КОТОРЫЕ ЖИЛИ ПОСЛѢ ЭТОГО СОБЫТІЯ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, ОГРАЖДАЮЩІЯ НАШУ ДОВѢРЕННОСТЬ, МЫ ПОСТАРАЕМСЯ ИЗЛОЖИТЬ ВЪ ДРУГОМЪ МѢСТѢ.

Слово о полку Игоревомъ раздѣлено нами на XII пѣсень, а при печатаніи было сохранено правописание перваго изданія, кромѣ такихъ мѣстъ, которые явно указывали на неправильность чтенія первыхъ издателей. Всѣ наши измѣненія въ чтеніи напечатаны курсивомъ.

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ПѢСНЬ I.

Не льпо ли ны бѣшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о полку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тѣмъ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшетъ бо рѣчь пѣрвыхъ временъ усобицъ; тогда пуцашетъ 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пѣлки Касожьскими, красному Романови

Святъславичю. Болнѣ же, братіе, не 10
соколовѣ на стадо лебедей пуцаше, нѣ
своя вѣща прѣсты на живая струны вѣскла-
даше; они же сами княземъ славу рокохату.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ ста-
раго Владимѣра до нынѣшняго Игоря; иже
истягну умъ крѣпостию своею, и поостри
сердца своего мужествомъ, наплѣнився рат-
наго духа, наведе свои храбрыя плѣкы на
на землю Половецкую за землю Рускую.

ПѢСНЬ II.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и
видѣ отъ него тьмою вся своя воля прикры-
ты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе
и дружино! луцежѣ бы потяту быти, неже
полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои
грѣзныя комони, да позримъ синего Дона.
Спала князю умъ похоти, и жалость ему

ЗНАМЕНІЕ ЗАСТУПИ, ИСКУСИТИ ДОНУ ВЕЛИКАГО.
 Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ
 поля Половецкаго съ вами, Русизи, хощу
 главу свою приложити, а любо испити ше-
 ломомъ Дону!

О Бояне, соловію стараго времени! Абы
 ты сіа плѣкы ущекоталъ, скача сла-
 вію по мыслену древу, летая умомъ подъ
 облакы, свивая славы оба полы сего
 времени, рища въ тропу Трояню чрезъ по-
 ля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, то-
 го Олга внуку. Не буря соколы занесе
 чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать
 къ Дону великому. Чили въспѣти было
 въщей Бояне, Велесовъ впуче.

Комони ржутъ за Сулою; слава въ Киє-
 вѣ; трубы трубятъ въ Новѣградъ; стоятъ
 стязи въ Путивлѣ; Ироръ ждетъ мила бра-

та Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба естѣ Святъславличя! Сѣдлай брата, свои брѣзвыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди. А мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы възлелѣяны, конецъ копия възкрѣмлени; пути имѣ свѣдоми, яругы имѣ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени; сами скачуть акы сѣрыи влѣцы въ полѣ, ищущи себе чти, а князю славы.

Тогда вѣступи Игорь князь въ златѣ стремянѣ, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощѣ стонущи ему грозою птичѣ убуди; свистѣ звѣринѣ въ стази. Дивѣ кличетъ врѣху древа, велитѣ послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ,

и Поморию, и по Сулю, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмотораканьскый бльванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тьльгы полунощы, рци лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои бедеть. Уже бо бѣды его пасеть птицъ; подобію вльци грозу въсрожать по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!... Длѣго ночь мркнетъ; заря свѣтъ запала; мѣгла поля покрыла, щекоть славій успе, говоръ галичъ убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

ПѢСНЬ III.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя

плѣкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и и драгыя оксамиты. Орьтѣмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи Половецкими. Чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружіе — храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полъ Ольгово хороброе гнѣздо... далече залетѣло... *не было изъ* обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сърымъ вѣлкомъ; Кончакъ ему слѣдѣ править къ Дону Великому.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца: а въ нихъ

трепещутъ синіи мълніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!.. Севѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плѣкы Игоревы! земля тутнетъ; рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ; Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Русскыя плѣкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша чрѣлеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони; прыщещи на вои стрѣлами, гремещи о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шело-

момъ посвѣчивая· тамо лежать поганья
 головы Половецкыя; поскепаны саблями
 клеными шеломи Оварьскыя отъ тебе, Ярѣ
 Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе,
 забывъ чти и живота, и града Чрънигова,
 отня злата стола, и своя млыя хоти, кра-
 сныя Глѣбовны свѣчая и обычая?

ПѢСНЬ ІV.

Были вѣщи Трояни; минула лѣта Яро-
 славля; были плѣци Олговы, Ольга Святъ-
 славличя. Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамолу ко-
 ваше, и стрѣлы по земли свѣше. Ступаетъ
 въ златъ стремянъ въ градъ Тьмутороканъ.
 Тоже звонъ слыша давный великій Яро-
 славъ; а сынъ Всеволожь Владимѣръ по вся у-
 тра уши закладше въ Чръниговъ. Бориса же
 Вячеславлича слава на судъ приведе, и на

КАНИНУ ЗЕЛЕНУ ПАПОЛОМУ ПОСТЛА, ЗА ОБИДУ
ОЛГОВУ, ХРАБРА И МЛАДА КНЯЗЯ.

СЪ ТОЯ ЖЕ КАЯЛЫ СВЯТОПЛЪКЪ ПОВЕЗЪ Я
ОТЦА СВОЕГО МЕЖДЮ УГОРЬСКИМИ ИНОХОДЬЦЫ
КО СВЯТЪЙ СОФІИ КЪ КІЕВУ. ТОГДА ПРИ ОЛ-
ЗЪ ГОРИСЛАВЛИЧИ, СВЯШЕТСЯ И РАСТЯШЕТЬ УСО-
БИЦАМИ; ПОГИБАШЕТЬ ЖИЗНЬ ДАЖДЪ-БОЖА ВНУ-
КА, ВЪ КНЯЖИХЪ КРАМОЛАХЪ ВЪЦИ ЧЕЛОВѢ-
КОМЪ СКРАТИШАСЬ. ТОГДА ПО РУСКОЙ ЗЕМЛИ
РѢДКО РАТАЕВЪ КИКАХУТЬ: НЪ ЧАСТО ВРАНИ
ГРАЯХУТЬ, ТРУПА СЕБѢ ДѢЛЯЧЕ; А ГАЛИЦИ
СВОЮ РѢЧЬ ГОВОРЯХУТЬ, ХОТЯТЬ ПОЛЕТѢТИ НА
УДІЕ. ТО БЫЛО ВЪ ТЫ РАТИ, И ВЪ ТЫ ПЛѢ-
КЫ; А СИЦЕ И РАТИ НЕ СЛЫШАНО.

ПѢСНЬ V.

СЪ ЗАРАНІА ДО ВЕЧЕРА, СЪ ВЕЧЕРА ДО СВѢТА,
ЛЕТЯТЪ СТРѢЛЫ КАЛЕННЫЯ, ГРИМЛЮТЪ САБЛИ О

ШЕЛОМЫ, ТРЕЩАТЬ КОПИЯ ХАРАЛУЖНЫЯ, ВЪ ПО-
ЛѢ НЕЗНАЕМЪ СРЕДИ ЗЕМЛИ ПОЛОЛОВЕЦКЫЯ.
ЧРЪНА ЗЕМЛЯ ПОДЪ КОПЫТЫ, КОСТЬМИ БЫЛА
ПОСЪЯНА, А КРОВІЮ ПОЛЪЯНА; ТУГОЮ ВЗЫ-
ДОША ПО РУССКОЙ ЗЕМЛИ. ЧТО МИ ШУМИТЬ,
ЧТО МИ ЗВѢНИТЬ ДАЛЕЧЯ РАНО ПРЕДЪ ЗОРЯМИ?
ИГОРЬ ПЛѢКЫ ЗАВОРОЧАЕТЪ; ЖАЛЬ БО ЕМУ МИЛА
БРАТА ВСЕВОЛОДА. БИШАСЯ ДЕНЬ, БИШАСЯ
ДРУГЫЙ: ТРЕТЬЯГО ДНИ КЪ ПОЛУДНІЮ ПАДО-
ША СТЯЗИ ИГОРЕВЫ. ТУ СЯ БРАТА РАЗЛУЧИСТА
НА БРЕЗѢ БЫСТРОЙ КАЯЛЫ. ТУ КРОВАВАГО ВИНА
НЕДОСТА; ТУ ПИРѢ ДОКОНЧАША ХРАБРІИ РУ-
СИЧІИ: СВАТЫ ПОПОИША, А САМИ ПОЛЕГОША
ЗА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ. НИЧИТЬ ТРАВА ЖАЛО-
ЩАМИ, А ДРЕВО СЪ ТУГОЮ КЪ ЗЕМЛИ ПРЕКЛОНИ-
ЛОСЬ.

ПѢСНЬ VI.

Уже бо, братіе, не веселая година въста-
 ла; уже пустыни силу покрыли. Въста-
 ла обида въ силахъ Дажь-Божа внука.
 Вступила дѣвою на землю Трояню; въспле-
 скала лебедиными крылы на синѣмъ море,
 у Дона плещучи, убуди жирня времена.
 Усобица княземъ на поганья погыбе, ре-
 коста бо братъ брату: се мое, а то мое же;
 и начяша князи про малое се великое
 мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати;
 а поганіи съ всѣхъ странъ приходяху съ
 побѣдами на землю Русскую.

О! далече зайде соколъ, птиць бѣя къ мо-
 рю... А Игоревъ храбраго плѣку не крѣсити!
 За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по
 Русской земли, смагу мычючи въ пламяхъ
 розъ.

Жены Рускія въсплакашась, а ркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смислити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А вѣстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разлися по Русской земли; печаль жирна тече средь земли Русской. А князи сами на себе крамому коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тѣи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бѣше успѣлъ отецъ ихъ Святъславъ грозный великій Кіевскій. Грозою бѣшетъ; притрепеталъ своими сильными плѣкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлѣми и яругы; взмути

рѣки и озера; иссуши потоки и болота;
а поганого Кобяка изъ лукуморѣя отъ же-
лѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ,
яко вихрь выторже: и падесе Кобякъ въ
градъ Кіевъ, въ гриднищъ Святъславли!

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Мо-
рава поють славу Святъславлю, кають кня-
зя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Клялы
рѣкы Половецкія, Русскаго злата насыпаша.

Ту Игорь князь высѣдъ изъ сѣдла зла-
та, а въ сѣдло кощѣево.

ПѢСНЬ VІІ.

Уныша по градомъ забрали, а веселіе пони-
че. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кі-
евѣ на горахъ си ночь съ речера одѣвахъ те-
мя, рече, чръною паполомою, на кровати
тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ тру-

ДОМЪ СМѢЩЕНО; СЫПАХУТЬ МИ ТЫЩИМИ ТУЛЫ
ПОГАННЫХЪ ТЛКОВИНЪ ВЕЛИКЫЙ ЖЕМЧЮГЪ НА
ЛОНО, И НЫГУЮТЬ МЯ; УЖЕ ДЬСКИ БЕЗЪ КНѢ-
СА ВЪ МОЕМЪ ТЕРЕМѢ ЗЛАТОВРЪСѢМЪ. ВСЮ НОЧЬ
СЪ ВЕЧЕРА БОСОВИ ВРАНИ ВЪЗГРАЯХУ, У ПЛѢСНЬ-
СКА НА БОЛОНИ, БЫША ДЕБРЬ КИСАНЮ, И НЕ
СОШЛИ КЪ СИНЕМУ МОРЮ.

И РКОША БОЯРЕ КНЯЗЮ: УЖЕ, КНЯЖЕ, ТУГА
УМЪ ПОЛОНИЛА; СЕ БО ДВА СОКОЛА СЛЕТѢСТА
СЪ ОТНЯ СТОЛА ЗЛАТА, ПОИСКАТИ ГРАДА ТЬМУ-
ТОРОКАНЯ, А ЛЮБО ИСПИТИ ШЕЛОМОМЪ ДОНУ.
УЖЕ СОКОЛАМА КРИЛЬЦА ПРИПѢШАЛИ ПОГА-
НЫХЪ САБЛЯМИ, А САМАЮ ОПУТОША ВЪ ПУТИ-
НЫ ЖЕЛѢЗНЫ. ТЕМНО БО БѢ ВЪ 3 ДЕНЬ: ДВА
СОЛНЦА ПОМѢРКОСТА, ОБА БАГРЯНАЯ СТЬПѢ ПО-
ГАСОСТА, И СЪ НИМЪ МОЛОДАЯ МѢСЯЦА, ОЛЕГЪ
И СВЯТѢСЛАВЪ ТЬМОЮ СЯ ПОВОЛОКОСТА. НА
РѢЦѢ НА КЛАЯЛѢ ТЬМА СВѢТЪ ПОКРЫЛА: ПО

Русской земли прострошася Половци, аки
 пардуже гнѣздо; и въ морѣ погрузиста; и
 великое буйство подаста Ханови. Уже снес-
 ся хула на хвалу; уже тресну нужда на
 волю; уже вѣржеся дивѣ на землю. Се бо
 Готскія красныя дѣвы въспѣша на брези
 синему морю. Звоня Русскимъ златомъ, по-
 ютъ время Бусово, лелѣютъ мечь Шаро-
 каню. А мы уже дружина жадни веселія.

Тогда Великій Святъславъ изрони злато
 слово, слезами смѣщено, и рече: о моя сы-
 новчя, Игорю и Всеволоде! рано еста нача-
 ла Половецкую землю мечи цвѣлити, а се-
 бѣ славы искати. Нѣ нечестно ододѣсте:
 нечестно бо кровь поганую продіясте! Ваю
 храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ ско-
 вана, а въ буюсти закалена. Се ли створи-
 сте моей сребренѣй сѣдинѣ! А уже не ви-

жду власти сильнаго и богатаго. И много
 вои брата моего Ярослава, съ Черниговьски-
 ми Былями, съ Могуты, и съ Татраны, и
 съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы,
 и съ Ольберы. Ти бо безъ щитовъ, съ за-
 сапожники, кликомъ плъкы побъждаютъ.
 Звонячи въ прадъднюю славу, нъ рекосте:
мужайтеся сами! преднюю славу сами по-
 хитимъ, а заднюю ся сами подълимъ! А
 чи диво ся братіе, стару помолодити? Ко-
 ли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко
 птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего
 въ обиду.

П Ѣ С Н Ъ VІІІ.

Нъ се зло! Княже ти не посobie; на ни-
 че ся години обратиша.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Поло-

вѣцкыми, а Володимиръ подѣ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову.

Великій княже Всеволоде! не мыслю ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатъ, а кощѣй по резанъ. Ты бо можеши по суху живыми шереширѣ стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злаченными шеломы по крови плаваща? Не ваю ли храбрая дружина рыкають, акы турѣ, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемъ? Вступита, Господина, въ злата стремянѣ за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святъ-славлича.

Галичкы Осмомысле Ярославѣ! высоко
сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ;
подперъ горы Угорскыи своими желѣзны-
ми плѣки, заступивъ Королеви путь, за-
творивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ
облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя
по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата;
стрѣляеши съ отня злата стола Салтани
за землями. Стрѣлай, Господине, Кончака,
поганаго кощѣя за землю Русскую, за ра-
ны Игоревы буюго Святѣславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая
мысль носитъ вашъ умъ на дѣло. Высоко
плаваеши на дѣло въ буюести, яко сокомъ на
вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ
одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи напор-
зи подъ шеломи Латинскими. Тѣми тресну
земля, и многи страны Ханова. Литва,

Ятвязи, Деремела, и Половци сулицы своя
повръгоша, а главы своя поклониша подъ
тыи мечи харалужныйи.

Нъ уже княже Игорю, утрпъ солнцю
свѣтъ, а древо не бологомъ листвѣ срони:
по Рси и по Сули гради подълиша; а И-
горева храбраго полку не крѣсити. Донъ ти,
княже, кличетъ, и зоветъ князи на побѣ-
ду. Ольговичи храбрыи князи dospѣли на
брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мсти-
славичи, нехуда гнѣзда шестокрылци! не
побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте.
Кое ваши златыи шеломи и сулицы Ляц-
кии и щиты! Загородите полю ворота сво-
ими острыми стрѣлами за землю Русскую,
за раны Игоревы, буюго Святъславлича!

ПѢСНЬ IX.

Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подь кликомъ поганыхъ

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломи Литовскія; притрепа славу дѣду своему Все-славу, а самъ подь чрълеными щиты на кровавъ травъ притрепанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птицъ крилы приудъ, а звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожере-ліе. Унылы голоси, пониже веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе, и вси внуце Всеслави! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вержени! уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начясте наводить поганья на землю Русскую, на жизнь Всесавлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни вѣрже Все-славъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тѣмъ клюками подпрѣся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мѣглѣ, утрѣ же воззни стрікусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи вѣлкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами, мо-

ЛОТЯТЬ ЧѢПИ ХРАЛУЖНЫМИ, НА ТОЦѢ ЖИВОТѢ
КЛАДУТЬ, ВЪЮТЪ ДУШУ ОТЪ ТѢЛА. НЕМИЗѢ
КРОВАВИ БРЕЗѢ НЕ БОЛОГОМЪ БЯХУТЪ ПОСѢЯНИ,
ПОСѢЯНИ КОСТЬМИ РУССКИХЪ СЫНОВѢ.

ВСЕСЛАВЪ КНЯЗѢ ЛЮДЕМЪ СУДЯШЕ, КНЯ-
ЗЕМЪ ГРАДЫ РЯДЯШЕ, А САМЪ ВЪ НОЧЬ ВЛѢКОМЪ
РЫСКАШЕ, ИЗЪ КЫЕВА ДОРЫСКАШЕ ДО КУРѢ
ТМУТОРОКАНЯ; ВЕЛИКОМУ ХРѢСОВИ ВЛѢКОМЪ
ПУТЬ ПРЕРЫСКАШЕ. ТОМУ ВЪ ПОЛОТСКѢ ПО-
ЗВОНИЩА ЗАУТРЕНЮЮ РАНО У СВЯТЫЯ СОФЕИ
ВЪ КОЛОКОЛЫ: А ОНЪ ВЪ КЫЕВѢ ЗВОНЪ СЛЫ-
ША. АЩЕ И ВѢЩА ДУША ВЪ ДРУЗѢ ТѢЛА, НѢ
ЧАСТО ВѢДЫ СТРАДАШЕ.

ТОМУ ВѢЩЕЙ БОЯНЪ И ПРѢВОЕ ПРИПѢВКУ
СМЫСЛЕННЫЙ РЕЧЕ: НИ ХЫТРУ, НИ ГОРАЗДУ,
НИ ПТИЦЮ ГОРАЗДУ, СУДА БОЖІА НЕ МИНУТИ.

О! СТОНАТИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ, ПОМЯНУВШЕ ПРѢ-
ВУЮ ГОДИНУ, И ПРѢВЫХЪ КНЯЗЕЙ. ТОГО СТА-

РАГО ВЛАДИМИРА НЕ ЛЬЗѢ БѢ ПРИГВОЗДИТИ КЪ
ГОРАМЪ КІЕВСКИМЪ: СЕГО БО НЫНѢ СТАША
СТЯЗИ РЮРИКОВЫ, А ДРУЗИИ ДАВИДОВЫ; НѢ
РОЗИ НОСЯ ИМЪ ХОБОТЫ ПАШУТЪ; КОПІА ПО-
ЮТЪ НА ДУНАИ.

ПѢСНЬ Х.

ЯРОСЛАВНЫНЪ ГЛАСЪ СЛЫШИТЬ: ЗЕГЗИЦЕЮ
НЕЗНАЕМЪ, РАНО КЫЧЕТЪ: ПОЛЕЧЮ, РЕЧЕ, ЗЕГ-
ЗИЦЕЮ ПО ДУНАЕВИ; ОМОЧЮ БЕБРЯНЪ РУКАВЪ
ВЪ КАЯЛЪ РѢЦЪ, УТРУ КНЯЗЮ КРОВАВЫЯ ЕГО
РАНЫ НА ЖЕСТОЦѢМЪ ЕГО ТѢЛѢ.

ЯРОСЛАВНА РАНО ПЛАЧЕТЪ ВЪ ПУТИВЛѢ НА
ЗАБРАЛѢ, А РКУЧИ: О ВѢТРѢ! ВѢТРИЛО! ЧЕМУ,
ГОСПОДИНЕ, НАСИЛЬНО ВѢЕШИ? ЧЕМУ МЫЧЕШИ
ХАНОВЬСКЫЯ СТѢЛЫ НА СВОЕЮ НЕ ТРУДНОЮ
КРИЛЦЮ НА МОЕЯ ЛАДЫ ВОИ? МАЛО ЛИ ТИ БЯ-
ШЕТЪ ГОРѢ ПОДЪ ОБЛАКИ ВѢЯТИ, ЛЕЛѢЮЧИ КО-

РАБЛИ НА СИНѢ МОРѢ? ЧЕМУ, ГОСПОДИНЕ, МОЕ
ВЕСЕЛІЕ ПО КОВЫЛІЮ РАЗВѢЯ?

ЯРОСЛАВНА РАНО ПЛАЧЕТЬ ПУТИВЛЮ ГОРОДУ
НА ЗАБОРОЛѢ, А РКУЧИ: О ДНѢПРЕ СЛОВУТИЦЮ!
ТЫ ПРОБИЛЪ ЕСИ КАМЕННЫЯ ГОРЫ СКВОЗѢ ЗЕ-
МЛЮ ПОЛОВЕЦКУЮ; ТЫ ЛЕЛѢЯЛЪ ЕСИ НА СЕБѢ
СВЯТОСЛАВЛИ НОСАДЫ ДО ПЛѢКУ КОБЯКОВА:
ВЪЗЛЕЛѢЙ, ГОСПОДИНЕ, МОЮ ЛАДУ КЪ МНѢ, А-
ВЫХЪ НЕСЛАЛА КЪ НЕМУ СЛЕЗѢ НА МОРЕ РАНО.

ЯРОСЛАВНА РАНО ПЛАЧЕТЬ ВѢ ПУТИВЛѢ НА
ЗАБРАЛѢ, А РКУЧИ: СВѢТЛОЕ И ТРЕСВѢТЛОЕ
СЛѢНЦЕ! ВСѢМЪ ТЕПЛО И КРАСНО ЕСИ: ЧЕМУ,
ГОСПОДИНЕ, ПРОСТРЕ ГОРЯЧЮЮ СВОЮ ЛУЧЮ НА
ЛАДѢ ВОИ? ВѢ ПОЛѢ БЕЗВОДНѢ ЖАЖДЕЮ ИМѢ
ЛУЧИ СЪПРЯЖЕ, ТУГОЮ ИМѢ ТУЛИ ЗАТЧЕ.

ПѢСНЬ XI.

ПРЫСНУ МОРЕ ПОЛУНОЩИ; ИДУТЪ СМОРЦИ

мѣглами; Игореву князю Богъ путь кажетъ
изъ земли Половецкой на землю Русскую,
къ отню злату столу. Погасоша вечеру за-
ри. Игорь спить, Игорь бдитъ, Игорь мы-
слию поля мѣрять отъ великаго Дону до
малаго Донца. Комонь въ полуночи. Ов-
луръ свисну за рѣкою, велитъ князю раз-
умѣти. Князю Игорю не быть.

Кликну, стукну земля; въшумѣ трава.
Вежи ся Половецкѣи подвизашася; а Игорь
князь поскочи горюстаемъ къ тростю, и
бѣлымъ гоголемъ на воду; въврѣжеся на
брѣзъ комонь, и скочи съ него босымъ
влѣкомъ, и потече къ лугу Донца, и поле-
тъ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и
лебеди, завтраку, и обѣду и ужинъ. Коли
Игорь соколомъ полетѣтъ, тогда Овлуръ влѣкомъ

ПОТЕЧЕ, ТРУСЯ СОБОЮ СТУДЕНУЮ РОСУ; ПРЕТРЬ-
ГОСТА БО СВОЯ БРЪЗАЯ КОМОНЯ.

ДОНЕЦЪ РЕЧЕ: КНЯЖЕ ИГОРЮ! НЕ МАЛО ТИ
ВЕЛИЧІЯ, А КОНЧАКУ НЕЛЮБІЯ, А РУССКОЙ ЗЕМ-
ЛИ ВЕСЕЛІА.

ИГОРЬ РЕЧЕ: О ДОНЧЕ! НЕ МАЛО ТИ ВЕЛИ-
ЧІЯ, ЛЕЛѢВШУ ИНЯЗЯ НА ВЛѢНАХЪ, СЛАВШУ
ЕМУ ЗЕЛЕНУ ТРАВУ НА СВОИХЪ СРЕБРЕННЫХЪ
БРЕЗѢХЪ, ОДѢВАВШУ ЕГО ТЕПЛЫМИ МЪГЛАМИ
ПОДЪ СѢНІЮ ЗЕЛЕНУ ДРЕВУ; СТРЕЖАШЕ Е ГОГО-
ЛЕМЪ НА ВОДѢ, ЧАЙЦАМИ НА СТРУЯХЪ, ЧРЪНЯДЬ-
МИ НА ВѢТРѢХЪ.

НЕ ТАКО ЛИ, РЕЧЕ, РѢКА СТУГНА ХУДУ СТРУЮ
ИМѢЯ, ПОЖРѢШИ ЧУЖИ РУЧЬИ, И СТРУГЫ РО-
СТРЕ НА КУСТУ?

УНОШУ КНЯЗЮ РОСТИСЛАВУ ЗАТВОРИ ДНѢПРЪ
ТЕМНѢ БЕРЕЗѢ.

ПЛАЧЕТСЯ МАТИ РОСТИСЛАВА ПО УНОШИ

князи Ростиславъ. Уныша цвѣты жалобою,
и древо стугою къ земли преклонило, а жне
сорокы втроскоташа.

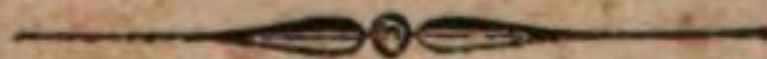
На слѣду Игоговъ ѣздитъ Гзакъ съ Кон-
чакомъ. Тогда врани не граахуть, галици
помлъкоша, сорокы не троскоташа, по ло-
зию ползоша только, дятлове тектомъ путь
къ рѣцѣ кажутъ, соловьи веселыми пѣсньми
свѣтъ повѣдаютъ. Млъвить Гзакъ Конча-
кови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соко-
лича рострѣляевъ своими злаченными стрѣ-
лами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ
къ гнѣзду летитъ, а въ соколца опутаевъ
красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кон-
чакови: аще его опутаевъ красною дѣви-
цею, ни нама будетъ сокольца, ни нама
красны дѣвице, то почнутъ наю птици би-
ти въ полѣ Половецкомъ.

ПѢСНЬ XII.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣсн-
творца стараго времени Ярославля Ольгова
Коганя: хотя тяжело ти головѣ, кромѣ пле-
чю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Русской
земли безъ Игоря.

Солнце свѣтитсѣ на небесѣ. Игорь князь
въ Русской земли. Дѣвици поють на Ду-
наи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Бого-
родици Пирогощей. Страны ради, гради ве-
сели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а по-
томъ молодымъ пѣти.

Слава Игорю Святъславличю, буй Туру
Всеволоду, Владимиру Игоревичу. Здравьи
князи и дружина, побарая за Христьяны на
поганья плѣки. Княземъ слава, а дружи-
нѣ аминь!

СРАВНЕНІЯ
РУССКИХЪ БЫЛИНЪ.

БЫЛИНЫ.

1. ЧЕРВОНО — РУССКІЯ.

НЕЧАЙ.

Въ чистымъ полѣ, при тихимъ Дунаю,
Крикнувъ Козакъ на Нечая: «втекаймо Не-
чаю!»

«Якъ я маю Козакъ Нечай съ водси утекати
Славу свою Козацькую марне потерять.....»

«А я тебе, мой Нечаю, не убезпечаю,
Держи собѣ коничепька для своего звычаю;
А я тебе, мой Нечаю, не убезпечаю,
Держи собѣ шабелочку та подъ опончею:
Коли тебе Ляхи будутъ, Нечаю, рубати,

Щобъ бысь ся мавъ, мой Нечаю, чемъ обо
роняти. »

Ой алежво Козакъ Нечай на тоє не дбає,
Тай съ кумою и съ любою медъ, вино кру-
жає:

Бо поставивъ Козакъ Нечай три сторожи
въ мѣстѣ,

А самъ пошовъ до кумоньки щуки риби ѣсти.
Поглянеся въ кватироньку ровно Ляховъ въ
мѣстѣ.

Ой съпогляне Козакъ Нечай за тихои воды,
Иде Ляховъ сорокъ тысячъ хорошой броды:
« А я Козакъ молоденькій Ляховъ не боюся,
Маюжъ-бо я козаченьковъ, да оборонюся! »

Ой якъ крикне Козакъ Нечай на хлопця
малого:

Кульбачъ хлопче, кульбачъ малый, коня
вороного,

Ой оберне Нечай коня на правую руку,
 Не выскочивъ Нечаяевъ конь изъ Ляцького
 трупя;

Ударивъ ся Козакъ Нечай по полахъ ру-
 ками,

Куда гляне, туда гляне, туда кровь рѣками;

Ударився Козакъ Нечай по полахъ рукою:

Ой прійдется розлучити съ дѣтьми и же-
 ною....

Ой поткнувсь Нечаяевъ конь на малу ти-
 чину;

Пойнявъ его Панъ Потоцькій съ коня за-
 чуприну.

Ой чи той-то хмель, що по деревѣ вьється,

Ой чи той-то Козакъ Нечай, що съ Ляха-
 ми бьется?

Ой той-то самый хмель, що по деревѣ
 вьется,

Ой той-то самъ Козакъ Нечай, що съ Ля-
хами бьется.....

А де-жъ твои, Нечаенку, скарбовыйи кони?
«Ой въ мѣстечку Берестечку стоять на вы-
гонѣ.

А де-жъ твои, Нечаенку, скарбовыйи возы?
«Ой въ мѣстечку Берестечку стоять на за-
лозѣ»;

А де-жъ твои, Нечаенку, двѣтопъки тай
жена?

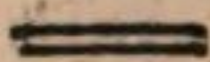
Въ самимъ мѣстѣ Берестечкѣ сидятъ собѣ
дома.

Да который козаченько буде зъ васъ у мѣ-
стѣ,

Поклониться моей женѣ, несчастном невѣ-
стѣ,

За часъ, за годину, за малу хвилиньку,
Качается Нечаева голова по рынку;

Ой не дбали вражи Ляхи на козацьку роду
Рвали тѣло по кавалку, пускали на воду.

РОМАНЪ.

На зеленымъ цариночку
Пили Турки горѣлочку,
Пили, пили, подпивали,
А Романа подмавляли:
«Ой Романе, Романочку!
Продай сестру Оленочьку;
За коники вороныи,
И за сѣдла серебряныи,
За уздѣла шовковыи,
И за станли золотыи,
За талеры несмѣренны».

Прійшовъ Романъ до домочку,
Склонивъ на столъ головочку,
Дай гадае си думочку,
Чи продати Оленочку.....

«Ой Олено, сестро моя!

Помой дворы мостовый,
Застель столы кедровый,
Помой миски серебряны,
И ложочки золотыи».

Вышла она на поддворье
И дивиться въ чисте поле:

«Ой Романе, Романочку!

Що то въ полъ за дымове,
Чи то ворлы крыльями ся бьять,
Чи овчари зъ турмы гонять?.....»

«Ой Олено, сестро моя!

Ни то ворлы крыльями ся бьять,
Ни овчари зъ турмы гонять:

Лешъ то Турки и Татары,

А вси твои суть бояры.»

До свѣтлицъ хутко внала:

Мечъ вхопила шую сѣтяла.....

«Ой Олено, сестро моя!

На що ты ся уродила,

На що собѣ шую сѣтяла?»

«Лучше тутка погивати,

Нежъ съ Татармы пробувати!»

КОЗУБАЙ.

Выбѣрався Козубай на войну съ Ляхами,

Взявъ съ собою самопаль и лукъ со стрѣ-
лами,

Взявъ съ собою воронаго коня своего вой-
сковаго,

Шаблю и съ похвою, фляшку съ горѣвкою.

Ажъ прѣхавъ подъ Бѣлую-церковъ на са-
мую стражу,

Горѣвки имъ не стало, кепско, сердце ус-
тало,

Думаютъ съ собою, якъ пойдутъ до бою.

Прійшовъ къ нему Федько и Иванъ стрѣ-
чный,

Напився горѣвки Козубай безпечный:

«Стойте, братія молоды, не бойтеся стра-
ховъ,

Я самъ влѣзу на вербу, на проклятыхъ Ля-
ховъ.

На вербѣ ушिकую и самопалъ выриштую,

Будемъ Ляховъ брати, за руки вязати.»

ПРІЙШОВЪ КЪ НЕМУ ФЕДЬКО ЦЮРА , ДАЙ ГО
БЪЕ.

А вЖЕЖЪ МОЙ КОЗУБАЙ НЕ ЖЪЕ;
ЗАПЛАКАВШИ ФЕДЬКО СОБЪ:
« СВИНИ БУЛО ПАСТИ ТОБЪ
А НЕ ВОЕВАТИ,
ЖАЛЮ ДОДАВАТИ. »

ДОРОШЪ.

ОЙ ПО-ПОДЪ ГАЕМЪ ЗЕЛЕНЕНЬКИМЪ,
ХОДИТЬ ДОРОШЪ МОЛОДЕНЬКІЙ,
ТАЙ НА НОЖКУ НАЛЕГАЕ,
ТОПОРЦЕМЪ СЯ ПОДПИРАЕ,
ТАЙ НА ХЛОПЦИ ВЪ ПОКЛЫКАЕ:
« ОЙ ВЫ ХЛОПЦИ, ВЫ МОЛОДЦИ!

Повѣдемо вси вразъ въ гости ,
Уставайте вси раненько ,
Уберайтесь борзенько:
У постылы скоряньи,
И волоки шовковыи;
Бо повѣдемо на вечерки
До Стефановой женки.»

« Ой Дорошу, ты пане нашъ,
Тамъ пригода буде на насъ.»

« Но, на мене уважайте

По двѣ кули набивуйте.....

Станьте хлопци подъ ворота;

А я поду подъ воконце,

Чи спишь мое любе сердце :

Чи спишь, сердце, та чи чуешь,

« Чи Дороша заночуетъ?.....

Ой чи сама ты ночуешь?»

« Ой я не спю, та все чую,

РАЗБОЙНИКА НЕ СЪНОЧУЮ,
 Ой я не спю, но все чую, —
 Бо вечереньку готую;
 Лешъ нема Стефана въ дома.
 Ще вечера не готова, —
 Буде она дуже пыльна,
 И всимъ людямъ буде дивна..... »
 « Чи ся кажешъ добувати
 Чи будешъ сама отвыряти? »
 « Не кажуся дубовати,
 И не поду отвыряти..... »
 « Пусти, суко, вразъ до хаты,
 Щобъ двери не вываляти! »
 « Въ мене двери тисовыи
 Въ мене замки сталевыи..... »
 « Не помогутъ замки твои,
 Якъ подложу плечи свои. »
 Взявся Дорошу добувати,

Взяли замки вотлетати;
 Скоро Дорошъ двери вхиливъ,
 Заразъ Стефанъ въ сердце стрѣливъ....
 Йще вставъ Дорошъ, выйшовъ изъ
 хаты:

«Треба хлопци утекати,
 Приблизиться ближе къ менъ,
 Ой якъ-же тяженько менъ,
 Возьмить менъ на топоры,
 Занесить мя въ сини горы,
 Въ сини горы занесить мя,
 Най ся Ляхи не събѣдкують,
 Мое тѣло не чвертують.
 «Ой Дорошу, ты пане нашъ,
 Велика пригода на насъ;
 Де-жъ мы будемъ зимовати
 Тото лѣто лѣтовати?
 Пошли бы мы въ Угорщину,

Въ далекую Украину,
 Но и тамо мы зле съробили,
 И тамъ мы си прешка дили:
 Бо хотѣли Царя вбити,
 А Царицею съ бою взяти..... »

« Ой будемо зимовати,
 То то лѣто лѣтовати,
 Въ Станиславѣ на рыночку,
 Въ Кайданочкахъ въ зелѣзочку. »
 Впали Ляхи ихъ забрали,
 Руки назадъ повязали,
 Руки назадъ повязали,
 До коней поприпынали.
 Ой Дорошу, пане нашъ,
 Велика пригода на насъ,
 Де-жъ мы будемъ зимовати.
 Тото лѣто лѣтовати? »
 « Ой въ Станиславѣ на рыночку ;

Въ тяжкихъ дыбахъ, въ зельзочку,
Тамъ будете ночевати,
Тамъ будете дни дневати,
Тамъ будете ночевати, —
Будутъ птицы тѣло рвати.»

II. МАЛО—РУССКІЯ.**КАЛНАШЪ.**

« СЛАВНЫЙ СВѢТЪ, НАША МАТУШКА :

НА ЩО НАПУСТЪ НАПУСТИЛА,
НА ЩО НАШЕ ВОЙСКО,

СЛАВНЕ ЗАПОРОЖЬСЬКЕ,
ТЫ ТАКЪ РАЗОРИЛА ?....

« НЕ ХОТѢЛА Я-ЖЪ, СЛАВНЫ ЗАПОРОЖЬЦИ,
АТЬ ТАКЪ РАЗОРИТИ,

А ПОСЛАЛА МОСКАЛИКОВЪ,
ЩОБЪ ВАСЪ ПРИПИНАТИ. »

« ВЕЛИКЪ СВѢТЪ, НАША МАТУШКА,
ПОЙДЕМЪ ХАНУ СЛУЖИТИ :

А НЕЖЪ МЫ МАЕМЪ КНЯЗЬЯМЪ, ГЕНЕРАЛАМЪ
ВАШИМЪ ГРУБЫ ТОПИТИ. »

Священнику отцу Владимиру,

Служити не дали.

То не вербы луговьи зашумѣли . . .

Якъ безбожны ушкалы налетѣли,

Хведора Безродного, Отомана Куреннаго ,

Постреляли, порубали — только чурь не
поймали.

То малый чуря до казака прибуває,

Раны ему глыбокіи промывае. То козакъ

ему промовляє:

« Чуро, мой чуро ! Вѣрный слуго !

Пойди ты степомъ по-надъ Днѣпромъ.

Послухай ты, чуро: чи то гусы кричать,
чи лебеди ячать,

Чи ушкалы гудуть, чи може козаки Днѣ-
промъ идуть ?

Коли гусы кричать, аво лебеди ячать —
то сженняи;

Похилилися всѣ до купочки,

Калиновы вѣти:

Заплакали славны Запорожцы,

Якъ по матери дѣти.

Собиралися ты двѣ дивизіи,

У Сѣчѣ у Новый Базаръ,

Ходить нашъ Калнашъ Кошевый

И головочьку сѣвязавъ.

И ударили та на столиці

Изъ новой ручниці.»

«Вы кидайте, славны Запорожцы,

Пистолеты и ручниці.»

Ой ударили изъ столиці,

Изъ новой пушки:

«Утекайте, славны Запорожцы,

Не то коньми и пѣшки!

Ой кругомъ церкви Сѣчевой,)

Караулы стали:

Похилилися всѣ до купочки,
 Калиновы вѣти:
 Заплакали славны Запорожъци,
 Якъ по матери дѣти.
 Собиралися ты двѣ дивизіи,
 У Свѣчъ у Новый Базаръ,
 Ходить нашъ Калнашъ Кошевый
 И головочьку сѣвязавъ.
 И ударили та на столиці
 Изъ нової ручниці.
 «Вы кидайте, славны Запорожъци,
 Пистолеты и ручниці.»
 Ой ударили изъ столиці,
 Изъ нової пушки:
 «Утекайте, славны Запорожъци,
 Не то коньми и пѣшки!
 Ой кругомъ церкви Свѣчевої,
 Караулы стали:

Священнику отцу Владимиру

Служите не дали.

Тече рѣчка невеличка ,

Подмиває кручи:

Заплакали славны Запорожци,

Отъ свѣчи идучи.

Летѣла бомба отъ Чорного моря,

Да середь Свѣчи впала:

Хочь пропали Запорожьци,

Да не пропала ихъ слава!»

О ФЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

По-надъ сагою Днѣпровою

Молодой козакъ обѣдъ обѣдає; не думає,

не гадає,

Що на его молодого, ще й на чурѣ мало-

го бѣда настає.

То не вербы луговья зашумѣли. . . .
 Якъ безбожны ушкалы налетѣли,
 Хвѣдора Безродного, Отамана Куренного,
 Постреляли, порубали — только чуры не
 поймали.

То малый чура до козака прибубае
 Раны ему глыбокіи промывае. То козакъ
 ему промовляє:

«Чуро мой, чуро! Вѣрный слуго!

Пойди ты степомъ по-надъ Днѣпромъ.

Послухай ты, чуро: чи то гусы кричатъ,
 чи лебеди ячатъ,

Чи ушкалы гудуть, чи може козаки Днѣ-
 промъ идуть?

Коли гусы кричатъ, або лебеди ячатъ — то
 сжени;

Коли ушкалы гудуть — мене схорони;

Коли-жъ козаки идуть — то объяви,

НЕХАЙ ВОНЫ ЧОВНЫ ДО БЕРЕГА ПРИВЕРТАЮТЬ,
МЕНЕ ХВЕДОРА БЕЗРОДНОГО НАВЪЩАЮТЬ.» —

ТО ЧУРА МАЛЫЙ ПО БЕРЕГУ ПРОБЪГАВЪ,
КОЗАКОВЪ ЗАБАЧАВЪ, ШАПКОЮ МАХАВЪ, СЛО-
ВАМИ ПРОМОВЛЯВЪ:

— ПАНОВЕ МОЛОДЦИ! ДОБРЕ ВЫ ДБАЙТЕ,
ЧОВНЫ ПРИВЕРТАЙТЕ, ДО ОТОМАНА КУРЕННО-
ГО ПОСПЪШАЙТЕ!

ТО КОЗАКИ ТЕЕ ЗАЧУВАЛИ,
ДО БЕРЕГА ПРИВЕРТАЛИ, ОТАМАНА НАВЪЩАЛИ.
ТОГДИ КОЗАКЪ ЧУРУ ВЫХВАЛЯЕ, СЛОВАМИ ПРО-
МОВЛЯЕ:

«ЧУРО МОЙ, ЧУРО! ВЪРНЫЙ СЛУГО!
КОЛИ ТЫ БУДЕШЬ ВЪРНО ПРОБУВАТИ,
БУДУТЬ ТЕБЕ КОЗАКИ ПОВАЖАТИ!»

ТО ТЕЕ ПРОМОВЛЯВЪ, ОПРОЩЕНЬЕ ЗО ВСЪМИ
БРАВЪ,
МИЛОСЕРДОМУ БОГУ ДУШУ ОДАВЪ. —

Тогда козаки шаблями суходолъ копали,
 Шапками, приполами персть виймали,
 Хведора Безродного ховали,
 Въ семип'ядни пищали гремали,
 У суремки жалобно вихваляли :
 То ще добре козацька голова знала;
 Що безъ войська козацького не вмирала!

НАЛИВАЙКО.

Ой у нашої у славной Украйні
 Бували коли-сь грестрашныи злыгодни, без-
 дольны години;
 Бували й моры й войскови чвары;
 Нихто Вкраинцевъ не рятовавъ;
 Нихто за ихъ Богови молитвъ не посы-
 лавъ;

Тільки Святий Богъ нашихъ не забувавъ,
 На велики зусилля, на водповѣдья дер-
 жавъ.

Тільки Богъ Святий знавъ, що вонъ ду-
 мавъ, гадавъ, замышлявъ,
 Якъ незгодишы на Украинську землю по-
 сылавъ.

Отъ-же й пройшли, изойшли злыи не-
 згодины:

Немає нікого, що-бъ насъ подолѣли!
 Тільки Богъ Святий знавъ
 Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ...
 Не день и не два Ляхи Украйну плин-
 дровали,

Ни на часиночку одпочинѣя не мали;
 Коней на-взаходахъ день и ночь держали,
 До Гетьмана Наливайка дорогу вертали.

А ГЕТЬМАНЪ ХОРОБРЫЙ НАЛИВАЙКО — ЩО НЕ
ВОНЪ ДУМАЕ, ГАДАЕ?

ЩО ВОНЪ ЗА ДОЛЮ ТОВАРИШОВЪ СВОИХЪ ЗА-
МЫШЛЯЕ?

ТОЛЬКИ БОГЪ СВЯТЫЙ ЗНАЕ, ЩО ЕМУ НА ПО-
МОЧЬ ПОМОГАЕ! . . .

ИЗЪ-ЗА ГОРЫ ХМАРА ВЫСТУПАЕ — ВЫСТУПАЕ
ВЫХОЖАЕ,

ДО ЧИГРИНА ГРОМОМЪ ВИГРЕМЛЯЕ,
НА УКРАИНСЬКУ ЗЕМЛЮ БЛИСКАВКОЮ БЛИСКАЕ.

ТО ПОЛЯКИ ЧЕРЕЗЪ ТРИ РЪКИ ТРИ ПЕРЕХОДЫ
МАЛИ,

ДА И БИЛЯ ТРЕТЕГО ПЕРЕХОДУ СТАНОМЪ СТАЛИ;

ПУСТИЛИ КОНЕЙ НА ПОПАСАНЬЕ,

САМИ СОВЪ ДАЛИ НА ТРИ ГОДИНЫ ОДПОЧИ-
ВАНЬЕ. —

А ЩО ГЕТЬМАНЪ НАЛИВАЙКО ДУМАЕ, ГАДАЕ?

ЩО ВОНЪ НА НЕЗГОДУ ЛЯХОВЪ ЗАМЫШЛЯЕ?

Мосты мостили, гребли гатили, колья за-
бивали,

Горзину да дряницю клали,
Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;
А, перейшовши, огороды да шанцы ро-
били,

У-вѣ окрѣпѣ гарматы становили,
А по-передъ гарматами три хресты вколо-
тили.

А що первый хрестъ, то Сомино висить—
Сомино висить, барзо голосить;

А що другій хрестъ, Богунъ висить —
Богунъ висить, шаблюкою лопотить;

А що третій хрестъ, то порожній стоитъ,
Усѣхъ иншихъ козаковъ до себе поджи-
дае, —

Козаковъ поджидае, козаковъ оглядае:

Хто первый подойдет, того гармата убье;

Хто други добѣжить, того самопаль цапне;
 Хто третій подлетить, той хреститься буде, —
 Хреститься буде, и молиться стане;
 Що хрестъ зъ осоки — то его над-
 бане!...

А козаки глядѣли, у вочи вбачали,
 Про-межъ себе бурковали, раховали,
 Три корогвы на забаченье Ляхамъ стано-
 вили,
 На корогвахъ Уговоръ рядну писали:
 Вѣрному православному Христіянству ми-
 ромъ миръ;
 А Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ.
 Въ кого хрестъ — на того и Хрестъ! » —
 Отъ-се-жъ и поѣшли наши на чотыри
 поля
 Що на чотыри поля, а на пятее на По-
 долъе;

Ляховъ на всѣ стороны, по всѣмъ хрестамъ
колотили;

Ляхи опрощенья просили, да не допро-
сились:

Не таковськи козаки, що-бъ опрощенье
дали,

Не таковськи и Ляхи, що-бъ напастъ за-
були!

Буде и нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про-межъ святыхъ чувала;
Що вона кувала, тому и бути-стати, —
Якъ стануть бѣсы правыхъ й неправыхъ
еднати,

Души забирати, у пекло до-купы складати;
Водъ того и сего, одъ иного чого Боже
намъ поможе.

Про те вонъ и знае, що вонъ думае, гадае,

Що Паблови Наливайкови да на помочь
 ПОМОГАЕ.

НЕ НАМЪ ПРО ТЕЕ, ЗА ТЕЕ РАХОВАТИ:
 НАШЕ ДѢЛО БОГОВИ МОЛИТЬСЯ,
 СПАСИТЕЛЮ ХРЕСТИТЬСЯ!

III. БОГЕМСКІЯ.

ЯРОСЛАВЪ.

ВОЗВѢЩАЮ ВАМЪ ПОВѢСТЬ ВЕЛЕСЛАВНУ
 О ВЕЛИКИХЪ СРАЖЕНІЯХЪ, ЛЮТЫХЪ БИТВАХЪ,
 ВНИМАЙТЕ И ВЕСЬ ВАШЪ УМЪ СБЕРИТЕ,
 ВНИМАЙТЕ И ДА УДИВИТСЯ СЛУХЪ ВАШЪ.

ВЪ ЦАРСТВѢ, ГДѢ ОЛЬМУЦЬ ВЛАДЫЧЕСТВУЕТЪ,
 ЕСТЬ ТАМО ГОРА НЕ ВЫСОКАЯ,
 НЕ ВЫСОКАЯ, *гостиная* ЕЙ ИМЯ,
 МАТИ БОЖІЯ ТАМЪ ЧУДЕСА ТВОРИТЬ.

Долго области наши были въ миру,
 Долго обиліе между людьми цвѣло.
 Но отъ востока въ земляхъ буря возстала,
 Возстала за дщерь Татарскаго Хана,
 Кою Христіянскіе люди, прельстясь каме-
 ніями,

Перлами и златомъ, убили.
 Прекрасная, какъ луна, Кублаевна,
 Услышала, что есть области на западъ,
 Въ сихъ же областяхъ людей много жи-
 веть,

Отправилась познать нравы чужіе.
 Снарядилися тутъ десять юношей
 И двѣ дѣвицы сопровождать ее,
 Запаслися, чѣмъ было надобно,
 Возсѣли всѣ на рѣзвыхъ коней,
 И поѣхали куда солнце катится.
 Какъ заря по утру сіяетъ,

Когда надъ мрачными лѣсами взойдетъ,
 Тако тщерь Хана Кублая
 Розовою и стройною красою сіяла;
 Облеченная вся въ златую одежду,
 Шею и грудь имѣя обнаженную,
 Увѣнчана была каменіемъ и перлами.
 Дивилися Нѣмцы красотъ такой,
 Завидовали богатству ея великому,
 Стерегли ее на пути,
 Напали на нее между деревьями,
 Убили и побрали имущество.
 Когда услышалъ Кублай, Ханъ Татарской,
 Что сталося со дщерію его драгою,
 Собралъ воинство со всего царства обшир-
 наго,
 Пошелъ съ войскомъ куда солнце катится.
 Услышали Короли западные,

Что Ханъ идетъ на многолюдныя ихъ об-
ласти,

Соединилися другъ съ другомъ,
Собрали превеликое войско,
И выступили въ поле противъ него;
На ровнинѣ пространной расположились,
Расположились и Хана тутъ ожидали.

Кулбай велѣлъ всѣмъ своимъ чародѣямъ,
Гадателямъ, звѣздохетамъ, кудесникамъ,
Чтобъ возвѣстили угадывая,
Какой конецъ будетъ имѣть бой предпри-
емлемый.

Собралися немедленно чародѣи,
Гадатели, звѣздохеты, кудесники,
На двѣ страны кругомъ разступились,
На землю тростъ черную положили,
И на двѣ половины ее разщепили;
Первой половиноѣ Кублай имя дали.

Второй половинѣ Королей имя дали,
Ветхими словесы надъ симъ воспѣли.
Почали трости съ полу воевати,
И трость Кублаева побѣдила.
Возрадовалося все множество людей,
Каждый течеть скоро къ коню своему,
И стали воины строиться;
Християне ничего о томъ не знали,
Кинулись безъ ума на войско нечестивыхъ,
Съ такимъ же пыломъ, съ какою и силою.
Тутъ первый бой гряда на гряду начался:
Стрѣлы сгустились, какъ привалъ мрака;
Ратовищъ ломъ, какъ рокоть грома;
Блескъ мечей, какъ огонь трескучій.
Объ страны съ яробуйною силою
Одна другую отребали.
Уже полки Християнскіе гнали нечестивыхъ,

И конечно преодолѣли бы ихъ,
Когдабъ не пришли чародѣи вновь,
Принеся трости разщепленные.
Татара вельми распалилися,
На християнъ люто напали,
Яростно предъ собою гнали
И какъ робкихъ звѣрей распыряли:
Тутъ щитъ лежить, тутъ шлемъ драгой,
Тутъ конь влечетъ въ стремяхъ воеводу,
Тутъ суетно бросается на Татаръ,
Иной милосердія ради Бога просить.
Тако Татары преодолѣли,
На Християнъ дань велику наложили,
Два Королевства себѣ покорили,
Старый Кіевъ, и Новгородъ пространный.
Вскорѣ разнеслося горе по землямъ,
Во всѣхъ областяхъ людей собирать стали,
Поставили четыре сильныхъ войска,

Обновили вражду съ Татарамн.

Татары уклоннлись въ правую сторону:

Какъ туча черная, когда градомъ грознтъ

Побнтъ плоды тучныхъ полей,

Тако былъ рой слышанъ отдалека.

Поспѣшно Угры соединнлись,

Поспѣшно сразнлись съ ннми;

Но тщетна была храбрость ихъ отважная,

Тщетно мужественное сопротивленне:

Ворвались Татары въ средину рядовъ ихъ,

Попрали всѣ ихъ войска многочисленныя,

Поплѣнили всю землю.

Отступила отъ Христннхъ вся надежда,

Настало горе горя всякаго внщшее,

Возмолился Богу жалостливо,

Дабы спасъ ихъ отъ Татаръ злобныхъ;

«Возстани Господи во гнѣвъ своемъ!»

СПАСИ НАСЪ ОТЪ ВРАГОВЪ, СПАСИ ОТЪ ЛЮ-
ТЫХЪ,

ПОПРАТЬ ХОТЯЩИХЪ ДУШУ НАШУ,
ОБСТУПА НАСЪ КАКЪ ВОЛКИ ОВЕЦЪ. »

ПЕРВЫЙ НАШЪ БОЙ УТРАЧЕНЪ, УТРАЧЕНЪ ВТО-
РЫЙ,

ТАТАРА ВЪ ПОЛЬШѢ РАСПОЛОЖИЛИСЯ,
БЛИЖЕ И БЛИЖЕ ОПУСТОШАЮТЪ ВСѢ ОБЛАСТИ,
ИДУТЪ СВИРѢПСТВУЯ КЪ ОЛЬМУЦУ.

БѢДА ВСТАЛА ТЯЖКАЯ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛѢ,
НИЧТО НЕ БЫЛО СВОБОДНО ОТЪ ПОГАННЫХЪ.

БИЛИСЯ ДЕНЬ, БИЛИСЯ ДРУГОЙ,
ПОБѢДА НИ КУДА НЕ СКЛОНЯЛАСЯ.

НО ТУТЪ СИЛА ТАТАРЪ УМНОЖИЛАСЬ,
КАКЪ УМНОЖАЕТСЯ ВЪ ОСЕНЬ ВЕЧЕРНЯЯ ТЬМА,
И ВЪ НАВОДНЕНІИ СИХЪ ТАТАРЪ ЛЮТЫХЪ,
КОЛЕБАЛОСЯ (КАКЪ ЧОЛНЪ ВЪ ВОЛНАХЪ) ВОЙСКО
ХРИСТІАНСКОЕ,

Усиливаясь продраться къ холму,
 На коемъ мати Божія чудеса творить.
 «На гору, други, на гору!» взываетъ Вне-
 славъ.

Ударилъ мечемъ своимъ по щиту сребрен-
 ному,

И хоругви высоко надъ главою поднялъ.
 Всѣ ободрилися, всѣ на Татаръ кинулись,
 Соединилися во едину силу сильную:
 Вырвалися какъ огонь изъ земли,
 Туда къ холму изъ премножества Татаръ,
 Возвратными стопами (текутъ) къ вер-
 шинѣ;

На подошвѣ широко раступилися,
 Къ низу съузились въ острую грань,
 Въ право и въ лѣво покрылися щитами,
 На рамена взложили острыя копья,
 За первымъ второй, за вторымъ третій;

Тутъ съ горы туча стрѣль на Татаръ по-
летѣла;

Но вдругъ темная ночь покрыла всю зе-
млю,

Распространилась по землѣ и къ облакамъ,
Зеперла зраки разъяренные

У Татаръ и Христіанъ сражающихся.

Въ густой тѣмѣ Христіане насыпали валъ,
Валомъ окопалися вокругъ вершины.

Когдажъ на востокъ утро началось,

Подвигся весь таборъ вражескій,

Тотъ страшный таборъ, окружавшій гору

Даже до недозримой дальности;

На рѣзвыхъ коняхъ мчатся,

Несучи воткнутыя на копьяхъ

Головы христіанскія къ ханскому шатру;

Тутъ множество ихъ воедино силу столпи-
лися,

Потекли всѣ въ единую страну,
Понеслись сомкнувшись на верхъ горы,
Возопили всѣ страшнымъ гласомъ,
Широко по холмамъ и долинамъ раздав-
шимся.

Христіане повсюду стали на валъ,
Матерь Божія дала имъ храбрость;
Напрягаютъ скоро тугіе луки,
Машутъ сильно острыми мечами:
Татара стали отступать.
Тутъ разъярился народъ Татарскій лю-
тый,

Воспалился Ханъ ихъ крутымъ гнѣвомъ,
Въ три ряда разступился весь таборъ,
Тремя рядами люто на гору востекаютъ.
Христіане срубили дватцать древъ,
Всѣ дватцать, сколько ихъ тамъ стояло,
Привалили бревна по край вала.

УЖЕ ТАТАРЫ ВАЛА ДОСТИГАЮТЪ
 СЪ СТРАШНЫМЪ, ДО ОБЛАКЪ ВОСХОДЯЩИМЪ
 КРИКОМЪ,
 УЖЪ ПРИНЯЛИСЯ ВАЛЪ РАСКАПЫВАТЬ,
 СРИНУЛИ СЪ НАСЫПИ ТОЛСТЫЯ БРЕВНА,
 РАЗМЕТАЛИ ИХЪ, КАКЪ ЧЕРВЯКОВЪ,
 И НА РОВНИНУ ВЪ ДАЛЬ УКАТИЛИ.
 ДОЛГО ЯРОСТНО СРАЖАЛИСЯ,
 ДОКОЛЪ ТЕМНАЯ НОЧЬ КОНЕЦЪ ПОЛОЖИЛА ВИТ-
 ВЪ.

О ГОРЕ! СМОТРИТЕ, СЛАВНЫЙ ВНЕСЛАВЪ,
 СЛАВНЫЙ ВНЕСЛАВЪ СЪ ВАЛА СВЕРЖЕНЪ СТРЪ-
 ЛОЮ!
 ТЯЖКОЮ ПЕЧАЛЮ ВСѢХЪ СЕРДЦА РАЗРЫВА-
 ВАЛИСЬ.

ТОМЯЩАЯ ЖАЖДА ПАЛИЛА УТРОБЫ,
 ЗАСОХЛЫМЪ ЯЗЫКОМЪ ЛИЗАЛИ РОСУ СЪ ТРАВЫ.
 ТИХІЙ ВЕЧЕРЪ ПЕРЕШЕЛЪ ВЪ НОЧЬ ХЛАДНУ,

Ночь перешла въ сѣрое утро ;
Въ таборѣ Татаръ тихо было ;
День въ полудни разгорѣлся :
Христіане изнуренные жаждою,
Запекшіяся отворяютъ уста,
Хриплымъ гласомъ Матерь Божию молятъ,
Къ ней томные зраки свои обращаютъ,
И жалостно руки ломая,
Съ земли на Небо горестно взираютъ :
« Не возможно намъ долѣе жажды переносить,
Не возможно истаевая жаждою воевать ;
Кому жизнь и здравіе дороги,
Тому отъ Татаръ должно милости ждать .
Тако рекли единые, тако и другіе :
« Хуже погибнуть отъ жажды, нежели отъ
меча ;

Въ порабощеніи намъ будетъ воды до
сыти.

За мною, кто такъ мыслить, въщаль Ве-
стонъ,

За мною, за мною, кого изъ васъ жажда
томить!»

Тутъ Вратиславъ яко туръ ярый воспря-
нулъ,

Вестона за могучія плечи схватилъ,
И рекъ: «измѣнникъ! срамъ Христіанъ
вѣчный,

Ты въ пагубу хочешь ввергнуть добрыхъ
людей.

Отъ Бога намъ милости ждаты хвально,
А не въ рабствѣ отъ свирѣпыхъ Татаръ.

Не желайте, братцы, спѣшишь въ па-
губу;

Мы уже претерпѣли самую злую пору,
30

Богъ укрѣпилъ насъ въ знойный полдень,

Богъ пошлетъ намъ помощь свыше.

Стыдитесь мужи такихъ рѣчей,

Когда героями слышь хотите.

Погибнемъ ли на сей горъ,

Смерть сія Богомъ будетъ упокоена;

Предадимся ли мечамъ нашихъ враговъ,

Сами надъ собою пагубу свершимъ.

Мерзко стать рабомъ изъ господина,

Грѣхъ самага себя отдать въ рабство.

За мной ступайте, мужи, кто такъ мы-
слить,

За мною предъ престолъ матери Божіей.

Пошли за нимъ множество ко святому
храму:

«Возстани, о Господи! во гнѣвъ своемъ,

Возвыси насъ въ земляхъ нашихъ надъ
врагами,

Услыши гласы къ тебѣ вопіющихъ!
 Окружены есмы лютыми врагами,
 Освободи (насъ) отъ свѣтей гнѣвныхъ Та-
 тарь

И дай отраду утробамъ нашимъ,
 Велегласно тебѣ хвалу воздадимъ,
 Низложи непріятелей въ нашихъ земляхъ,
 Истреби ихъ на вѣки и вѣки вѣковъ.»

Зри! на знойномъ Небѣ мраки!
 Подули вѣтры, загрохоталъ громъ страш-
 ный,
 Нахмурилась туча по всему небу,
 Молнія, разъ за разомъ, бьетъ въ шатры
 Татарь,
 Сильный дождь пролилъ потоки водъ.
 Миновала буря, воины въ строй становятся,
 Изъ всѣхъ областей, изъ всей земли Кра-
 синской,

Брань была лютѣ послѣдней;
Къ Ольмуцу хоругви ихъ вьются,
Тяжелые мечи при бедръ висятъ,
Шлемы свѣтятся на удалыхъ главахъ,
Подъ ними рѣзвые кони скачутъ.
Зазвучали гласы роговъ лѣсныхъ,
Ударили въ брящающіе бубны:
Мгновенно сразилися обѣ страны,
Взвилася густая пыль,
Возсталъ стукъ и грохотъ мечей,
Поднялся страшный свистъ каленыхъ стрѣлъ
Ломъ древокъ, трескъ рѣзкихъ копій,
Колють и рубятъ безъ пощады,
Смѣшались стонъ и радостные клики,
Кровь течетъ, какъ быстрины дождевыя,
Трупы лежатъ, какъ въ лѣсу деревья,
Тому глава на двое разсѣчена,
У того обѣ руки отрублены,

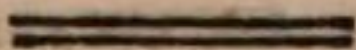
Тотъ съ коня катится предъ другимъ,
 Тотъ яростно враговъ своихъ низвергаетъ,
 Какъ лютая буря на горахъ древа;
 Тому въ сердце по рукоятку мечъ вонзилъ,
 А сему Татаринъ ухо отрѣзалъ.
 О какой вопль! стѣнание жалостное!
 Татары люто палягая гонятъ ихъ;
 Христіане начали отступать,
 Но тутъ Ярославъ какъ орелъ налетѣлъ,
 Твердая броня на могучихъ персяхъ,
 Подъ бронею храбрость удалая,
 Подъ шлемомъ быстроокая мудрость,
 Въ сверкающихъ очахъ горитъ воинскій
 гнѣвъ;;
 Прискакалъ, гонитъ какъ левъ раздраженный
 Когда теплую кровь на себѣ увидитъ,
 Когда раненый течетъ за ловчимъ,
 Такъ онъ разсвирѣпѣвъ, кинулся на Татаръ

ЧЕХИ ЗА НИМЪ, КАКЪ ТУЧА СЪ ГРАДОМЪ;
 БРОСИЛСЯ ЯРОСТНО НА КУБЛАЕВА СЫНА,
 БРАНЬ ЛЮТАЯ ВОСКИПѢЛА МЕЖДУ ИМИ.
 СРАЗИЛИСЯ ВЕЛИКИМИ КОПЬЯМИ,
 ОБА КОПЬЯ СЪ ТРЕСКОМЪ ПЕРЕЛОМИЛИСЬ;
 ЯРОСЛАВЪ НА КОНѢ СВОЕМЪ ВЕСЬ ОКРОВАВЛЕН-
 ный,

УДАРИЛЪ КУБЛАЕВА СЫНА МЕЧЕМЪ,
 РАЗСѢКЪ ЕГО ОТЪ РАМЕНЬ ДО ПОЯСА,
 ПАЛЪ ОНЪ БЕЗДУШЕНЪ МЕЖЪ ТРУПАМИ,
 ЗАГРОХОТАЛЪ НА НЕМЪ ТУЛЪ СО СТРѢЛАМИ.
 ПОТЕКЪ ВЕСЬ НАРОДЪ ЛЮТЫХЪ ТАТАРЪ,
 ПОМЕТАЛЪ ДЛИННЫЯ СВОИ КОПЬЯ,
 ПОБѢЖАЛЪ, КТО БѢЖАТЬ МОГЪ,
 ТУДА, ОТКОЛЪ СОЛНЦЕ ЯСНОЕ ВОСХОДИТЬ.
 ОПРОСТАЛАСЯ ЗЕМЛЯ ОТЪ ТАТАРЪ ВРАГОВЪ.

IV. СЕРБСКІЯ.

О С М А Н Ъ Ш Е Е В И Ч Ъ.

СЪ ТѢХЪ ВРЕМЕНЪ КАКЪ СВѢТЪ СТОИТЪ,
 НЕ ПРОЦВѢТАЛЪ ЦВѢТОКЪ КРАСИВЪЕ,
 ОТКОЛЬ ЗЕЛЕНѢТЬ НАША СТОРОНУШКА,
 НЕ РАЖДАЛСЯ ЮНАКЪ ОТВАЖНѢЕ,
 РАЗВѢ ТОЛЬКО ВЪ ГОДЫ ОНЫЕ,
 ВЪ *Клобукъ* то, БѢЛОМЪ ГОРОДѢ,
 ЮНЫЙ МОЛОДЕЦЪ ОСМАНЪ *Шеовицъ*,
 КРАСНЫЙ КАКЪ И ДѢВУШКА,
 И СТЫДЛИВЪ КАКЪ И СУЖЕНА,
 СМѢЛЪ И ЛОВОКЪ КАКЪ И *Бойгизъ-Али*....
 Но борода отрасли ему не сужено?
 Собрался Осмо ѣхать въ *Никшицу*,

Въ Никшицу онъ къ роднымъ жены своей,
 Двухъ троиxъ друзей съ собой ведетъ:
 Первый изъ нихъ былъ Муйо *Ерговицъ*,
 А другой былъ Ибро *Шабанъ-агичъ*,
 Третій былъ Маркъ *Остоичъ*.

Ночевали они ночь первую
 Въ *Вилустъ* въ небольшомъ селѣ,
 У *Вукица* князя Вилусскаго;
 А оттуда раннимъ рано двинулись,
 И когда за зелену гору заѣхали,
 Разболѣлся Муйо Ерговичъ;
 Подзываетъ Османа Шеовича:

«Побратиме Османе Шеовичу!

Мнѣ голова моя больно разболѣлася,
 Не могу на бѣломъ конѣ удержаться я,
 Отъ пути подальше отведи меня,
 Одѣяши ме отъ коня дегата,
 Пакъ ме метни у зелену траву,

ПОКРЫЙ МЕНЕ ЗЕЛЕНОМЪ ДОЛАМАНОМЪ,
 А ПО ГЛАВИ СЕРМАЛЫ МАРАМОМЪ,
 НАПУНИ МИ ПУШКУ ДЖЕВЕРДАНА,
 ПА ГА МЕТНИ ПОРЕДЪ МЕНЕ, ПОБРО,
 АКО МЕНИ БУДЕ ЗА НЕВОЛЮ,
 НЕ БЫ ЛИ МИ БИО У НЕВОЛЮ;
 А ВОДИ МИ ДЕБЕЛА ДЕГАТА,
 ДА НЕ ВОДЕ НЕГА ЦЕРНОГОРЦЫ. »

ВЕЛИ НЕМУ ШЕОВИЧЬ-ОСМАНЕ:

« ДА ЛУДЪ ТЫ СИ, МИО ПОБРАТИМЕ!
 НИ Е ОСМО ДРУЖСТВА ОСТАВЛЯЮ,
 ДЪ ПУЦАЮ ПУШКЕ ДЖЕВЕРДАНЫ,
 СІЯВАЮ МЕЧИ ГРЕБЕШТАЦЫ,
 И ЮНАЧКЕ ПОЛЪТАЮ, ГЛАВЕ. »

КАДЪ СУ МАЛО ПОШЛИ У НАПРЕДАКЪ.
 А МУЪ Е МУКА ДОДЪЯЛА,
 ПОВИО СЕ ПО КОНЮ ДЕГАТУ,
 ОДЪ МУКЕ МУ ЗУБМА ГРИВУ СКУБЕ,

Каждъ то видѣ Шеовичъ Османе,
Дѣ е Мую мука додѣяла,
Одѣ ниа се нему не могаше,
Заведе га съ пути подалеко,
Па га скиде са коня дегата,
Спусти нега у зелену траву,
Па га покры зеленомъ долманомъ.
А по глави сермалы марамомъ,
Напуни му пушку джевердана,
Спусти меня съ коня ты бѣлаго,
И на зелену траву опусти меня,
И зеленымъ долманомъ покрой меня,
А сереберенымъ платкомъ мою голову,
Заряди мое ружье Дамасское,
И положи его покрай меня,
Коль набрели бы люди опасные,
Чтобъ непопаться въ невольники;
Но поведи съ собой коня ты бѣлаго,

Чтобъ *Черногорцы* не увели его.»

Но говоритъ ему Осмо Шеовичъ:

«Али бредишь ты, мой милый другъ!

Друга Османъ не бросалъ еще

Тамъ, гдѣ гремѣли ружья *Дамасскія*,

Гдѣ сверкали мечи *Гребештацкіе*,

Гдѣ слетали главы *молодецкія*,»

Но когда еще немного проѣхали,

И *Муйю* доконало мученіе,

И когда повисъ по коню онъ бѣлому,

Грызъ отъ муки гриву игривую,

То увидѣвъ Осмо Шеовичъ,

Что *Муйю* доконало мученіе,

И другой не зная помощи,

Поодаль съ дороги отвелъ его,

Опустилъ съ коня его бѣлаго,

И на зелену траву спустилъ его,

И зеленымъ долманомъ накрылъ его,

А ЛИЦО ЕГО ПЛАТКОМЪ СЕРЕБРЕННЫМЪ.

ЗАРЯДИЛЪ ЕГО РУЖЬЕ ДАМАССКОЕ,

ПА ГА ВЕРЖЕ КРАЙ НЕГА У ТРАВУ,

ОДВЕДЕ МУ ДЕБЕЛА ДЕГАТА.

ОДАТЛЕ СЕ ТУРЦЫ ПОДИГОШЕ;

ДРУГІЙ И Е КОНАКЪ СУСТИГАО

КОДЪ *Кусиде* СТУДЕНЕ ВОДИЦЕ

У ЛѢПИМЪ КУСИДСКИМЪ ЛУГАМА

КОДЪ БѢЛА МОСТА КУСИДСКОГА.

КАДЪ СУ БЫЛИ МОСТУ КУСИДСКОМЕ,

ИГРА КОНЯ ШЕОВИЧЪ ОСМАНЕ,

ИГРА КОНЯ И ТАМО И АМО,

ПА ГОВОРИ СВОЙОЙ ДРУЖИНИЦИ:

«ЭВО ВОДЕ, ЭВО ЖИВЕ ЗРОДЕ

И КОНАКА ДОБРА ЗА ТУРАКА «

ТУ ОДЪ ДОБРЫ КОНЯ ОДСЪДОШЕ;

И КОДЪ ВОДЕ ВАТРУ НАЛОЖИШЕ,

КОНЬМА СЫТНУ ЗОБЦУ УСТАНОШЕ.

КАДЪ Е БЫЛО ВЕЧЕ ПО ВЕЧЕРИ,
 СВИ СУ КОНЬИ ЗОБЦУ ПОЗОБАЛИ,
 ОСМОВЪ ДОРО НИ Е НИ ТАКНУО,
 НОГАМ БІЕ, А УШИМА СТРИЖЕ,
 ЧЕСТО ГЛЕДА НА *Коштацъ* планину. —

АЛ ГОВОРИ ШЕОВИЧЪ ОСМАНЕ:

»БРАТЪО МОЯ, И МОЯ ДРУЖИНО!

Я САМЪ НОТЯСЪ ЧУДАНЪ СОНЪ УСНИО

У *Вилусу* селу МАЛЕНОМЕ:

ДѢ Я ДОЙДЬО НА ВОДУ *Кусиду*,

ПАКЪ СЕ САНО, ДА СВОДЕ НАПИЕМЪ,

СПАДЕ МЕНИ СА ГЛАВЕ ЧЕЛЕНКА,

ОТНЕСЕ Е *Кусида* ВОДИЦА;

ОТПАДОШЕ ТОКЕ ОТЪ ПЕРСИЮ,

И ПОЛОЖИЛЪ ВЪ ТРАВУ ПОКРАЙ НЕГО,

И ПОВЕЛЪ КОНЯ ЕГО БѢЛАГО.

ОТТУДА ТУРКИ ДАЛЬШЕ ПОДВИНУЛИСЬ,

И НАСТИГЛА ИХЪ УЖЕ ВТОРАЯ НОЧЬ

У *Кусиды* рѣки студенныя,
 Тамъ, гдѣ вьются луга прелестныя,
 У бѣлаго мосту *Кусидскаго*.
 И когда были у мосту Кусидскаго,
 То въигралъ конемъ своимъ Шеовичъ
 И въигралъ имъ на обѣ стороны.

Да сказалъ своимъ товарищамъ:

Вотъ и вода и удобства пріятныя,
 Мѣсто для ночега Мусульмана достой-
 ное!»

Тутъ послезали съ ретивыхъ коней своихъ,
 И развели у рѣки огонекъ они,
 А конямъ овса подсыпали.

Вскорѣ за тѣмъ и время смеркалося,
 Вскорѣ и кони овесъ свой кончили,
 Только Османовъ его не дотрогивалъ,
 Только машетъ ушами, ногами бьетъ,
 Часто глядеть на гору *Коштацкую*! —

Осмо тогда сказалъ друзьмъ своимъ:

«О друзья мои и братья!

Въ эту ночь мнѣ видѣлся чудный сонъ

Въ *Вилустъ* небольшомъ селѣ:

Я-де приѣхалъ на рѣку *Кусидскую*,

Чтобъ напиться воды, надъ ней на-

гнулся я,

Но съ головы моей спало перо, сере-

брено . . .

И унесла его рѣка Кусидская!

Спали съ меня и нагрудники серебряны...

Отнесе и *Кусида* водица;

Сломи ми се пушка джевердане,

И комади у воду падоше...

Отнесе и *Кусида* водица;

Садъ сви коньѣ зобцу позабали!

А мой доро-ни е ни такнуо!

Ногамъ бѣ, а ушима стриже,

ЧЕСТО ГЛЕДА НА *Коштац* ПЛАНИНУ :

ЯЛИ КОБИ МЕНЕ, ЯЛИ СЕБЕ!

ВЕТЪ, БРАТЪО, ДА СЕ ПОСЛУШАМО,

ДА МЫ НОТЯСЪ СТРАЖУ ПОЧУВАМО,

ОВУДЪ ИДУ ЧЕСТО ЦЕРНОГОРЦЫ...

СТРАШЕВО Е ; ДА НЕ ИЗГИНЕМО! »

ВЕЛИ ДРУЖСТВО ШЕОВИЧЪ-ОСМАНУ :

« А НЕ БОЙ СЕ, ШЕОВИЧУ-ОСМО!

ДОБАРЪ ЮНАКЪ ДОБАРЪ СОНЪ УСНИО,

СОНЪ Е ЛОЖА, БОГЪ Е ИСТИНА ;

ОТЪ ШТА ТЪМО СТРАЖУ ДА ЧУВАМО ?

ЗА НАМА СУ ДВА БЪЛА ГРАДА :

ГРАДЪ ОМУТИЧЪ И ТРУБЕЛА КУЛА,

А ИЗНАДЪ НАСЪ СВЕ НИКШИЧКЕ ОВЦЕ :

СВОБОДНО Е КАКО И У ГРАДУ ;

А ШТО ДОРО ЗОБЦЕ ЗОБАТ' НЕ ТЪ,

МЫ СМО ЧУЛИ ОТЪ СТАРЫ ЧЕТНИКА.

КАДА КОНЬИЦЪ ЗОБЦЕ ЗОБАТ НЕ ТЪ,

Онъ се на да добру даилуку
 Ил тѣ носит роба ил робиню
 Или добру главу отъ юнака.»
 Дружество леже сонакъ боравити,
 Османъ узе пушку джевердана,
 «Ихъ унесла вода Кусидская!
 И сломалось мое ружье Дамасское,
 А куски его въ воду попадали...
 Ихъ у несла вода Кусидская!
 Кони всѣ овесъ свой кончили,
 Только мой его недотрогивалъ,
 Только машеть ушами, ногами бьетъ,
 Часто глядитъ на гору *Коштацкую* :
 Или себѣ иль мнѣ бѣду предвѣщаетъ.
 Братцы! мы другъ друга слушаемъ,
 Посторожимъ себя мы ночью,
 Часто идутъ здѣсь хищники Черногор-
 скіе...

Тутъ опасно ; избѣгнемъ погибели! »
 Но говорятъ друзья Осману Шеовичу:
 « Да небойся ты, Осмо Шеовичу;
 Добрый снится сонъ юнаку отважному,
 Сонъ есть ложь, а Богъ одинъ истина;
 Отчего же намъ остерегать себя?
 Вѣдь за нами есть два града бѣлые :
 Городъ *Омутигъ* и замокъ *Трубела*,
 А надъ нами стада Никшицкія,
 Мы безопасны какъ и въ городъ.
 А что твой жеребецъ овса не дотроги-
 валь,
 Слышали мы отъ старыхъ товарищей,
 Что когда конь свой овса не ѣстъ,
 Счастье иль удачу предвидитъ онъ,
 Иль младую рабу носить иль плѣнника,
 Или мертву главу молодецкую. »
 И легли они, сну предались глубокому,

Осмо не спалъ, но взялъ ружье Дамасское,
 Па отступи мало отъ дружине,
 И самъ съде стражу да почува;
 Чувао е ноти до полноти.

Па онъ буди свою дружиницу:

« Устаните, моя дружинице!
 Ветъ е пола ноти превалило,
 Я самъ чувао стражу до полноти,
 Вы чувайте до бѣла дана,
 Да я легнемъ сонакъ боравити. »

Дружство спава као и поклано,
 Нити слуша, шта Османъ говори,
 Тад, се Османъ на каменъ наслони,
 Танку пушку метну преко крыла. —

*
* *

Подиге се *Дамяновичъ Живко*,
 Онъ су чету диже у планину,
 Има съ нима осамнаестъ друга;

Изыдоше на *Коштацъ* планину,
 Изыдоше ноти у полноти,
 Угльдаше ватру кодъ Кусиде,
 Кодъ бѣла моста Кусидскога,
 Па говори Дамяновичъ Живко :

« Братъо моя и моя дружино !
 Видите ти ватру кодъ Кусиде?
 Ни е л майка родила юнака,
 И мужкиемъ опасала пасомъ,
 Или сестра брата однияла
 Безъ бешике на десници руци
 И на чистомъ крылу дѣвоячкомъ? »

Въ сторону онъ отошелъ отъ друзей своихъ,
 Самъ онъ сталъ на стражу сторожемъ:
 И сторожилъ ночь до полуночи;
 Будить онъ наконецъ свою дружиницу:

« Встаньте моя дружиница !

Вѣдь прошло ужъ болышо полуночи :

Вы сторожите теперь до свѣту бѣлаго.
 Пусть и я минутку успокоюся.
 Но дружина спитъ какъ мертвая,
 И не слышитъ клику Османова;
 Сномъ одолѣнъ склонилъ онъ на камень го-
 лову,
 Бросивъ за плечо ружье Дамасское.

*
* *

Двинулся въ дорогу *Живко Дамяновичъ*
 Онъ съ дружиной идетъ на горы высокія,
 А при немъ осмнадцать товарищей.
 И взопли они на гору *Коштацкую*;
 Исходили ужъ ночь до полуночи,
 Какъ огонекъ увидѣли надъ *Кусидою*,
 Подлѣ бѣлаго мосту Кусидскаго.
 И говоритъ имъ *Живко Дамяновичъ*:
 «Вы, дружино моя и братія,
 Видите-ль вы огонекъ, вотъ надъ Кусидою?»

МАТЬ КОГО ИЗЪ ВАСЪ РОДИЛА НЕ МОЛОДЦА,
 И МУЖСКИМЪ НЕ ПОВИЛА ПОЯСОМЪ.
 ИЛЪ КОГО СЕСТРА НЕ БАЮКАЛА
 ТА НА ПРАВОЙ РУКЪ, БЕЗЪ КОЛЫБЕЛИ,
 ИЛИ ВЪ ЧИСТОМЪ ОБЪЯТЫИ ДѢВИЧЕСКОМЪ?..
 ДА ОТИДЕ МОСТУ КУСИДСКОМЕ,
 ДА УВОДИ ВАТРУ КОДЪ КУСИДЕ:
 КОЙ Е ОНУ ВАТРУ НАЛОЖНО,
 ИЛ СУ ТУРЦЫ, ИЛ СУ ЦЕРНОГОРЦЫ,
 ИЛ СУ КАКЕ МЛАДЕ КИРИДЖІЕ,
 ИЛ ЧОБАНЫ КОДЪ БѢЛОГА СТАДА. »?
 СВИ ЮНАЦЫ НИКОМЪ ПОНИКОШЕ,
 И У ЦЕРНУ ЗЕМЛЮ ПОГЛЕДАШЕ,
 АЛ НЕ ГЛЕДА *Мандушигу Вуге*
 СЪ ПОБРАТИМОМЪ *Гардашевигъ Вуломъ*,
 ВЕТЬ УЗЕШЕ ПУШКЕ ПО СРЕДИНИ,
 ПА ОТДОШЕ НИЗЪ КОШТАЦЪ ПЛАНИНУ.
 КАДЪ ДОЙДОШЕ НА ВОДУ КУСИДУ,

Бѣломе мосту Кусидскомѣ,
 А то Турцы ватру наложили,
 Њѣи троица око ватре леже,
 Онда рече Гардашевичъ Вуле:
 «Побратиме, Мандушичу Вуче!
 Кой е оной юнакъ у средини,
 Кто изъ васъ сойдесть въ низъ къ мосту
 Кусидскому,
 Выглядить тотъ огонекъ, что надъ Ку-
 сидою,
 Выглядить, кто при немъ находится,
 Или Турки, иль гайдуки Черногорскіе,
 Иль то вьюки караванные,
 Иль пастухи у стада бѣлаго?»
 Всѣ юнаки взоромъ поникнули,
 Всѣ глядѣли на землю черную;
 Но не поникъ главой въ низъ Волчно Ман-
 душичъ

Съ побратимомъ Вулч-Гардашевичемъ,
 Быстро схватили ружья свои они,
 Кинулись низъ горы Коштацкія;
 Какъ очутились они надъ рѣкой *Кусидою*,
 И у бѣлаго мосту Кусидскаго,
 То былъ огонь разведенъ Мусульманами,
 То ихъ трое лежало вокругъ него:
 Рекъ тогда Гардашевичъ товарищу:

«Побратиме, Волче Мандушичу!

Что за юнакъ лежить по срединѣ ихъ,
 Што е на нему калпакъ и челенка,
 На пирсима токе позлатене,
 На студенъ се камень наслонио,
 Танку пушку держи преко крыла?»

Вели нему Мандушичу Вуче:

«Заръ не видишь? Нѣима не видѣо!
 То е люта изъ камена гуя,
 Люта гуя Шеовичъ Османе

Изъ Клобука града бѣлога,
 Штоно Церну гору затворио,
 Млогу нашу братю погубио. »

«Что на немъ калпакъ и перо серебрено,
 А на груди его токи злащенные
 Что на камень студенъ наклонилъ главу
 свою,
 Тонкое вотъ и ружье что черезъ плечо
 ему?»

Мандушичъ рекъ тогда Гардашевичу:

«Развѣ не видишь! Ихъ ты не видывалъ?
 Каменна то змѣя, ядовитая,
 Гадина то люта, Османъ то Шеовичъ,
 Изъ Клобука онъ града бѣлаго,
 Что намъ заперъ *Гору Черную*,
 Что изгубилъ намъ много товарищей! »
 Кадъ су Турке добро разгледали,
 Вратише се узъ Коштацъ планину,

ТА КАЗУЮ ДАМЯНОВИЧЬ ЖИВКУ.

ТО Е ЖИВКО ЕДВА ДОЧЕКАО,
ЕРЪ МУ Е ОСМАНЪ СЫНА ПОГУБИО...
ОТЛЕТЪШЕ НИЗЪ КОШТАЦЪ ПЛАНИНУ,
ХОДЕ ЖИВКО СЫНУ НА ОСВЕТУ.
КАДЪ ДОЙДОШЕ НА ВОДУ КУСИДУ
БЪЛОМЕ МОСТУ КУСИДСКОМЕ,
И ЖИВОМЪ СЕ ОГНЮ ПРИКУЧИШЕ,
ОНДА ЖИВКО ДРУЖСТВО ЗАВРЕДИО:
НА ТУРЧИНА ПО ТРИ КАРУИНА,
НА ОСМАНА САМОГА ДВАНАЕСТЪ,
ПАКЪ НА ТУРКЕ ЮРИШЪ УЧИНИШЕ,
И ПОБИШЕ ОКО ВАТРЕ ТУРКЕ;
ДОКЪ УБИШЕ ШЕОВИЧЪ ОСМАНА,
ДВА НАЙБОЛЯ ИЗГУБИШЕ ДРУГА.

У. СЛОВАЦКІЯ.

—
1.

ПРЕКРАСНА ТА РѢКА

РѢКА ВЛТАВА [МОРАВА,]

Гдѣ наши дома

И власть привѣтлива.

Хорошъ тотъ городъ,

Тотъ городъ Прага,

Въ коемъ обители наши,

Родина дорогая.

Но что намъ до рѣки,

Что намъ до города?

Ахъ, намъ указана

Къ изгнанью дорога!

Не взяли съ собою

Ничего, на все опала!
Лишь Библию Кралицкую,
Лабиринтъ свѣта.

Татары, вы примите
Насъ въ тѣ ущелья,
Въ васъ хотимъ жить
И кости сложить.

2.

Бѣлоградъ 2, Турецкая граница!
Не одной матери при тебѣ лежить сыно-
чекъ :

Иной изрубанный, иной застрѣленный,
Иной бѣдняжка, лошадьми растопта-
нный....

Подъ Бѣлоградомъ стоитъ вороной конь,
А на томъ конѣ,
Весь израненный, сидитъ милый мой.

Хочешь, милая, знать, какъ война бѣд-
ственна?

Какъ съ меня течетъ,

Такъ съ коня течетъ вода кровава.

Хочешь, милая, знать, какой обѣдъ мой?

Печеная конина,

Вода Дунайская: вотъ обѣдъ мой!

Хочешь, милая, знать, какое погребенье мое?

Въ томъ широкомъ полѣ,

Въ темномъ удольѣ копаютъ мнѣ домъ.

Хочешь, милая, узнать, каковы звонари?

Пули да стрѣлы,

Сабли да пушки, бубны да трубы.

3.

Были молодцы, были, да миновали,

А по маломъ времени минуетъ и мы.

Когда мы минуетъ, минуетъ Краина,

КАКЪ БЫ СПАЛА ВЕРХУШКА СЪ РОЗМАРИНА.

КОГДА МЫ МИНУЕМЪ, МИНУЕТЪ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ,

КАКЪ БЫ СПАЛЪ СЪ АЛОЙ РОЗЫ ЦВѢТЪ.

КЪ СМЕРТИ ЗАКЪ НАМЪ ДАЛИ, КАКЪ КОРОНУ
взяли,

КОРОНУ УНЕСЛИ, КОТОРУЮ МЫ ИМѢЛИ,

МНОГИМИ КУПЛЕННУЮ ЗА ДЕНЬГИ И КРОВЬ,

ВСЕ ЭТО НИ ВО ЧТО ПОСТАВИЛИ, ВЪЯЛИ ЕЕ ВМѢ-
СТѢ СЪ ЯЩИКОМЪ.

ДЕВЯТЬ ЛѢТЪ НАХОДИЛАСЬ ОНА ВЪ НЕСЧАСТІИ,

НО ПОМОГЪ ЕЙ ГОСПОДЬ БОГЪ ВОРОТИТЬСЯ КЪ
НАМЪ.

НАШЕЙ СОБСТВЕННОЙ КРОВЬЮ КРАЙНУ МЫ ДО-
были,

ТОЛЬКО ДЛЯ РАБОТЫ НѢМЦЕВЪ ВЪ НЕЕ ПРИ-
няли.

ГЕЙЗА, КОРОЛЬ ВЕНГЕРСКІЙ, ПЕРВЫЙ ПРИНЯЛЪ
НѢМЦЕВЪ,

Дирали и копали, были во всемъ наимень-
 шие.

Теперь намъ указываютъ, съ насъ смѣются,
 Въ нашей собственной Крайнѣ насъ же ни
 во что ставятъ.

Дали намъ приказаніе, чтобъ мы въдали,
 Не прошло году, а ужъ Нѣмецкій языкъ
 намъ навязали.

Силою хотятъ насъ искоренить,
 Силою хотятъ насъ выжить изъ Венгріи.
 Венгровъ унижаютъ, Нѣмцевъ бозвышаютъ,
 Тѣ наши права ни во что не ставятъ.
 Ужъ наши права вовсе забросили
 Тѣ безбожные Нѣмцы, кои у насъ жили.
 Раборили Польшу, разорили Венгрію,
 Разорили ее словно крайну варварскую.
 Каждый получилъ участокъ, но небольшой,
 Всѣхъ до одного заставили призадуматься.

Намѣчаютъ дома, намѣчаютъ, въ нихъ по-
писываютъ.

Господинъ-ли, рабъ-ли—всѣмъ черный мун-
диръ.

Вы древніе вожди! Предвидите-ли вы то,
Какъ насъ одѣнуть въ одинакій мун-
диръ?

Полякъ жалѣетъ о насъ, Турокъ дивится,
Всюду спрашиваетъ, что это съ нами дѣ-
лають?

Король Прусскій, ему все то было смѣшно,
Больно дивится онъ, что къ нему не идемъ.
Голландцы проводятъ насъ, медлятъ от-
вѣтомъ,

Отвѣтомъ медлятъ, коди имъ не позволя-
ютъ торговать.

Пожалуйте, 2 вы, Венгерскія госпожи,

Что Венгерская сторона гинетъ промежду
насъ.

Погорюй, 2 и ты, молодая жена,

Что имя твоего мужа—записано.

Дѣвица за угломъ, поплачь за Венгромъ,

Не жалѣй за Немцевъ, найдешь его за
хлѣвцемъ.

Чиликали воровушки—не бойтесь молодцы,

Какъ Венгръ приосамится, десять Нѣмцевъ
сломить.

ПРИМѢЧАНІЯ.

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Въ народныхъ сказкахъ сохраняется преданіе о Добрынь Никитичъ. Мы приводимъ сказочные отрывки для сравненія съ текстомъ.

«Во гридницѣ княженецкой, у Владиміра князя Кіевскаго было пиrowанье, почестной столъ, былъ пиръ про князей-бояръ и могучихъ богатырей. А Владиміръ стольный князь Кіевскій, Солнышко Святославьевичъ, сидитъ со княгинею Апраксѣвною, сидитъ во своихъ теремахъ златоверхіихъ, за столами дубовыми, за скатертми браными, за яствами сахарными. А и былъ день ко

ВЕЧЕРУ, А И СТОЛЪ ВЪ ПОЛУСТОЛЪ, И ПОСЛЫ-
ШАЛОСЬ ВСѢМЪ ЗА ДИВУ: ЗАТРУБИЛА ТРУБА РАТ-
НАЯ. СОЛНЫШКО КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ ПРИКРУ-
ЧНИЛСЯ, СЛОЖИЛЪ СВОИ РУКИ КРѢПКІЯ КО
БѢЛЫМЪ ГРУДЯМЪ И ДУМАЛЪ КРѢПКУ ДУМУШКУ.

ПРИУНЫЛИ КНЯЗЬЯ-БОЯРЕ, ПОВѢСИЛИ БУЙНЫ
ГОЛОВЫ МОГУЧИ БОГАТЫРИ. ОДИНЪ ТОЛЬКО ВО-
ЕВОДА КІЕВСКІЙ НЕУНЫЛЪ СИДИТЬ; ОНЪ ВСТАЕТЪ,
НЕ ВСТАЕТЪ, А ПОДНИМАЕТСЯ ИЗЪ-ЗА СТОЛА ДУ-
БОВАГО, НЕ ДОПИЛЪ ОНЪ ЧАРЫ ЗЕЛЕНА ВИНА,
НЕ ДОѢЛЪ ОНЪ КУСКА САХАРНАГО; ПРЕКЛОНИЛЪ
ОНЪ ЧЕЛО ДО ПОЛУ, А И ГОВОРИТЬ ТАКОВЫ
СЛОВА: «ГОЙ ЕСИ ТЫ, НАШЪ БАТЮШКА ВЛАДИ-
МИРЪ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ, СОЛНЫШКО СВЯТОСЛАВЪЕ-
ВИЧЪ! НЕ ПРИКАЖИ КАЗНИТЬ, РУБИТИ, А ПРИ-
КАЖИ СЛОВО ВЫМОЛВИТИ. ОТЪ ЧЕГО ТЫ, ОСУ-
ДАРЬ ПРИКРУЧНИЛСЯ, О ЧѢМЪ ЗАПЕЧАЛОВАЛСЯ?
БУДЕТЬ ЧУДЬ ПОГАНАЯ ПРИШЛА ПОДЪ ТВОЙ

СЛАВНЫЙ ГРАДЪ КІЕВСКІЙ, И ЕСТЬ У ТЕБЯ РАТИ СІЛЬНЫЯ. ВЫМОЛВИ, ОСУДАРЬ, СЛОВО ЛАСКОЕ, ВЕЛИ ОПОСЛАТЬ РАТЬ МОГУЧУЮ, ОПРОВѢДАТЬ РАТЬ НЕВѢРНУЮ, УЖЬ И ОНА-ЛЬ НАСТУПИЛА НА ЗЕМЛЮ РУССКУЮ?»

—Возговорить Владиміръ князь КІЕВСКІЙ: Ой вы еси, князья-бояре, сильны могучи богатыри и ты воевода КІЕВСКІЙ! Видалъ я рати могучія, водилъ богатырей на Чудь поганую, разорялъ грады крѣпчіе, переходилъ всю подсолнечную, во всѣ земли и царства опосылалъ пословъ, а нонѣсь мнѣ война понаскучила, а думалъ было почаловать васъ князей-бояръ и тѣшить могучихъ богатырей. —

Встали всѣ князья-бояре и могучи богатыри изъ-за стола дубоваго, преклоняли чело до полу, кланялись ниже того, вымолвляли

слово вѣстное: « Гой еси ты, нашъ батюшка, Владимиръ, стольный князь Кіевской, солнышко Святославъевичъ! Вели, Осударь, своимъ могучимъ богатырямъ опровѣдать: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко стольному князю Владимиру? На бой ли зоветъ могучъ богатырь, или тѣшиться? Или супостать изъ Чуди поганой?

— Ой вы еси, князья-бояре, сильны могучи богатыри! возговорить стольный князь Кіевской. Пошлите опровѣдать двухъ могучихъ богатырей: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко стольному князю Владимиру? Будетъ могучъ богатырь, инъ зоветъ ли на бой, инъ тѣшиться? Будетъ супостать изъ Чуди поганой, инъ самъ о себѣ, инъ со ратью?

Воевода Кіевскій покланяется, выходитъ изъ терема златоверхаго, кричитъ кличъ на княжемъ дворѣ. Собираются славны могучи богатыри. Возговорить воевода Кіевскій: «ой вы еси, славны могучи богаты-ви! Заповѣдалъ стольный князь Кіевскій Владиміръ свѣтъ Святославъевичъ красное солнышко Кіевское, опровѣдать во полѣ заповѣданномъ: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко князю Владиміру? Будеть могучъ богатырь, — инъ ли зоветъ на бой княжихъ богатырей, инъ вызываетъ княжихъ богатырей потышиться? Будеть супостагъ — инъ во прїѣздѣ самъ о себѣ, инъ со ратью изъ Чуди поганой?» Возговорили сильны могучи богатыри: идемъ опровѣдать во поле заповѣданное. Выбираетъ воевода Кіевской двоихъ

БОГАТЫРЕЙ, ПОСЫЛАЮТЪ ИХЪ СКАЗАТЬ СЛОВО
КНЯЖЕЕ.

НАДѢВАЮТЪ СБРУЮ РАТНУЮ МОГУЧИ БОГА-
ТЫРИ, САДЯТСЯ НА ДОБРЫХЪ КОНЕЙ, ВЫѢЗЖА-
ЮТЪ ВО ЧИСТО ПОЛЕ. ВО ЧИСТОМЪ ПОЛѢ НѢТЪ
СИЛЫ РАТНЫЯ, НѢТЪ МОГУЧА БОГАТЫРЯ; ТОЛЬ-
КО ВИДЯТЪ ОДИНЪ БѢЛЪ ШАТЕРЪ. ПОДЪѢЗЖА-
ЮТЪ КО БѢЛУ ШАТРУ, ВИДЯТЪ КОНЯ БОГАТЫР-
СКАГО, КОНЯ НЕОБЪЯТНАГО. КАКЪ ЗАВИДѢЛЪ
КОНЬ МОГУЧИХЪ КНЯЖИИХЪ БОГАТЫРЕЙ, ПЕРЕ-
СТАЛЪ ѢСТЬ ПШЕНИЦУ БѢЛОЯРУЮ, УЧАЛЪ БИТЬ
КОПЫТОМЪ ВО СЫРУ ЗЕМЛЮ, ПРОВѢЩАЛЪ ЧЕ-
ЛОВѢЧЬИМЪ ГОЛОСОМЪ: ВСТАНЬ, ПРОБУДИСЬ МО-
ГУЧЬ БОГАТЫРЬ, ТУГАРИНЪ ЗМѢЕВИЧЪ. ВЗГЛЯНЬ,
ИДУТЪ ПОСЛЫ ИЗЪ СТОЛЬНАТО ГРАДА КІЕВА,
ОТЪ ВЛАДИМИРА КНЯЗЯ СОЛНЫШКА СВЯТОСЛА-
ВЪЕВИЧА!

ВСТАЛЪ, ПРОБУДИЛСЯ ТУГАРИНЪ ЗМѢЕВИЧЪ,

чохнулъ чохъ по полю заповѣданному,
 дрогнула сыра земля, попадали ничь могу-
 чи княжіе богатыри. А былъ Тугаринъ
 Змѣевичъ не въ урость человѣчь: голова-
 то со пивной котель, глаза-то со пивные
 ковши, туловище-то со круту гору, ноги-то со
 дубовы колоды, руки-то со шесты вязовы;
 и самъ-то Тугаринъ Змѣевичъ ѣдетъ по лѣ-
 су—ровень съ лѣсомъ; ѣдетъ по полю—ро-
 вень со поднебесью. А и всталъ Тугаринъ
 Змѣевичъ, не покланяется, на пословъ ози-
 рается.

Встали могучи княжіе богатыри испол-
 нять заповѣданное, а и встали, не дошедъ
 шатра покланяются, начинаютъ свою рѣчь
 посольскую: Гой еси ты, удалый, добрый
 молодецъ! скажи, повѣдай намъ; какъ зо-
 вутъ тебя по имени, какъ величаютъ по из-

отчеству? Царь ли ты, или царевичъ? Король ли ты, или королевичъ? Али ты изъ чужихъ земель грозенъ посоль? Али силенъ могучъ богатырь? Аль ты поляница удалая! Заприслалъ къ тебѣ Владиміръ, стольный князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославьевичъ, а велѣлъ опровѣдати: кто смѣловалъ стать передъ Кіевомъ? Кто смѣловалъ трубить ко Владиміру? Служить ли ты пришелъ ко Владиміру, стольному князю Кіевскому, солнышку свѣтъ Святославьевичу? Иль задумалъ ты повѣдаться со могучими богатырями? Будеть ты служить пришелъ, ино не честь богатырская стать на лугахъ княженецкихъ не спрошаючи: добелось тебѣ обослатися, поклонитися. Будеть пришелъ испытать могучи плечи, уноси ты скорѣй буйну голову свою: не

СМОЧИ ТЕБѢ НА РУСЬ СЛАВНУЮ. НЕ ВЪ ТВОЮ ПОРУ БОГАТЫРИ СИЛЬНЫЕ ПОГИБАЛИ ПЕРЕДЪ КІЕВОМЪ; КЛЕВАЛИ ИХЪ ТѢЛА ЧЕРНЫ ВОРОНЫ; ТАСКАЛИ КОСТИ ИХЪ СѢРЫ ВОЛКИ. ХОТЬ УБЬЕШЬ ТЫ ЗДѢСЬ БОГАТЫРЯ КНЯЖЕВА, ИНО ЕСТЬ ВМѢСТО ЕГО ТЫСЯЧА, А ЗА ТЫСЯЧЬЮ И СМѢТЫ НѢТЬ.

ТУГАРИНЪ ЗМѢВИЧЪ ОСЕРЖАЕТСЯ, А ПОСОЛЬСКІЯ УГРОЗЫ СТАВИТЪ НИ ВО ЧТО. И ЗАПЫХТѢЛЪ ТУГАРИНЪ ЗМѢВИЧЪ: ИЗЪ НОЗДРЕЙ ПОСЫПАЛИСЬ ИСКРЫ ОГНЕННЫЯ, ЗАСВЕРКАЛИ ГЛАЗА МОЛНІЕЮ, ЗАСТУЧАЛИ БРОВИ КАМЕННЫМЪ ГРАДОМЪ, А САМЪ ВСКРИЧАЛЪ ГРОМКИМЪ ГОЛОСОМЪ: «ОЙ ВЫ ЕСИ, РЕБЯТИШКИ ГЛУПЫЕ, НЕРАЗУМНЫЕ! ПОСВЕРЧУ Я ВАМЪ БУЙНЫ ГОЛОВЫ ОТЪ МОГУЧИХЪ ПЛЕЧЪ. МНѢ ЛИ СМѢЛОВАТЬ СКАЗАТЬ ТАКОВЫ РѢЧИ? ТАЛАНЪ БЫТИ ВАМЪ ПОСЛАНЦАМИ! НЕ ТОПТАТЬ БЫ ВАМЪ ТРАВЫ

иуравой. Вѣстно дѣло, что пословъ не съ-
 кутъ, ни рубятъ. Ворочайтесь вы ко князю
 Кіевскому, скажите ему опалу великую. А
 будетъ онъ быти вѣжливымъ, позабудетъ
 онъ править угрозы со послами. А и та ли
 богатырска честь на словахъ грозить! По-
 кажу я вамъ былью, со правдою, какъ по-
 биваютъ богатырей передъ Кіевомъ, какъ
 клюютъ тѣла богатырскія черны вороны,
 какъ таскаютъ кости богатырскія съры
 волки! Прогнѣвилъ князь Кіевскій Царя
 Болгарскаго, того Царя, что живетъ неда-
 лече лукоморья синяго, и велѣлъ Царь Бол-
 горскій привести ему главу Владимірову за
 его неправды великія, за похвальбы бога-
 тырскія, за его терема злотоверхіе, за его
 богатства несмѣтныя. Содержу слово крѣп-
 кое, богатырское, соймаю буйну его голо-

ВУ СО МОГУЧИХЪ ПЛЕЧЬ. ПОГУБЛЮ РОДЪ ПЛЕ-
МЕНЬ И ДВѢНАДЦАТЬ СЫНОВЕЙ, И ДВѢНАДЦАТЬ
ДОЧЕРЕЙ, И ДВѢНАДЦАТЬ СНОХЪ И ДВѢНАДЦАТЬ
ВНУЧАТЬ СО БРАТАНИЧАМИ. НЕ СОКРОЮТЬ КНЯЗЯ
ВЛАДИМИРА ЛѢСА ТЕМНЫЕ, ДУБРАВЫ ДРЕМУЧІЯ;
НЕ СОПАСУТЬ ГОРЫ ВЫСОКІЯ, ТЕРЕМА КРѢПКІЕ;
МНѢ НЕ НАДОБНО НИ ЗЛАТА, НИ СЕРЕБРА, НИ
КАМЕНЬЯ САМОЦВѢТНАГО, НИ ОКУПА ВЕЛИКАГО.
НЕ СКАЖУ ВАМЪ, РЕБЯТИШКИ ГЛУПЫЕ, НЕ-
РАЗУМНЫЕ, КАКЪ ЗОВУТЬ МЕНЯ ПО ИМЕНИ, КАКЪ
ВЕЛИЧАЮТЪ ПО ИЗОТЕЧЕСТВУ; ПОКАЖУ ЛИШЬ
ВАМЪ, КАКОВЫ МОГУЧИ ПЛЕЧИ, КАКОВЫ РУКИ
СИЛЬНЫЯ. »

И СОХВАТИЛЪ ТУГАРИШЪ ЗМѢВИЧЪ КАМЕНЬ
СО КРУТУ ГОРУ, ВОЗМАХНУЛЪ КАМЕНЬ ПОДЪ ОБ-
ЛАКА, И ПОЛЕТѢЛЪ КАМЕНЬ ПО ПОДНЕБЕСЬЮ.
И СТАЛО ВСѢМЪ ЗА СТРАХЪ.

ИДУТЪ МОГУЧИ КНЯЖІЕ БОГАТЫРИ КО СТОЛЬ-

НОМУ ГРАДУ КІЕВУ, А ГОЛОВЫ КЛОНЯТЬ КО
 БѢЛЫМЪ ГРУДЯМЪ, И ОТЪ СТРАХА СЛОВА НЕ
 ВЫМОЛВЯТЬ. ОТПОВѢДАЛИ ПОСЛЫ КНЯЗЮ Вла-
 диміру Кіевскому, солнышку свѣтъ Свято-
 славъевичу про Тугарина Змѣевича. Запе-
 чаловалъ князь Владиміръ, красное сол-
 нышко свѣтъ Святославъевичъ, пуще пре-
 жняго. Стоять князья-бояре, и слово мол-
 вить не смогутъ ко князю Владиміру, лишь
 молвить одинъ воевода Кіевскій. Свѣтъ
 наше солнышко, стольный князь Кіевскій,
 Владиміръ свѣтъ Святославъевичъ! не при-
 кажи рубить, казнити, а вели слово мол-
 вить. Много есть у тебя, свѣтъ наше сол-
 нышко, злата и серебра, каменья самоцвѣт-
 наго, много теремовъ златоверхнихъ; много
 князей и бояръ, болѣе того рати безсмѣт-
 ныхъ и богатырей могучихъ, или нѣтъ по-

ВОЛЬНИКА ПЕРЕВѢДАТЬСЯ СЪ ТУГАРИНЫМЪ ЗМѢ-
ЕВИЧЕМЪ? ВЫМОЛВИ, ОСУДАРЬ, СЛОВО ЛАСКО-
ВОЕ, СВѢТЪ НАШЕ СОЛНЫШКО, ПРИКАЖИ СВО-
ИМЪ СЛОВОМЪ КЛИКНУТЬ КЛИЧЬ НА ПОВОЛЬНИ-
КОВЪ. ВОЗГОВОРИТЬ СТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ,
ВЛАДИМІРЪ СВѢТЪ СВЯТОСЛАВЬЕВИЧЪ: «ГОЙ ТЫ
ЕСИ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ! КЛИКНИ КЛИЧЬ НА
ПОВОЛЬНИКИ, СОБЕРИ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЕЙ ПЕ-
РЕВѢДАТЬСЯ СЪ ТУГАРИНЫМЪ ЗМѢЕВИЧЕМЪ.»

ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ ПОКЛАНЯЕТСЯ, ВЫХОДИТЬ
ИЗЪ ТЕРЕМА ЗЛАТОВЕРХАГО, КЛИЧИТЬ КЛИЧЬ
НА КНЯЖЕМЪ ДВОРѢ. СОБИРАЮТСЯ СЛАВНЫ МО-
ГУЧИ БОГАТЫРИ. ВОЗГОВОРИТЬ ВОЕВОДА КІЕВ-
СКІЯ: «ОЙ ВЫ ЕСИ МОГУЧИ БОГАТЫРИ! ЗАПОВѢ-
ДАМЪ СТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ, ВЛАДИМІРЪ
СВѢТЪ СВЯТОСЛАВЬЕВИЧЪ, КРАСНОЕ СОЛНЫШКО
КІЕВСКОЕ, ПЕРЕВѢДАТЬСЯ СЪ ТУГАРИНЫМЪ ЗМѢ-
ЕВИЧЕМЪ.» А НЕ БЫЛО ОТПОВѢДИ ОТЪ МОГУ-

чихъ богатырей. Кликнулъ кличъ воевода Киевскій во второй разъ, кликнулъ и въ третій разъ. А и не было отповѣди отъ могучихъ богатырей, лишь старшій хоронится за моложева.

Запечаловалъ князь Владиміръ, красное солнышко свѣтъ Святославьевичъ, пуще прежняго. Думалъ крѣпку думушку.

Ни думано, ни гадаю широки ворота заскрипѣли, въѣзжаетъ на дворъ могучъ богатырь. Доспѣхи на немъ ратные: во правой рукѣ держитъ копье булатное, на бедрѣ виситъ мечъ кладенецъ. Конь подъ нимъ воздымается, аки лютъ звѣрь; самъ онъ на конѣ, что ясенъ соколъ. Онъ на дворъ въѣзжаетъ не спрашаючи, не обсылаючи. Подъѣзжаетъ ко крыльцу красному, сходитъ съ добра коня, отдаетъ коня слугѣ

вѣрному. Самъ идетъ во терема златовер-
хѣ, княженецкіе. Слуга привязываетъ коня
среди двора, у столба дубоваго, ко тому
ли золоту кольцу, а своего коня ко кольцу
серебряну. Дивовались князья-бояре и на-
родъ весь Кіевскій, что ни думано, ни га-
дано вѣхалъ могучъ богатырь и идетъ, не
спрошаючи, во теремъ ко князю Владимиру,
стольному Кіевскому, свѣтъ (Святославъеви-
чу. Ты гой еси, удалъ добрый молодець —
спрошалъ воевода Кіевскій — какъ звать
тебя по имени? Какъ величати по изотче-
ству? Царь ли ты, или царевичъ? король
ли ты, или королевичъ? аль ты изъ чу-
жихъ земель грозень посоль? аль ты по-
ляница удалая? — Могучъ богатырь ико-
намъ молится, на всѣ стороны князьямъ-
боярамъ покланяется, а вымолвляеть таковы

рѣчи : Ой вы еси, князья-бояре! Будеть скажу вамъ всю правду, ино нѣче вымолвить станетъ самому князю. Бѣхалъ тридцать три дня и тридцать три ночи до стольнаго града Кіева, до солнышка князя Владиміра, до свѣта Святославьевича, съ добра коня не слезаючи, дней и ночей не просыпаючи.—И вводятъ князья-бояре могуча богатыря во теремъ княжецкій ко ласкову Осударю князю Владиміру.

Могучь богатырь иконамъ молится, на всѣ стороны поклоняется, а князю Владиміру ниже того.—Ты гой еси, удалый, добрый молодець, ты скажи намъ, какъ зовутъ тебя по имени, какъ величаютъ по изотечеству?—Осударь, стольный князь Кіевскій! возговорить могучь богатырь — по имени зовутъ меня Добрыня, по изотече-

СТВУ ВЕЛИЧАЮТЪ НИКИТИЧЕМЪ, А ПРИВХАЛЪ
КЪ ТЕБѢ, ОСУДАРЬ, ИЗЪ ВЕЛИКАГО НОВОГОРО-
ДА СЛУЖИТЬ ВЪРОЮ И ПРАВДОЮ.—ИСПОСЛАТЬ
ТЕБѢ, УДАЛЫЙ, ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ! ПРОГОВО-
РИТЬ ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ, СОЛНЫШКО
СВѢТЪ СВЯТОСЛАВЬЕВИЧЪ.—А ВИДѢЛЪ ЛИ ТЫ,
ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ, ВО МОЕМЪ ПОЛѢ ЗАПО-
ВѢДАННОМЪ ТУГАРИНА ЗМѢЕВИЧА? ОНЪ, ЗЛО-
ДѢЙ, ДО ДОСТОЛЬНАГО ГРАДА КІЕВА НЕ ПРО-
ПУСКАЕТЪ НИ КОННАГО, НИ ПѢШАГО, НИ ЗВѢ-
РЯ, НИ ПТИЦУ. — НАДЕЖА, ОСУДАРЬ, ДОСЕЛѢ
МНѢ, МОЛОДЦУ, ЕЩЕ НЕ БЫЛО ДОРОГИ ЗАПЕР-
ТЫЯ. ПРОѢЗЖАЛЪ Я ГОРЫ ВЫСОКІЯ, ПРОХО-
ДИЛЪ Я ЛѢСА ТЕМНЫЕ, ПЕРЕПЛЫВАЛЪ Я РѢКИ
ГЛУБОКІЯ, ПОБИВАЛЪ Я СИЛЫ РАТНЫЯ, ПРОГО-
НЯЛЪ Я СИЛЬНЫХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЕЙ; А
НОНѢСЪ ЛИ МНѢ УРОБѢТЬ ТУГАРИНА? СОВЕРНУЛЪ
БЫ Я ЕМУ БУЙНУ ГОЛОВУ СО МОГУЧИХЪ ПЛЕ-

ЧЕЙ ВО ТВОЕМЪ ВО ПОЛѢ ЗАПОВѢДАННОМЪ, ДА
 ТЫ-БѢ, ОСУДАРЬ, МОЮ СЛУЖБУ НЕ ВИДАЛЪ; И
 ХОЧУ Я, ОСУДАРЬ, СОСЛУЖИТЬ ТЕБѢ СЛУЖБУ
 ПРИ ТВОЕМЪ ЛИЦЕ ЯСНОМЪ, ПРИ ТВОИХЪ МОГУ-
 ЧИХЪ БОГАТЫРЯХЪ. И СПОЗНАЛЪ СТОЛЬНЫЙ
 КНЯЗЬ КІЕВСКІЙ ПРО ДОБРЫНЮ НИКИТИЧА.
 А ВТАПОРЫ НИКОМУ НЕ ОТПОВѢДАЛЪ ПРО
 ДОБРЫНЮ.

И БЫЛО ЗА ДИВО КНЯЗЬЯМЪ-БОЯРАМЪ И МО-
 ГУЧИМЪ КНЯЖІИМЪ БОГАТЫРЯМЪ ДОРОДСТВО И
 ВѢЖСТВО ДОБРЫНЮШКИ НИКИТИЧА. ВТА-
 ПОРЫ ПОВЕЛЪ ЕГО КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ КІЕВСКІЙ
 ВО ГРИДНИЦЫ СВѢТЛЫЯ. НА НЕБѢ ЯСНО, ВЪ
 ТЕРЕМѢ ЯСНѢЙ ТОГО; НА НЕБѢ ЗВѢЗДЫ ИЗНАСѢ-
 ЯНЫ, ВЪ ТЕРЕМѢ БОГАЧЕСТВОМЪ ИЗУКРАШЕНО;
 НА НЕБѢ ПОДЗАРЕВО ПЫЛАЕТЪ, ЧТО РАДОСТЬ
 НЕБЕСНАЯ, ВЪ ТЕРЕМѢ КНЯГИНЯ АПРАКСѢВНА
 КРАСУЕТСЯ КРАСОТОЮ НЕСКАЗАННОЮ. СОСЛУЖИ

мнѣ службу Добрынюшка Никитичъ , —
возговоритъ Владиміръ, стольный князь
Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославъевичъ,
а я тебѣ за то пожалую златомъ, и сере-
бромъ и каменьями самоцвѣтными. — Кло-
нитъ Добрынюшка голову до полу, а го-
воритъ таковы слова : « ты гой еси нашъ
батюшка, Владиміръ стольный князь Кіев-
скій, солнышко свѣтъ Святославъевичъ!
Не прикажи казнить, рубити, а прикажи
слово вымолвити. Не надо мнѣ ни злата,
ни серебра , ни каменья самоцвѣтнаго , а
подаруй меня, Осударь, словомъ ласковымъ
за мою службу вѣрную. Надъ тобой, Осу-
дарь, Тугаринъ Змѣевичъ насмѣхается, и
грозитъ онъ злодѣй за похвальбы богатыр-
скія, за терема златоверхіе, за богатства не-
смѣтныя, за неправды великія отъ тебя

Осударь, ко Царю Болгарскому. Вымолви, Осударь, слово ласковое, прикажи опровѣдать силу съ Тугариномъ Змѣевичемъ. — Гой еси ты, удалый, добрый молодецъ! возговоритъ Владиміръ, стольный князь Кіевскій. Добрынюшка Никитѣевичъ жалъ де мнѣ тебя отпустить на погубу къ Тугарину Змѣевичу: злодѣй держится еретичествомъ; а и есть у меня за тысячу могучихъ богатырей, а за тысячей рати нѣтъ числа, а опровѣдать силы съ Тугаринымъ Змѣевичемъ никто отповѣди не прислалъ.

А въ тѣ поры воевода Кіевскій билъ челомъ до полу, вымолвлялъ таковы рѣчи: прикажи, Осударь, своимъ словомъ заповѣданнымъ опровѣдать силы всѣмъ богатырямъ съ Добрынею Никитичемъ. И не положилъ князь отповѣди про Добрыню Ни-

китича. А Добрыня-то Никитьевичъ воздымается на воеводу Кіевскаго, и бьетъ челомъ до полу князю Владиміру, а вымолвляеть таковы рѣчи: Не таланъ мнѣ, Осударь, быть въ послугахъ у воеводы Кіевскаго; не пригоже мнѣ крушить могучихъ богатырей княжихъ. На томъ Добрынюшка и рѣчь свою ставилъ. И порѣшилъ Владиміръ стольный князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославьевичъ, быть бою у Добрыни Никитича съ Тугаринымъ Змѣевичемъ.

Изъ Кіева было, изъ стольнаго града, какъ ѣдетъ добрый молодецъ, сильный могучъ богатырь, Добрыня, а Добрыню, вѣдь, братцы, величаютъ по изотечеству Никитичемъ, а съ Добрыней-то, вѣдь, ѣдетъ Торопъ слуга, а ѣдетъ Добрыня отповѣдь чи-

нить съ Тугариномъ. Поднимается Тугаринъ выше лѣсу стоячева, а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака по-поднебесью. Взвился конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячева, до облака ходячева, самъ-то Добрыня мечемъ рубить Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, во его крылья бумажныя. И упалъ онъ Тугаринъ на сыру землю; а Добрыня ему голову свернулъ, голову свернулъ, на копье взоткнулъ, на копье взоткнулъ, ко граду Кіеву вернулъ.

И посылаетъ Владиміръ, стольный князь Кіевскій, солнышко свѣтъ Святославъевичъ къ Добрынюшки Никитичу златъ перстень со правой руки, а княгиня Апраксѣевна ширинку шелковую, златошвейную. А до-

ПРАВЛЯЛЪ ДАРЫ ВСЕВОДА КІЕВСКІЙ ОТЪ КНЯЗЯ
ВЛАДИМІРА И ОТЪ КНЯГИНИ АПРАКСѢВНЫ.

Во славномъ городѣ было во Кіевѣ, у
стольнаго князя Владиміра, у солнышка
свѣтъ Святославъевича было пированье
почетное, почетное и похвальное, про кня-
зей-бояръ, про сильныхъ могучихъ бога-
тырей, про всю поляницу удалую, про
Добрыню свѣтъ Никитича. Въ полсыта
князья-бояре наѣдались, въ полъпьяна мо-
гучи княжіе богатыри напивались; а какъ
послѣдняя ѣства на столъ пошла, послѣд-
няя ѣства лебединая, Владиміръ стольный
князь Кіевскій похваляется, а въ похвальбѣ
своей вымолвляеть таковы рѣчи: «а и не
было такого удалаго, добраго молодца во
стольномъ городѣ Кіевѣ опричь Добрыни
Никитича!»

2. Въ спискѣ Демидовскомъ стоитъ: Сударь. СМОТР. ИЗДАНИЕ КАЛАЙДОВИЧА, СТР. 61.

3. ПАВАЛУШЕЮ НАЗЫВАЛАСЬ ВЕРХНЯЯ КЛѢТЬ, ВЪ КОЕЙ ОХОТНИКЪ СОДЕРЖАЛИ ГОЛУБЕЙ.

4. «МЕДВЯНЫЯ ПИТЬЯ» — СТАРОЕ НАЗВАНІЕ МЕДОВАГО НАПИТКА. ЭТО ЖЕ САМОЕ НАЗЫВАЛИ «МЕДЪЯНЫЯ.»

5. Въ Русскомъ чернокнижии есть повѣрье: СНИМАТЬ ГОРЯЧІЕ СЛѢДЫ ДЛЯ ЗАГОВОРОВЪ. Здѣсь описывается чародѣйство, совершаемое на любовь.

6. Есть народная сказка о змѣѣ Горыничѣ. Эта сказка начинается такъ:

«Повадился СОБАКА змѣѣ Горынчищѣ ЛЕТАТЬ НА КРЫЛЕЧКО КРАСНОЕ, КО ДУШѢ КРАСНОЙ ДѢВИЦѢ, ЗНОБИТЬ ЕЯ СЕРДЦЕ РЕТИВОЕ, ЖЕЧЬ ЕЯ КРОВЬ ПАЛЮЧУЮ. А змѣѣ-то Горынчищѣ О ДЕВЯТИ ГОЛОВАХЪ, ЧТО О ДЕВЯТИ ГО-

ЛОВАХЪ, ОБЪ ОДНОМЪ ХВОСТЪ; А НОГИ У ГО-
РЫНЧИЩИ, ЧТО ДУБОВОЙ ПЕНЬ, О ДЕВЯТИ О-
ХВАТЪ. ВО ПОЛЪ ГОРЫНЧИЩА ЗМЪЕМЪ ЛЕ-
ТАЕТЪ, А ВО ГОРНИЦУ ГОРЫНЧИЩА УДАЛЫМЪ,
ДОБРЫМЪ МОЛОДЦОМЪ ЗАХОДИТЪ. А ДЫШЕТЪ
ГОРЫНЧИЩА ПО ЗМЪИНОМУ, ШИПИТЬ ПО ТУРИ-
НОМУ; ОНЪ ШИПЪ ПУСКАЕТЪ ПОДЪ ОБЛАКИ, А
ПЛАМЯ ИЗЪ РТА ВАЛИТЪ ДО ПОДНЕБЕСЬЮ. А
ПОСОХЪ-ТО У ГОРЫНЧИЩА СЕМИПУДОВОЙ, ЧТО
СЕМИПУДОВОЙ, ВЯЗОВОЙ. А ЖИВЕТЪ-ТО ГОРЫН-
ЧИЩА НЕ ВЪСТЬ ГДѢ : ЗА ТРИДЕСЯТЬ ЗЕМЕЛЬ,
ВЪ ТРИДЕСЯТОМЪ ЦАРСТВѢ, НА МОРѢ НА ОКЕА-
НѢ, НА ОСТРОВѢ БУЯНѢ, ПОДЪ СЕМИ ДУБАМИ.
А ГНѢЗДО-ТО У ГОРЫНЧИЩА СВИТО НА СЕМИ
ДУБАХЪ, ЧТО НА СЕМИ ДУХЪ СЪ ХРУСТАЛЬНЫ-
МИ ПЕРЕКЛАДИНКАМИ. А ВО ГНѢЗДѢ-ТО У ГО-
РЫНЧИЩА СТОИТЪ ТЕСОВА КРОВАТЬ, ЧТО ТЕ-
СОВА КРОВАТЬ ЗОЛОТЧАТАЯ; А НА КРОВА-

ТИ-ТО ЗОЛОТОЧАТОЙ ПЕРИНЫ ПУХОВЫЯ, ВОЗ-
 ГОЛОВЬИЦЕ КАМЧАТНО, А ВОКРУГЪ КРОВАТИ-
 ТО ЗОЛОТЧАТОЙ ШИТОЙ БРАНОЙ ПОЛОЖЕКЪ.
 По верхъ гнѣзда Горынчищина, стоятъ
 гусли самогуды. Будеть во гнѣздѣ Го-
 рынчища, поють птицы райскія пѣсни
 царскія; будетъ изъ гнѣзда летить Горын-
 чища, гусли самогуды гудятъ пѣсни Оряж-
 скія. А ѣсть-то Горынчища не по человѣ-
 чью: питья медвянаго выпиваетъ по семи-
 пудовому котлу, а заѣдаетъ по цѣлому
 быку.»

7. Въ изданіи Калайдовича эта пѣснѣ
 напечатана отдѣльною статьею на стр 195.

8. Слова: «Алюторы, Люторы, — наши
 предки принимали въ смыслъ Ливонскихъ
 Лютеранъ.

9. И эта пьеса въ изданіи Калайдовича напечатана отдѣльною статьею стр. 360.

10. Здѣсь очевидно пропускъ въ моей рукописи, тоже самое находится и въ изданіи Калайдовича.

11. И эта пьеса въ изданіи Калайдовича напечатана отдѣльною статьею.

12. Здѣсь также замѣтенъ пропускъ въ сличеніи двухъ предшествующихъ стиховъ.

13. Про Илью Муромца есть у насъ народная сказка.

«Во славномъ было городъ во Муромѣ, во томъ селѣ Карачаебѣ, жилъ былъ крестьянинъ по имени Иванъ, по изотчеству Тимофеевичъ. А было у него любимое дѣтище, Илья Муромецъ, а и то-то дѣтище сидѣло сиднемъ 30 лѣтъ. А ни думано, ни гадаемо стало его дѣтище на ноги крѣпко,

ПРОБОВАЛЪ СИЛУ ВЕЛИКУЮ. ОТЕЦЪ И МАТЬ СЪ
 ДИВУ ДИВОВАЛИСЯ, ЧТО СОДѢЯЛОСЬ СЪ ИХЪ
 ЛЮБИМЫМЪ ДѢТИЩЕМЪ, СЪ ИЛЬЕЮ МУРОМ-
 ЦЕМЪ. И ЗАДУМАЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ ДѢЛО
 ВЕЛИКОЕ: ДѢЛАЕТЪ СБРУЮ РАТНУЮ, КУЕТЪ КО-
 ПЬЕ БУЛАТНОЕ, СЪДЛАЕТЪ КОНЯ БОГАТЫРСКАГО,
 ВХОДИТЬ КЪ ОТЦУ КЪ МАТЕРИ, ПРОСИТЬ БЛАГО-
 СЛОВЕНІЕ ВЕЛИКОЕ. «ОСУДАРЬ, ТЫ МОЙ БАТЮШ-
 КА, ОСУДАРЫНЯ, ТЫ МОЯ МАТУШКА, СОИЗВОЛЬТЕ
 ВЫСЛУШАТЬ СЛОВО ВЕЛИКОЕ: ПОЗАДУМАЛОСЬ
 МНѢ ВО СТОЛЬНЫЙ ГРАДЪ КІЕВЪ БОГУ ПОМОЛИ-
 ТИСЯ, КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ ПОКЛОНИТИСЯ.» И
 БИЛЪ ЧЕЛОМЪ ИЛЬЯ МУРОМЕВЪ ОТЦУ СЪ МА-
 ТЕРЬЮ. КАКЪ ВОЗГОВОРЯТЬ ОТЕЦЪ СЪ МАТЕРЬЮ:
 ЛЮБИМОЕ НАШЕ ДѢТИЩЕ! НА КОГО НАСЪ СТА-
 РЫХЪ ПОКИДАЕШЬ? — И БИЛЪ ЧЕЛОМЪ ИЛЬЯ МУ-
 РОМЕЦЪ ОТЦУ СЪ МАТЕРЬЮ ПУЩЕ ТОГО. И ДА-
 ЮТЪ ЕМУ ОТЕЦЪ СЪ МАТЕРЬЮ БЛАГОСЛОВЕНІЕ

ВЕЛИКОЕ, И БЛАГОСЛОВЯ, КЛАДУТЪ НА НЕГО ЗАПОВѢДЬ КРѢПКУЮ, И ГОВОРЯТЪ ТАКОВЫ РѢЧИ: ПОѢЗЖАЙ, НАШЕ ЛЮБИМОЕ ДѢТИЩЕ ПРЯМО НА КІЕВЪ ГРАДЪ, ПРЯМО НА ЧЕРНИГОВЪ ГРАДЪ. А БУДЕШЬ ВЪ ПУТИ ДОРОЖЕНКИ, БЕРЕГИСЬ ОБИДЫ КРОВНЫЯ, НЕ ПРОЛИВАЙ КРОВИ ХРИСТИАНСКОЙ НАПРАСНО.» И ПРИНИМАЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ БЛАГОСЛОВЕНІЕ, И ЧИНИЛЪ ОТПОВѢДЬ СОБЛЮДАТЬ ЗАПОВѢДЬ КРѢПКУЮ.

КАКЪ ИЗЪ СЛАВНАГО ГОРОДА ИЗЪ МУРОМА, ИЗЪ ТОГО СЕЛА КАРАЧАЕВА БЫЛА ПОѢЗДКА БОГАТЫРСКАЯ, СНАРЯЖАЛСЯ БОЛЬШИМЪ НАРЯДОМЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ КО СТОЛЬНОМУ ГОРОДУ КО КІЕВУ ТОЮ ДОРОГОЮ ПРАМОѢЗЖЕЮ, КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ, ЗАЛОЖИЛЪ ЕЕ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ, И НЕ ПРОПУЩАЕТЪ ТОТЪ СОЛОВЕЙ НИ КОННАГО НИ ПѢШАГО, А ПОБИВАЕТЪ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ КОННАГО И ПѢША-

ГО НЕ БОЕВЫМЪ БОЕМЪ, А СВОИМЪ СВИСТОМЪ.
 И кладетъ Илья заповѣдь великую, что
 проѣхать ту дорогу прямоѣзжею, котора за-
 легла тридцать лѣтъ: не вымать изъ на-
 лушка тогой лукъ, не вымать изъ колчана
 калену стрѣлу. И выѣхалъ Илья во чисто
 поле, и завидѣлъ попрыски богатырскія и
 на тотъ слѣдъ поѣхалъ. И стегаетъ онъ
 коня по тучнымъ бедрамъ, и конь подъ
 Ильею осержается. Онъ перву скокъ сту-
 пилъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ
 прѣѣхалъ на тѣ лѣса Брынскіе, на тѣ грязи
 Смоленскія, на тѣ мосты калиновы, ко той
 рѣкѣ Смородинѣ. А самъ Илья на конѣ,
 какъ ясенъ соколъ.

И поѣхалъ Илья Муромецъ чрезъ тѣ лѣ-
 са Брынскіе, чрезъ черны грязи Смоленскія,
 и заѣхалъ Илья во темны лѣса, а въ тем-

НѢХЪ ЛѢСАХЪ НАВѢХАЛЪ НА БѢЛЫ ШАТРЫ, А
ВЪ БѢЛЫХЪ ШАТРАХЪ ПИРЪ ПИРОВАЛИ СТАНИ-
ШНИКИ, ПО НАШЕМУ ВОРЫ-РАЗБОЙНИКИ. И КАКЪ
ВЗВИДѢЛИ ВОРЫ-РАЗБОЙНИКИ ИЛЮ МУРОМЦА,
РАЗГОРѢЛИСЬ РЕТИВЫ СЕРДЦА РАЗБОЙНИЧЬЯ НА
КОНЯ БОГАТЫРСКАГО, И СТАЛИ ПРОМЕЖЬ СЕБЯ
РЪЧЬ ДЕРЖАТЬ: КАБЫ ДОСТАТЬ ТОГО КОНЯ БО-
ГАТЫРСКАГО: ЭКОВА КОНЯ СЛЫХОМЪ НЕ СЛЫ-
ХАТЬ, ВИДОМЪ НЕ ВИДАТЬ, А НОНѢСЬ ПРОЯВИЛ-
СЯ ВО ОЧЬЮ, ДА И ВѢДЕТЬ НА ТОМЪ КОНѢ НЕ-
ЗНАМОЙ ЧЕЛОВѢКЪ. И СТАЛИ ВОРЫ-РАЗБОЙНИ-
КИ ВОЗМУЩАТЬ ЗОЛЬНИЦУ, КАБЫ ДОСТАТЬ КО-
НЯ БОГАТЫРСКАГО. И ОБЛАВИЛИ КРУГОМЪ ИЛЮ
СТАНИШНИКИ, ОГРАБИТИ ЕГО СТАРАГО ХОТЯТЪ,
СЪ ДУШОЙ СЪ ЖИВОТОМЪ РАЗЛУЧИТЬ ХОТЯТЪ.
А И ЗАВИДѢЛЬ-ТО ИЛѢ МУРОМЕЦЪ, А ЗАВИДѢВ-
ШИ, КОНЯ СВОЕГО БОГАТЫРСКАГО ОСТАНАВЛИ-
ВАЕТЪ, А САМЪ ГОВОРИТЪ: «А И ГОЙ ЕСИ ВЫ

БРАТЦЫ, СТАНИШНИКИ! УБИТЬ МЕНЯ СТАРАГО
 НЕ ЗА ЧТО, А ВЗАТИ У СТАРАГО НѢЧЕГО. СЪ
 ИЛЬЕЮ, ВѢДЬ, ДЕНЕРЪ НЕ ГОДИЛОСЯ, ТОЛЬКО
 БЫЛО СЪ НИМЪ ЗОЛОТЫХЪ СЕМЬ ТЫСЯЧЕЙ, ДА
 ДРОБНЫХЪ ДЕНЕГЪ СОРОКЪ ТЫСЯЧЕЙ. КОНЮ
 ПОДЪ ИЛЬЕЮ ЦѢНЫ НЕ БЫЛО: БРОДУ ОНЪ НЕ
 СПРАШИВАЛЪ, КОТРА РѢКА ЦѢЛА ВЕРСТА, И
 СКАЧЕТЪ ОНЪ СЪ БЕРЕГУ НА БЕРЕГЪ. РАЗРУ-
 ШАЕТЪ ИЛЬЯ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИКУЮ, ВЫНИМАЕТЪ
 ИЗЪ НАЛУШНА ТУГОЙ ЛУКЪ, ВЫНИМАЕТЪ ИЗЪ
 КОЛЧАНА КУЛЕНУ СТРѢЛУ. А СТРѢЛЯЕТЪ ИЛЬЯ
 НЕ ПО СТАНИШНИКАМЪ, А СТРѢЛЯЕТЪ ОНЪ ПО
 СЫРУ ДУБУ. А СПѢЛА БЫЛА ТЕТИВКА У ТУ-
 ГА ЛУКА, УГОДИЛА СТРѢЛА ВЪ СЫРЪ КРЯКОВЯ-
 СТОЙ ДУБЪ, ИЗЛОМАЛА ВЪ ЧЕРЕНЬЯ ВЪ НОЖЕ-
 ВЫЕ ДУБЪ. ОТЪ ТОГО-ЛЬ ГРОМА БОГАТЫРСКА-
 ГО СТАНИШНИКИ ИСПУГАЛИСЯ: А И ПЯТЬ ОНИ
 ЧАСОВЪ БЕЗЪ УМА ЛЕЖАТЪ, А И БУДТО ОТЪ

СНА САМИ ПРОБУЖДАЮТСЯ. ЗАМѢШАЛИСЬ ВО-
 РЫ-РАЗБОЙНИКИ, СОБИРАЛИСЬ ВО ЕДИНЪ КРУГЪ,
 И ПАДАЛИ НА КОЛѢНИ ДО ЕДИНА. «ОСУДАРЬ ТЫ
 НАШЪ БАТЮШКА, УДАЛЫЙ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ!
 НЕ СОИМАЙ НАШИ БУЙНЫЯ ГОЛОВЫ: ПРОГРѢ-
 ШИЛИСЬ МЫ ПРЕДЪ ТОБОЮ. ВОЗЬМИ ТЫ НАСЪ
 ВЪ ХОЛОПСТВО ВѢКОВѢЧНОЕ, ДАДИМЪ РУКОПИ-
 САНЬЕ СЛУЖИТЬ ДО ВѢКУ. БЕРИ ИЗЪ НАШЕЙ
 КАЗНЫ ЗЛАТА И СЕРЕБРА, И ПЛАТЯЯ РАЗНО-
 ЦВѢТНАГО.» ГЛУПЫЕ ВЫ, ВОРЫ-РАЗБОЙНИКИ,
 ВОЗГОВОРИТЬ ИЛЯ МУРОМЕЦЪ, КУДА МНѢ ДѢ-
 ВАТЬ ВАШУ КАЗНУ? НАГРАЖУ ВАСЪ ЖИВОТОМЪ,
 И ЖИЗНІЮ, А ВЫ СОДЕРЖИТЕ ПОКОРНОСТЬ ДО
 МОЕГО ПРИѢЗДА.

И ПОВѢХАЛЪ ИЛЯ МУРОМЕЦЪ КО СТОЛЬНОМУ
 ГОРОДУ КІЕВУ, ТОЮ ДОРОГОЮ ПРЯМОѢЗЖЕЮ,
 КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ, А ЗА-
 ЛОЖИЛЪ ЕЕ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ, А НЕ ПРО-

ПУЩАЕТЪ ТОТЪ СОЛОВЕЙ НИ КОННАГО НИ ПЪ-
ШАГО, А ПОБИВАЕТЪ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ КОН-
НАГО И ПЪШАГО НЕ БОЕВЫМЪ БОЕМЪ, А СВО-
ИМЪ СВИСТОМЪ. И КЛАДЕТЪ ИЛЬЯ ЗАПОВѢДЬ
ВЕЛИКУЮ, ЧТО ПРОѢХАТЬ ТУ ДОРОГУ ПРЯМО
ѢЗЖЕЮ, КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ:
НЕ ВЫМАТЬ ИЗЪ НАЛУШНА ТУГОЙ ЛУКЪ, НЕ
ВЫМАТЬ ИЗЪ КОЛЧАНА КАЛЕНУ СТРѢЛУ. И ВЫѢ-
ХАЛЪ ИЛЬЯ ВО ЧИСТО ПОЛЕ, И ЗАВИДѢЛЪ ПО-
ПРЫСКИ БОГАТЫРСКИЯ, И НА ТОТЪ СЛѢДЪ ПО-
ѢХАЛЪ. И СТЕГАЕТЪ ОНЪ КОНЯ ПО ТУЧНЫМЪ
БЕДРАМЪ, И КОНЬ ПОДЪ ИЛЬЕЮ РАЗСЕРЖАЕТСЯ.
ОНЪ ПЕРВУ СКОКЪ СТУПИЛЪ ЗА ПЯТЬ ВЕРСТЪ,
А ВЪ ДРУГОЙ УСКОКЪ ПРИѢХАЛЪ НА ТѢ ЛѢСА
БРЫНСКІЕ, НА ТѢ ЧЕРНЫ ГРЯЗИ СМОЛЕНСКІЕ,
НА ТѢ МОСТЫ КАЛИНОВЫ, КО ТОЙ РѢКѢ СМОРОДИ-
НѢ. А САМЪ ИЛЬЯ НА КОНѢ, КАКЪ ЯСЕНЬ СО-
КОЛЬ. ПОДЪѢЗЖАЕТЪ ОНЪ КО ГРАДУ ЧЕРНИГОВУ,

А ПОДЪ ГРАДОМЪ ЧЕРНИГОВОМЪ СТОИТЬ СИЛА
 БАСУРМАНСКАЯ, ЧТО И СМѢТЫ НѢТЬ, А ХОЧЕТЬ
 СИЛА БУСУРМАНСКАЯ ОБЛОЖИТЬ ЧЕРНИГОВЪ
 ГРАДЪ, СТѢНЫ РАЗЛОМАТЬ, ИЗВѢЧНЫЯ ДОМЫ
 БОЖІИ НА ДЫМЪ ПУСТИТЬ, А САМАГО КНЯЗЯ
 ЧЕРНИГОВСКАГО СЪ ВОЕВОДОЮ ЖИВА ВО ПО-
 ЛОНЪ ВЗЯТЬ. И ЖАЛЬ СТАЛО ИЛЬѢ МУРОМЦУ
 ГОРОДА ЧЕРНИГОВА, И УЧАЛЪ БИТЬ СИЛУ БУ-
 СУРМАНСКУЮ КОПЬЕМЪ БУЛАТНЫМЪ. И ДО ЗА-
 КАТА ВЕЧЕРНЯГО ПОБИЛЪ ОНЪ СИЛУ БАСУРМАН-
 СКУЮ, ПОЛОНИЛЪ ЦАРЯ БАСУРМАНСКАГО И ПО-
 ВЕЛЪ ЕГО ВЪ ЧЕРНИГОВЪ ГРАДЪ. НА ВСТРѢЧУ
 ЕМУ ИДУТЬ ИЗЪ ГРАДА ЧЕРНИГОВА КНЯЗЬ СЪ
 ВОЕВОДОЮ, И ВСѢ ПОСАДСКІЕ ЛЮДИ, СТАРЬ И
 МАЛЪ, СЪ ХЛѢБОМЪ СЪ СОЛЮ. И ПРИИМАЮТЪ
 ЕГО ДОБРАГО МОЛОДЦА ПОДЪ БѢЛЫ РУКИ И ЧЕ-
 СТВУЮТЪ ЧЕСТЬ ВЕЛИКОЮ.

И ПОВѢХАЛЪ ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ КО СТОЛЬНОМУ

ГОРОДУ КІЕВУ, ТОЮ ДОРОГОЮ ПРЯМОЎЗЖЕЮ,
 КОТОРА ЗАЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЬ, А ЗАЛО-
 ЖИЛЪ ЕЕ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ, НЕ ПРОПУЩАЕТЪ
 ТОТЪ СОЛОВЕЙ НИ КОННАГО, НИ ПѢШАГО, А ПО-
 БИВАЕТЪ СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИКЪ КОННАГО И ПѢ-
 ШАГО НЕ БОЕВЫМЪ БОЕМЪ, А СВОИМЪ СВИСТОМЪ.
 И КЛАДЕТЪ ИЛѢЯ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИКУЮ, ЧТО
 ПРОѢХАТЬ ТУ ДОРОГУ ПРЯМОЎЗЖЕЮ, КОТОРА ЗА-
 ЛЕГЛА РОВНО ТРИДЦАТЬ ЛѢТЬ: НЕ ВЫМАТЬ ИЗЪ
 НАЛУШНА ТУГОЙ ЛУКЪ, НЕ ВЫМАТЬ ИЗЪ КОЛЧА-
 НА КАЛЕНУ СТѢЛУ. И ВЫѢХАЛЪ ИЛѢЯ ВО ЧИ-
 СТО ПОЛЕ, И ЗАВИДѢЛЪ ПОПРЫСКИ БОГАТЫР-
 СКІЯ, И НА ТОТЪ СЛѢДЪ ПОѢХАЛЪ. И СТЕГАЕТЪ
 ОНЪ КОНЯ ПО ТУЧНЫМЪ БЕДРАМЪ, И КОНЬ ПОДЪ
 ИЛѢЮ ОСЕРЖАЕТСЯ. ОНЪ ПЕРВУ СКОКЪ СТУ-
 ПИЛЪ ЗА ПЯТЬ ВЕРСТЪ, А ВЪ ДРУГОЙ УСКОКЪ
 ПРИѢХАЛЪ НА ТѢ ЛѢСА БРЫНСКІЕ, НА ТѢ ГРЯЗИ
 СМОЛЕНСКІЯ, НА ТѢ МОСТЫ КАЛИНОВЫ, КО ТОЙ

рѣкъ Смородинѣ. А самъ Илья на конѣ,
какъ ясенъ соколъ.

Какъ будетъ Илья во темныхъ лѣсахъ,
во темныхъ лѣсахъ, во Брынскихъ, наѣз-
жалъ Илья на девять дубовъ, и наѣхалъ
онъ Илья на Соловья разбойника. И заслы-
шалъ Соловей разбойникъ того ли топу ко-
нинаго, и тоя ли онъ поѣздки богатырскія,
и засвисталъ Соловей по соловьиному, и
въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣи-
ному, а втретий зрявкаетъ по звѣриному.. »

14. Соображаясь съ народною прозаиче-
скою сказкою, этотъ отрывокъ долженъ быть
въ срединѣ повѣсти; но онъ въ нашемъ спи-
скѣ стоитъ въ концѣ, а въ изданіи Калай-
довича помѣщенъ въ концѣ книги отдѣль-
ною статьею.

15. Про Василья Буслаевича есть у насъ народная сказка.

«Во славномъ было въ Великомъ Новѣградѣ, а и жилъ былъ тамъ Буслай девяностолѣтъ, а и жилъ Буслай съ Новымъ городомъ во миру: со мужики Новгородскими не перечился, со житыми посацкими поперегъ словечка не говаривалъ. Жилъ Буслай и состарѣлся, состарѣлся и переставился. Послѣй его въку долгаго, оставалось житье-бытье великое: все имѣнье посацкое, да оставалася матера вдова, матера вдова Амелѣа Тимофеевна, да оставалось чадо его милое, молодой сынъ Василь Буслаевичъ. И будетъ молодой Васька на возрастъ, отдавала его родная матушка, матера вдова Амелѣа Тимофеевна граматъ да пѣнью церковному учить. Грамата и

пѣнье Васькѣ въ наукѣ пошло. А и небыло въ Новѣгородѣ такого молодца супротивъ Василья Буслаева. А и стало Васькѣ пятнадцать лѣтъ, выходитъ Васька на улицу на Рогатицу играть со малыми со ребятами. Повадился Васька на улицу на Рогатицу гулять, со удалыми молодцами до пьяну напиватися. А и ходитъ Васька съ ними по улицѣ, а ходитъ — уродуетъ: котораго возьметъ за руку, изъ плеча руку выдернетъ, котораго заденетъ за ногу, у того ногу выдернетъ, котораго возьметъ за голову, у того головы не бывало. Пошла по Новугороду жалоба великая на Ваську Буслаева. Сошлись мужики Новгородскіе и думали думушку крѣпкую. А мужики-то Новгородскіе, все люди посадскіе, богатые, несутъ жалобу великую къ матерой вдовѣ

АмелѡѢ ТимофеевнѢ, и говорятъ таковы
рѣчи: «Ты гой еси, честна вдова АмелѡѢ
Тимофеевна! Уйми ты свое чадо милое,
ВасильѢ БуслаевичѢ. Ходить онѢ на ули-
цу на Рогатицу, водить дружбу со удамы-
ми молодцы, со удалыми молодцы до пъя-
ну напивается надѢ мужики Новгородски-
ми насмѣхается: котораго возьметъ за руку,
изъ плеча руку выдернетъ, котораго возъ-
метъ за ногу, ногу выдернетъ, котораго
возьметъ за голову, головы не бывало. Со-
изволь, честна вдова АмелѡѢ Тимофеевна
сказать свою заповѣдь Василью Буслаевичу
не ходить на улицу на Рогатицу, не играть
по своему. УжѢ нашѢ Великой НовгородѢ
отъ его шутокъ людьми порѣже сталѢ. И
чинить отповѣдь честна вдова АмелѡѢ Ти-
мофеевна мужикамъ Новгородскимъ, обѣ-

ЩАЕТЪ НАДЪ ВАСЬКОЮ ДАТЬ ОПРАВУ. И ЧИ-
НИТЬ ПОЧЕСТЬ ЧЕСТНА ВДОВА АМЕЛОА ТИМО-
ФЕЕВНА МУЖИКАМЪ НОВАГОРОДСКИМЪ.»

А И СТАЛА МАТЬ ВАСЬКУ ЖУТИТЬ, БРАНИТЬ,
ЖУРИТЬ, БРАНИТЬ, ЕГО НА УМЪ УЧИТЬ: ПЕРЕ-
СТАТЬ ВАСЬКА НА УЛИЦУ НА РОГАТИЦУ ХО-
ДИТЬ; НЕ ВОДИСЬ СЪ УДАЛЫМИ МОЛОДЦЫ, НЕ
ПЕЙ ВИНА ДО ПЬЯНА, НЕ ШУТИ ШУТОКЪ ДО
СМЕРТНОВА СЪ МУЖИКАМИ НОВАГОРОДСКИМИ. НЕ
ВЪ ТВОИ ЛѢТА МАЛЫЯ ШУТИТЬ ШУТКИ БОГА-
ТЫРСКИЯ: ВЫИМАТЬ РУКИ ИЗЪ МОГУЧИХЪ ПЛЕЧЬ,
СОИМАТЬ БУЙНЫ ГОЛОВЫ СО ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.
СКОРБЯТЬ НА ТЕБЯ МУЖИКИ НОВАГОРОДСКІЕ И
ВЕСЬ МІРЪ КРЕЩЕНОЙ. СЪ ТВОЕЮ ЛИ СИЛОЮ
СТАТЬ НА ТЫСЯЧУ? БУДЕТЬ ТЫ ПОБЬЕШЬ ТЫ-
СЯЧУ, А ЗА ТЫСЯЧЬЮ ИХЪ СМѢТЫ НѢТЬ. ЗАПО-
ВѢДУЮ ТЕБѢ МОИМЪ СЛОВОМЪ ЗАПОВѢДЬ ВЕЛИ-
КУЮ: НЕ ХОДИТЬ НА УЛИЦУ НА РОГАТИЦУ, НЕ

ВОДИТЬ ДРУЖБУ СЪ УДАЛЫМИ МОЛОДЦЫ, НЕ ПИТЬ СЪ НИМИ ВИНА ДО ПЬЯНА, НЕ ШУТИТЬ СЪ МУЖИКАМИ НОВГОРОДСКИМИ ШУТКИ БОГАТЫРСКИЯ.»

ЧЕСТНОЙ ВДОВЪ АМЕЛѢ ТИМОФЕЕВНѢ, СВОЕЙ РОДНОЙ МАТУШКѢ, ВАСЬКА ПОКЛОНЯЕТСЯ ДО СЫРОЙ ЗЕМЛИ, И ВЪ ОТВѢТЪ ДЕРЖИТЬ ТАКОВЫ РѢЧИ: ОСУДАРИНЯ МОЯ МАТУШКА! НЕ БОЮСЬ СТРАХУ ПОСАДНИКОВЪ, НЕ СТРАШНЫ МНѢ МУЖИКИ НОВГОРОДСКІЕ, БОЮСЬ ТВОЕЙ ВЕЛИКОЙ ЗАПОВѢДИ; СТРАШНО МНѢ ТВОЕ СЛОВО ВЕЛИКОЕ. НЕ ПОЙДУ НА УЛИЦУ НА РОГАТИЦУ, НЕ СВЕДУ ДРУЖБЫ СЪ УДАЛЫМИ МОЛОДЦЫ, НЕ СТАНУ ШУШИТЬ ШУТКИ БОГАТЫРСКИЯ. НЕ ТАЛАНЪ ЖЕ МНѢ СИДѢТЬ ДОМА; НЕ ТАЛАНЪ СИЛУ БЕЗЪ ПРОБЫ ИЗНОСИТЬ. ПРИДЕТЬ ПОРА, УКРОЧУ Я МУЖИКОВЪ НОВГОРОДСКИХЪ, ПРИДУТЬ СЪ ПОКОРИЩЕМЪ ПОСАДНИКИ. ПРИКАЖИ СВОИМЪ СЛО-

ВОМЪ, РОДИМАЯ, НАКУРИТЬ ЗЕЛЕНА ВИНА, НАВА-
РИТЬ МЕДУ ПЬЯНОВА, ПОТЪШИТЬ НОВГОРОДЪ СЪ
МУЖИКАМИ НОВГОРОДСКИМИ.

ПОШЕЛЪ ВАСЬКА ВО ВЫСОКЪ ТЕРЕМЪ, СА-
ДИЛСЯ ОНЪ ВАСЬКА НА РЕМЕНЧАТЫЙ СТУЛЪ, ПИ-
САЛЪ ЯРЛЫКИ СКОРОПИСЧАТЫ, А ВЪ ЯРЛЫКАХЪ
ОТЪ МУДРОСТИ СЛОВО ПОСТАВЛЕНО : « КТО хо-
ЩЕТЪ ПИТЬ ДА ЪСТЬ ГОТОВОЕ — ВАЛИСЬ КЪ
ВАСЬКЪ НА ШИРОКЪ ДВОРЪ, ПЕЙ ЪШЬ ДО СЫ-
ТА, НОСИ ПЛАТЬЕ РАЗНОЦВѢТНОЕ ДО ВЪКУ. А
ШОЛЪ БЫ НА ШИРОКЪ ДВОРЪ НЕ ОБСЫЛАЮЧИ,
ПОНАДѢЮЧИСЬ НА БУЙНУ ГОЛОВУ. » НЕСУТЪ БИ-
РЮЧИ ПО УЛИЦАМЪ ЯРЛЫКИ СКОРОПИСЧАТЫ,
КЛИЧУТЪ КЛИЧЬ ПО УЛИЦАМЪ ШИРОКИМЪ, ПО
ТѢМЪ ЧАСТЫМЪ ПЕРЕУЛКАМЪ. ВЫСТАВЛЯЛЪ
ВАСЬКА У СВОИХЪ БѢЛОКАМЕННЫХЪ ПАЛАТЪ,
У СВОИХЪ ШИРОКИХЪ ВОРОТЪ ЧАНЫ ДУБОВЫЕ,
НАЛИВАЛЪ ВЪ НИХЪ ЗЕЛЕНА ВИНА, МЕДУ ПЬЯ-

НАГО СЪ КРАЯМИ ПОЛНЫ; ОПУСКАЛЪ ВЪ ЧАНЫ
ДУБОВЫЕ ЗОЛОТЫ ЧАРЫ ВЪ ТРИДЦАТЬ ПУДЪ СО
КАМНЯМИ САМОЦВѢТНЫМИ.

Во славномъ было Новѣградѣ, шли лю-
ди грамотные, читали ярлыки скорописча-
ты. Васька сидитъ въ своемъ терему, смо-
трить въ окошко косящатое, чаны стоятъ
не початы, а повольниковъ по улицамъ
нѣтъ. Идутъ гости къ Васькѣ на широкой
дворѣ, къ тому чану, къ зеленому вину, къ
меду пьяному. Идетъ Ѳомка Ременниковъ
къ широку двору — не обсылаючи, подхо-
дитъ къ чанамъ — не спрашаючи, беретъ
золоту чару единой рукой, выпиваетъ еди-
нымъ духомъ. Какъ завидѣлъ то Вась-
ка, бѣжитъ съ висока терема; не одѣваю-
чись, за собой тащитъ червленой вязъ, въ-
сомъ тотъ вязъ во двѣнадцать пудъ и въ

ТОМЪ ЧЕРВЛЕНОМЪ ВЯЗУ ВЪ ПОЛОВИНѢ БЫЛО
НАЛИТО СВИНЦА САРОЧИНСКАГО, И ТУТЪ ВАСЬ-
КА СТАЛЪ ЕГО ТЮМКУ ОПРОБЫВАТЬ, СТАЛЪ ЕГО
БИТИ ЧЕРВЛЕНЫМЪ ВЯЗОМЪ ПО УХУ ПО ПРАВОМУ.
СТОИТЪ ТЮМКА, НЕ ШЕВЕЛѢНЕТСЯ, НА БУЙНОЙ
ГОЛОВѢ КУДРИ НЕ ТРЯХНУТСЯ. ЗАГОРАЕТСЯ РЕ-
ТИВО СЕРДЦЕ У ВАСЬКИ БУСЛАЕВА, ОТЪ ДИВА
РУКИ ОПУСКАЮТСЯ. «ГОЙ ЕСИ ТЫ, ТЮМКА РЕ-
МЕННИКОВЪ,» ГОВОРИТЪ ВАСЬКА БУСЛАЕВЪ!
«А И БУДЬ ТЫ МНѢ НАЗВАННОЙ БРАТЪ, ПАЧЕ
БРАТА РОДИМАГО.» ВЕДЕТЪ ЕГО ВАСЬКА ВО ВЫ-
СОКЪ ТЕРЕМЪ. И ТУТЪ ОНИ КЛАДУТЪ ПРОМЕЖЪ
СЕБЯ СЛОВО КРѢПКОЕ: «БЫТЬ ОДИНЪ ЗА ОДИНЪ;
ПИТЬ ИЗЪ ОДНОЙ ЧАРЫ; НОСИТЬ ЦВѢТНО ПЛА-
ТѢ СЪ ОДНОГО ПЛЕЧА.» И САЖАЕТЪ ЕГО ВАСЬ-
КА ЗА СТОЛЫ ДУБОВЫЕ, ЗА СКАТЕРТИ БРАННЫЯ, ЗА
ЪСТВА САХАРНЫЯ, ЗА ПИТѢЯ МЕДВЯНЫЯ. ПЬЮТЪ,

ПРОХЛАЖАЮТСЯ ОТЪ УТРА ДО ВЕЧЕРА, ОТЪ РА-
НЕЙ УТРЕННЕЙ ЗАРИ, ДО СВѢТУ БѢЛАГО.

ВЕРТИТСЯ у ВАСЬКИ РЕТИВОЕ, ДУМАЕТЪ
ВАСЬКА ДУМУ КРѢПКУЮ, А САМЪ ВЪ ОКОШЕЧКО
КОСЯЩАТОЕ ПОГЛЯДЫВАЕТЪ: НЕ ПРИДЕТЬ ЛИ
КТО КЪ ДУБОВЫМЪ ЧАНАМЪ, НЕ СПРОШАЮЧИ?
ИДЕТЬ, ПЛЫВЕТЪ ПО УЛИЦѢ УДАМЪ ДОБРЫЙ
МОЛОДЕЦЪ ПОТАНЮШКА, МАЛЪ, МАЛЕХОНЕКЪ,
НЕ ВЕЛИЧЕКЪ, НА ОДНУ НОГУ ПРИХРАМЫВАЕТЪ,
НА ГОЛОВКѢ ШАПОЧКУ ОХОРАШИВАЕТЪ, НА ВЫ-
СОКѢ ТЕРЕМѢ ПОГЛЯДЫВАЕТЪ. ПРИХОДИТЬ ОНЪ
ПОТАНЮШКА КЪ ДУБОВЫМЪ ЧАНАМЪ, БРОСАЕТЪ
ЗОЛОТУ ЧАРУ ЗА ВЕРЕЮШКУ, ПОДЫМАЕТЪ ЧАНЪ
СЪ ЗЕЛЕНЫМЪ ВИНОМЪ ЕДИНОЙ РУКОЙ, ВЫПИ-
ВАЕТЪ ЗЕЛЕНО ВИНО ЕДИНЫМЪ ДУХОМЪ ДО СУХА.
ТОЛЬКО И ВИДѢЛИ ЗЕЛЕНО ВИНО. А ВЫПИВШИ
ЗЕЛЕНОВИНО, РАЗБИВАЕТЪ ПОТАНЮШКА ДУБОВЫЙ
ЧАНЪ О СЫРУ ЗЕМЛЮ. И ТОГО ЧАНА ДУБОВАГО

НЕ ОСТАЛОСЯ НИ ПОЩЕПОТКИ. А ВАСЬКА ВЪ
ОКОШКО КОСЯЩАТО НА УДАЛЬ МОЛОДЕЦКУЮ ПО-
СМАТРИВАЕТЪ, ПОСМАТРИВАЕТЪ, ГОРЬКО ПОГЛЯ-
ДЫВАЕТЪ, А ЗАВИДѢВШИ ЕГО ОБЫЧЬИ БОГА-
ТЫРСКІЯ, КРИЧИТЪ ГРОМКИМЪ ГОЛОСОМЪ: «ГОЙ
ЕСИ ТЫ, БРАТЕЦЪ МОЙ **Θ**ОМКА РЕМЕННИКОВЪ!
ПРИШЕЛЪ КЪ НАМЪ УДАЛЬ ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦЪ,
НАШЪ НАЗВАННОЙ БРАТЬ. БЕРИ ТЫ ПАЛИЦЫ
БУЛАТНЫЯ ВО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПУДЪ, БѢГИ СЪ ТЕ-
РЕМА ВЫСОКОВА, ВЪ ШИРОКИ ВОРОТА. БѢГУТЪ
ВАСЬКА СЪ **Θ**ОМКОЮ ВЪ ШИРОКИ ВОРОТА,
БЫЮТЪ ПОТАНЮШКУ ВЪ ЕГО БУЙНУ ГОЛОВУ.
ПОТАНЮШКА СТОИТЪ, НЕ ШЕВЕЛЬНЕТСЯ, ПА-
ЛИЦЫ НА ЩЕПОЧКИ РАЗЛЕТАЮТСЯ, А НА ПОТА-
НЮШКЪ ГОЛОВУШКА НЕ ТРЯХНЕТСЯ. БЕРУТЪ
ПОТАНЮШКУ ПОДЪ БѢЛЫ РУКИ, ВЕДУТЪ ЕГО
НА ШИРОКЪ ДВОРЪ, НА КРЫЛЬЦО КРАСНОЕ, ВО
ТЕРЕМЫ ЗЛАТОВЕРХІЕ. А И ТУТЪ ОНИ ЦѢЛОВА-

лися, и кладуть промежъ себя слово крѣпкое: «Быть одинъ за одинъ; пить изъ одной чары; носить цвѣтно платье съ одного плеча.» И сажаютъ они брата названаго за столы дубовые, за скатерти браныя, за ѣства сахарныя. Пьютъ, прохлаждаются отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари, до свѣту бѣлаго.

А и мало время позамѣшковаши, идутъ къ нимъ гости не спрашаючи, идутъ двѣ боярскіе, Лука да Матвей. Васька молодцамъ сталъ радешенекъ и веселешенекъ. А и мало время позамѣшковаши, пришли мужика Залешана. Единой сходкой входятъ они на широкъ дворъ, единымъ словомъ говорятъ таковы рѣчи: «А у небыло такого удалаго добраго молодца супротивъ Василья Буслаевича, а и нынѣ Васька во терему по-

тѣшается, названными братцами похваляется, а насъ Васька на встрѣчу не встрѣчаетъ, чановъ не вставляетъ.» Тутъ Васька спохватился, что Потанюшка сокрушилъ чаны, что въ укоръ дался мужикамъ Залешанамъ. А и говорить Васька таковы слова: «Есть про васъ чаны дубовые съ зеленымъ виномъ, есть про васъ меды пьяные во подвалахъ. Коли добръ человекъ есть изъ васъ, иди сюда: пей, ѣшь, прохлажайся, съ мной Васькой потѣшайся.» И вошли мужики Залешане къ Васькѣ во высьокъ теремъ. Соходилися, собиралися къ Васькѣ добры молодцы со всѣхъ концовъ, опричь посадской. И было всѣхъ тридцать молодцовъ безъ одинаго, а самъ Васька тридцатой сталъ.

Скоро прослышали мужики посацкіе про

Ваську Буслаева и про его названныхъ братьцовъ, что живутъ они съ нимъ безъ вы-
 ходу, пьютъ, ѣдятъ съ одного стола, но-
 сятъ цвѣтно платье съ одного плеча, гро-
 зятъ грозу всему Новугороду. Собирались
 мужики посацкіе во терема тайницкіе, со-
 бирались, по скамьямъ сѣдидися. А и ма-
 ло время позамѣшкавши, встаетъ тутъ чу-
 денъ старецъ матеръ челоувѣкъ. Мужики Нов-
 городскіе приосамидись, отъ старова до ма-
 лова всѣ били челомъ. А сталъ чуденъ
 старецъ матеръ челоувѣкъ посередъ терема
 тайницкова; на всѣ стороны онъ покланяет-
 ся, сѣду бороду поглаживаетъ, о посохъ
 вязовой опирается и говоритъ слово му-
 дрое: «Вы гой еси, мужики посацкіе! Вѣ-
 домо вамъ дѣтище неудалое, Василий Бу-
 слаевичъ, вѣдомы вамъ его замыслы не»

РЕБЯЦКІЕ, ЗАБАВЫ ЕГО НЕОБЫЧНЫЯ. СОБИРАЕТЪ
ОНЪ НАЗВАННЫХЪ БРАТЦОВЪ, ЖИВЕТЪ СЪ НИМИ
БЕЗЪ УХОДУ, ПЬЕТЪ, ЪСТЪ СЪ ОДНОГО СТОЛА,
НОСИТЬ ЦВѢТНО ПЛАТЬЕ СЪ ОДНОГО ПЛЕЧА,
ГРОЗИТЬ ГРОЗУ ВСЕМУ НОВУГОРОДУ. ПРЕЖЬ
ТОГО ШУТИЛЪ ОНЪ ШУТКИ ВЕЛИКІЯ: СИРОТИЛЪ
ЛЮДЕЙ СМѢТЫ НѢТЪ; А ТЕПЕРЬ ЗАДУМАЛЪ ДѢ-
ЛО ЗЛОЕ: ПРИБИРАЕТЪ НАСЪ ПОДЪ СВОИ РУКИ
КРѢПКІЯ ВЛАДѢТЬ НАМИ НА СВОЕЙ ВОЛѢ.
НЕ ДѢТИШУ РУГАТИСЯ МУЖИКАМЪ ПОСАЦКІИМЪ;
ПОЖИВЕМЪ МЫ ЛЮДИ ПОСАЦКІЕ СВОИМЪ УМОМЪ.
СОЗОВЕМЪ ПИРЬ НА ЦѢЛОЙ МИРЬ ДЛЯ ВАСИЛЬЯ
БУСЛАЕВИЧА. БУДЕТЪ ОНЪ НА ПИРУ, УДАРИМЪ
ЧЕЛОМЪ ОТЪ ВСЕЙ ПОЗЕМЩИНЪ, ПОДНЕСЕМЪ
ЕМУ БРАТИНУ ВИНА ЗАМОРСКАГО. БУДЕТЪ СТА-
НЕТЪ ПИТЬ, ВО ХМѢЛЮ ПРОМОЛВИТСЯ. БУДЕТЪ
ПИТЬ НЕ СТАНЕТЪ, ИНЪ ЗЛО НА НАСЪ МЫСЛИТЬ.
БУДЕТЪ НЕ КОРМИЛЕЦЪ НАМЪ, СОРВЕМЪ ЕМУ

ГОЛОВУ СО МОГУЧИХЪ ПЛЕЧЬ. НАСЪ БЫЛОЙ
 СВѢТЪ НЕ ОХУЛИТЬ, НЕ ПОЛОЖИТЬ НАМЪ ОСТУ-
 ДЫ. НЕ ОДИНЪ ОНЪ ВО НОВЪГОРОДѢ: ПРОМЫ-
 СЛИМЪ ДОБРАГО МОЛОДЦА ПО СЕРДЦУ.» КЛА-
 НЯЛСЯ ЧУДЕНЪ СТАРЕЦЪ МАТЕРЬ ЧЕЛОВѢКЪ НА
 ВСѢ СТОРОНЫ. ПОДНИМАЛИСЬ МУЖИКИ ПОСАЦ-
 СКІЕ СЪ МѢСТЪ СВОИХЪ, КЛАНЯЛИСЬ СТАРЦУ
 ДО ПОЯСУ И ГОВОРИЛИ ВСѢ ВО ЕДИНУ РѢЧЬ:
 «БЫТЬ ПО ТВОЕМУ, КАКЪ ПРИДУМАЛА ТВОЯ ГО-
 ЛОВА УМНАЯ.»

НА ЗАРѢ-ТО БЫЛО НА УТРЕННЕЙ, НА ВСХОДѢ
 КРАСНА СОЛНЫШКА, ПОДЫМАЛИСЬ МУЖИКИ ПО-
 САЦКІЕ, СТАНОВИЛИ СТОЛЫ ДУБОВЫЕ ВО ТѢХЪ
 ТЕРЕМАХЪ ТАЙНИЦКИХЪ, РАЗСТИЛАЛИ СКАТЕРТИ
 БРАНЫЯ, СТАВИЛИ ЪСТВА САХАРНЫЯ, ПРИВОЗИ-
 ЛИ БАДЬИ СЪ ЗЕЛЕНЫМЪ ВИНОМЪ, ДА СЪ МЕ-
 ДОМЪ СЫЧЕНЫМЪ, ПРИХОДИЛИ ГОСТИ ТОРГОВЫЕ
 СЪ ВИНАМИ ЗАМОРСКИМИ, ИИ СЪ ПЬЯНЫМИ, ИИ

съ похмѣльными Идутъ мужики посацкіе къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимофеевнѣ съ честію, просятъ матеру вдову на честной пирѣ, а говорятъ таковы рѣчи: «Гой еси ты, матера вдова, честна жена Амелѣ Тимофеевна! Иди къ намъ на честной пирѣ.» И кланялись мужики Новгородскіе до пояса. Возговорить имъ матера вдова, честна жена Амелѣ Тимофеевна: «Не мое дѣло по пирамъ ходить: было время свѣтлое, погуляла я и натѣшилась, какъ жилъ былъ мое солнышко, осударь Буслай. Подите вы къ моему дѣтищу Василью Буслаевичу; онъ почтитъ вашъ пирѣ своею молодостію.»

Идутъ мужи посацкіе къ Васькѣ Буслаеву во высокъ теремъ, просятъ Ваську съ великою честію на великъ пирѣ, и гово-

рять таковы рѣчи : «Гой еси ты, Василий
 Буслаевичъ! Иди къ намъ на честной пиръ.»
 Выслушавъ рѣчи посольскія, идетъ Васька
 къ матерой вдовѣ, къ честной своей матери
 Амелѣ Тимофеевнѣ спрашивать благосло-
 вения на пиръ идтить къ мужикамъ посад-
 скимъ. Говорить ему честна вдова Амелѣ
 Тимофеевна : «Ты пей, мое дѣтище не до
 пьяна. Мужики посацкіе хитры, лихорад-
 ливы. Не взвидѣшь ты, мое милое дѣти-
 ще, какъ обойдутъ тебя словомъ лестли-
 вымъ. Будеть учнутъ хвалить тебя мужи-
 ки посацкіе : не хвались мое дѣтище —
 лѣта твои малыя. Будеть учнутъ тебѣ по-
 минать про шутки молодецкія : не чини от-
 повѣдь грубую — лѣта твои малыя.» И
 даетъ благословеніе ему матера вдова, че-

стна жена Амелѡа Тимофеевна идтить на пиръ къ мужикамъ посацкимъ.

И чинилъ Васька отповѣдь мужикамъ посацкимъ быть къ нимъ на честной пиръ, одинъ на одинъ. Спровѣдали согласіе мужики посацкіе, собирались въ терема тайницкіе.

Прослышалъ Васька про канунъ варенъ, пива ячныя у мужиковъ посацкихъ, пошелъ въ терема тайницкіе. Встрѣчаютъ Ваську мужики посацкіе, принимаютъ его подъ бѣлы руки, ведутъ во палаты тайницкія, сажаютъ за столы дубовые въ переднемъ углу. Говоритъ Васька мужикамъ посацкимъ: «Гой еси вы, люди степенные, честны мужики посацкіе! Велика честь моей молодости: есть по-старше меня.» И кланялся Васька за честь мужикамъ по-

сацкімъ. И нудили Ваську посацкіе ласковымъ словомъ: «Садись дѣтище! Тутъ сиживалъ твой родимый батюшка, Буслай Довмонтѣевичъ.» И кланялся Васька за честь мужикамъ посацкимъ пуще того. Пустились мужики посацкіе на злорадны хитрости, говорили небылы рѣчи: «Садись дѣтище! сидѣть тебѣ будетъ на отнѣмъ столѣ и править мужиками посацкими по своей волѣ.» За сіе слово Васька спохватается, во передней уголѣ сажается. И стали чевствовать Ваську мужики посацкіе.

Застучали стопы съ зеленымъ виномъ, понеслись ѣства сахарныя. Пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются, въ полпьяна напиваются, рѣчи держатъ крупныя. Одинъ Васька сидитъ не пьянъ, сидитъ, не молвитъ словечушка. Стали мужики посацкіе похваля-

БУ ДЕРЖАТЬ. САТКО МОЛВИТЬ: «А И НѢТЬ НИГДѢ ТАКОГО ВОРОНА КОНЯ, СУПРОТИВѢ МОЕГО СОКОЛА: ОНѢ БРОДУ НЕ СПРАШИВАЕТЪ, РѢКИ ПРОСКАКИВАЕТЪ, ДОЛЫ ПРОМАХИВАЕТЪ, ГОРЫ ПЕРЕЛЕТЫВАЕТЪ.»— ЧУРИЛО МОЛВИТЬ: «А И НѢТЬ ТАКОЙ НИГДѢ МОЛОДОЙ ЖЕНЫ, СУПРОТИВѢ МОЕЙ НАСТАСЬИ АПРАКСѢВНЫ: УЖѢ ОНА ЛИ СТУПИТЬ, НЕ СТУПИТЬ ПО АЛУ БАРХАТУ; ЪСТЬ ЪСТВА САХАРНЫЯ, ЗАПИВАЕТЪ СЫТОЙ МЕДОВОЙ; УЖѢ У МОЕЙ ЛИ МОЛОДОЙ ЖЕНѢ ОЧИ СОКОЛЬИ, БРОВИ СОБОЛЬИ, ПОХОДКА ПАВЛИНАЯ, ГРУДЬ ЛЕБЕДИНАЯ; А И КРАШЕ ЕЕ НѢТЬ НИГДѢ ВО ВСЕЙ ОКОЛИЦѢ ПОДНЕБЕСНОЙ.» КОСТА НОВОТОРЖЕНИНѢ МОЛВИТЬ: А И НѢТЬ НИГДѢ ТАКОГО БОГАЧЕСТВА, СУПРОТИВѢ МОЕГО: ТРИ КОРАБЛЯ ПЛЫВУТЬ ЗА СИННИМИ МОРЯМИ СѢ КРУПНЫМѢ ЖЕМЧУГОМѢ; ТРИ КОРАБЛЯ ПЛЫВУТЬ ПО ЛУКОМОРЬЮ СѢ БОБРАМИ, ДА СѢ СОБОЛЯМИ;

три корабля плывутъ по морю Хвалынско-
му со камнями самоцвѣтными; а златомъ
и серебромъ потягаюсь со всѣмъ Новымъ-го-
родомъ.» Ставръ молвить: а и нѣтъ такого
нигдѣ удалаго молодца супротивъ Ставра:
ѣдетъ онъ въ повѣздѣ богатырскомъ, не вѣ-
тры въ поляхъ поднимаются, не вихри буй-
ные крутятъ пыль черную, выѣзжаетъ силь-
ный могучъ богатырь Ставръ Путятичъ, на
своемъ конѣ богатырскомъ, съ своимъ слу-
гой Акундиномъ. На Ставрѣ доспѣхи рат-
ные словно жаръ горятъ; на бедрѣ виситъ
мечъ-кладенецъ, въ полтора пудъ; въ
правой рукѣ копье булатное; во лѣвой шел-
ковая плетъ, того ли шелку Шемаханскаго;
на конѣ сбруя красна золота. Наѣзжаетъ
Ставръ на Чудь поганую, вскрикиваетъ
богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ мо-

ЛОДЕЦКИМЪ ПОСВИСТОМЪ: СЫРЫ БОРЫ ПРЕКЛО-
 няются, ЗЕЛЕНЫ ЛИСТЫ СЪ ДЕРЕВЪ ОПУСКАЮТ-
 ся; ОНЪ БЬЕТЪ КОНЯ ПО КРУТЫМЪ БЕДРАМЪ:
 БОГАТЫРСКОЙ КОНЬ ОСЕРЖАЕТСЯ, МЕЧЕТЪ ИЗЪ
 ПОДЪ КОПЫТЪ ПО СЫННОЙ КОПНѢ; БѢЖИТЬ ВЪ
 ПОЛЕ — ЗЕМЛЯ ДРОЖИТЬ, ИЗО РТА ПЛАМЯ ВА-
 лить, ИЗЪ НОЗДРЕЙ ДЫМЪ СТОЛБОМЪ. СТАВРЪ
 ГОНИТЬ СИЛУ ПОГАНУЮ: КОНЕМЪ ВЕРНЕТЪ —
 УЛИЦА, КОПЬЕМЪ МАХНЕТЪ — НѢТЬ ТЫСЯЧИ,
 МЕЧЕМЪ ХВАТИТЬ — ЛЕЖИТЬ ТЬМА ЛЮДЕЙ.»

Задумался Васька, а держать думу крѣп-
 кую, слушаетъ рѣчи мужиковъ посацкихъ
 а самъ ни чѣмъ не похваляется. А и тутъ
 посацкіе догадались, догадались, спохва-
 тились, встаютъ со скамьи, а сами мол-
 вятъ: «Ты гой еси дѣтище, Василий Бу-
 слаевичъ! Ты что по что приунылъ сидишь,
 что ни чѣмъ не хвалишься?» Встаетъ Вась-

КА СО СКАМЬИ, ВСТАЕТЪ ВСѢМЪ ПОКЛАНЯЕТСЯ, И ДЕРЖИТЬ ОТПОВѢДЬ: «НА ЧТО МНѢ, МОЛОДЦУ, РАДОВАТИСЯ? ЧѢМЪ ПРЕДЪ ВАМИ ПОХВАЛЯТИСЯ? ОСТАВИЛЪ МЕНЯ, ОСУДАРЬ БАТЮШКА ВЪ СИРОТСТВѢ, А ОСУДАРЫНЯ МАТУШКА ЖИВЕТЪ ВО ВДОВСТВѢ. ЕСТЬ У МЕНЯ ЗОЛОТА КАЗНА, БОГАТСТВА НЕСМѢТНЫЯ; А ТО Я НЕ САМЪ ДОБЫЛЪ: ОСТАВИЛЪ МНѢ ОСУДАРЬ БАТЮШКА, МОИ ЛѢТА МАЛЫЯ, ПОХВАЛЯТИСЯ МНѢ НЕ ЧѢМЪ; ПРИДЕТЬ ПОРА ДА ВРЕМЕНЬ, И Я БУДУ ПОХВАЛЯТИСЯ.»

ОТЪ СЛОВА УМНАГО ВАСЬКИ БУСЛАЕВА МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ ДИВОВАЛИСЯ, СТАЛИ ПРОМЕЖЪ СЕБЯ ПЕРЕШЕПТЫВАТЬ: «ЗЛО ДЕРЖИТЬ ВАСЬКА НА СЕРДЦЕ.» НАЛИВАЮТЪ БРАТИНУ ЗЕЛЕНА ВИНА, СТАВЯТЪ НА СТОЛЫ ДУБОВЫЕ, ОТОШЕДЪ, КЛАНЯЮТСЯ, И ВСѢ ЕДИНУ РѢЧЬ ГОВОРЯТЪ: «КТО ХОЧЕТЪ ДРУЖИТЬ НОВУГОРОДУ, ТОТЪ ПЕЙ ЗЕЛЕНО ВИНО ДО СУХА!» САДЯТСЯ МУЖИКИ ПО-

САЦКІЕ ЗА ДУБОВЫ СТОЛЫ, УСМѢХАЮЧИСЬ, И
 ЖДУТЪ ОТПОВѢДИ ОТЪ ВАСЬКИ. ВСТАЕТЪ ВАСЬ-
 КА, ПОКЛАНЯЕТСЯ, ПРИНИМАЕТЪ БРАТИНУ ВО
 БѢЛЫ РУКИ, ВЫПИВАЕТЪ ЗЕЛЕНО ВИНО ЕДИ-
 НЫМЪ ДУХОМЪ. И СТАЛА БРАТИНА ПУСТА ДО
 СУХА, А ВАСЬКА СИДИТЪ ВЪ ПОЛПЬЯНА. ЗА-
 ИГРАЛА ХМѢЛИНУШКА, ЗАКИПѢЛА КРОВЬ МОЛО-
 ДЕЦКАЯ, И СТАЛЪ ВАСЬКА ПОХВАЛЯТСЯ: «ГЛУ-
 ПЫЕ ВЫ, НЕРАЗУМНЫЕ, МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ!
 ВЗЯТЬ БУДЕТЪ ВАСИЛЬЮ БУСЛАЕВИЧУ НОВГО-
 РОДЪ ЗА СЕБЯ; ПРАВИТЬ БУДЕТЪ МУЖИКАМИ
 ПОСАЦКІИМИ НА СВОЕЙ ВОЛѢ; БРАТЬ БУДЕТЪ
 ПОШЛИНЫ ДАТОЧНЫЯ СО ВСЕЙ ЗЕМЛИ: СЪ ЛО-
 ВУ ЗАЯЧЬЯГО И ГОГОЛИНАГО; СЪ ЗАѢЗЖИХЪ ГО-
 СТЕЙ ПОШЛИНЫ МЫТНЫЯ, А МУЖИКАМЪ ПО-
 САЦКИМЪ ЛЕЖАТЬ У НОГЪ МОИХЪ.»

НЕ ЛЮБЫ СТАЛИ МУЖИКАМЪ ПОСАЦКИМЪ РѢ-
 ЧИ СПОРНЫЯ; ЗАКРИЧАЛИ ВСѢ ВО ЕДИНО СЛОВО:

«МЛАДЪ ЕЩЕ ТЫ ДѢТИЩЕ НЕУДАЛОЕ: НЕЗРѢЛЪ ТВОЙ УМЪ. НЕ БЫВАТЬ ЗА ТОБОЙ НОВУГОРОДУ. ПОТЕРЯТЬ ТЕБѢ БУЙНУ ГОЛОВУ! НЕ ЧЕСТЬ ТЕБѢ СЪ НАМИ ЖИТЬ; НѢТЬ ПРО ТЕБЯ СЪ НАМИ ЗЕМЛИ.»

РАЗГОРАЕТСЯ СЕРДЦЕ МОЛОДЕЦКОЕ ПУЩЕ ПРЕЖНЯГО, РАСПАЛЯЕТСЯ ГОЛОВА БУЙНАЯ. «НЕ ЧЕСТЬ МНѢ СЪ ВАМИ ЖИТЬ — ОТПОВѢДЬ ДЕРЖИТЬ ВАСЬКА — ИДУ СЪ ВАМИ ПЕРЕВѢДАТЬСЯ.» ВСТАЕТЪ ВАСЬКА ИЗЪ-ЗА СТОЛА ДУВОВАГО, ВСТАЕТЪ НЕ КЛАНЯЕТСЯ. И ТОЛЬКО ВИДѢЛИ ЕГО.

СБИРАЮТСЯ ВЪ ТЕРЕМА ТАЙНИЦКІЕ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ, ДУМАЮТЪ КРѢПКУЮ ДУМУ, ПИШУТЪ ЗАПИСИ ПОРУЧНЫЯ: «БИТИСЯ, ДРАТИСЯ СО ВСЕЮ ДРУЖИНОЮ, А ВЪ ВЕЛИКЪ ЗАКЛАДЪ ДЕРЖИМЪ ДАНИ И ВЫХОДЫ ПО ТРИ ТЫСЯЧИ НА ВСЯКЪ ГОДЪ.» И НА ТОМЪ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ РУКИ ПОДПИСАЛИ.

СКОРО СПРОВѢДАЕТЪ МАТЕРА ВДОВА, ЧЕСТНА
ЖЕНА АМЕЛА ТИМОФЕЕВНА, ЧТО ЕЯ ДѢТИЩЕ
ПОХВАЛЯЕТСЯ СЛОВАМИ НЕУДАЛЫМИ, ХОЧЕТЪ
БИТИСЯ СО ВСѢМИ МУЖИКАМИ ПОСАЦКИМИ:
БЕРЕТЪ ОНА ЗОЛОТО БЛЮДО, НАСЫПАЕТЪ НА
НЕГО КАМЕНЬЯ САМОЦВѢТНОВА, ИДЕТЪ КЪ МУ-
ЖИКАМЪ ПОСАЦКИМЪ, А ВО СЛЕЗАХЪ МОЛВИТЬ
РѢЧИ УМИЛЬНЫЯ: «НЕЛЬЗЯ СТОЯТЬ ДѢТИЩУ
МАЛОМУ ПРОТИВЪ ВСЕЙ СИЛЫ НОВГОРОДСКОЙ.»
И КЛАНЯЛАСЬ МУЖИКАМЪ ПОСАЦКИМЪ КАМЕНЬЯ-
МИ САМОЦВѢТНЫМИ, А КЛАНЯВШИСЬ, СТАВИЛА
ЗОЛОТО БЛЮДО НА ДУБОВЫЙ СТОЛЪ. ЗАРТАЧИ-
ЛИСЬ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ: «НАМЪ НЕ НАДОБНО
ЗЛАТА И СЕРЕБРА И КАМЕНЬЯ САМОЦВѢТНОВА:
ДОРОГА ПОХВАЛЬБА БУСЛАЙЧЕНКОВА. НАМЪ НА-
ДОБНА ЕГО ГОЛОВА БУЙНАЯ.» НА ТОМЪ И РѢЧЬ
СТАВИЛИ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ.

НЕ ПОЛАЯ ВОДА ПО ЛУГАМЪ РАЗЛЕЛѢЛАСЬ,
 НЕ БѢЛЫ ЛЕБЕДИ СЪ ВОДѢ ЧИСТЫИХЪ ПОДЫ-
 МАЛИСЯ, СХОДИЛИСЯ, СОБИРАЛИСЯ МУЖИКИ ПО-
 САЦКІЕ, СХОДИЛИСЯ НА УЛИЦУ НА РОГАТИЦУ,
 СОБИРАЛИСЯ РАТЬЮ СИЛЬНОЮ ПРОТИВЪ ВАСЬКИ
 БУСЛАЕВА. ВТАПОРЫ МАТЕРА ВДОВА, ЧЕСТНА
 АМЕЛѢА ТИМОФЕЕВНА ДОГАДАЛАСЯ, СХВАТАЛА
 ВАСЬКУ ВЪ БЕРЕМИЩЕ, КИДАЛА ВЪ ПОГРЕБА
 БѢЛОКАМЕННЫ, ЗАДВИГАЛА ДВЕРИ ЗАСОВАМИ
 ЖЕЛѢЗНЫМИ, ЗАСЫПАЛА ПЕСКАМИ СЫПУЧИМИ.
 СТУЧАТЬ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ ВЪ ВОРОТА ДУБО-
 ВЫЯ, А ОТПОВѢДИ НѢТЬ. И ВЫБИВАЮТЪ ОНИ
 ШИРОКИ ВОРОТА ИЗЪ ПЯТЫ, ВАЛЯТСЯ НА ШИ-
 РОКЪ ДВОРЪ КО КРЫЛЬЦУ РѢШЕТЧАТУ. ВТА-
 ПОРЫ НА ВСТРѢЧУ ИМЪ ВЫХОДИТЬ ИЗЪ ИЗБЫ
 ПРИСПѢШНЫЯ ДѢВКА ЧЕРНАВКА, МАЛЕШЕНЬКА,
 ЧЕРНЕНЬКА; НА ПЛЕЧѢ ВИСИТЬ У НЕЙ КО-
 РОМЫСЛИЦО, НЕ ТЯЖЕЛО, НЕ ВЕЛИКО, ВѢСОМЪ

ВЪ ТРИСТА ПУДЪ, А САМА КРИЧИТЬ: «ОХЪ ВЫ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ, ГЛУПЫЕ, НЕРАЗУМНЫЕ! СМѢТЬ ЛИ БЫ ВАМЪ ХОДИТЬ НА ШИРОКЪ ДВОРЪ НЕ СПРОШАЮЧИ? ПОГОНЮ Я ВАСЪ СЪ ШИРОКА ДВОРА.» ЗА ТАКОЕ ДУРНО УЧАЛИ МУЖИКИ БИТЬ ДѢВКУ ЧЕРНАВКУ ВЪ ДУБИНЫ ВЯЗОВЫЯ. ЗА ТѢ ШУТКИ НЕУМѢСТНЫЯ ДѢВКА О-СЕРЖАЕТСЯ, БРОСАЕТЪ ВЕДРА ДУБОВЫЯ, ХВАТАЕТЪ ВО РУКИ КОРОМЫСЛИЦО ВЯЗОВОЕ, ГОНИТЬ МУЖИКОВЪ ПОСАЦКИХЪ СЪ ШИРОКА ДВОРА НА УЛИЦУ НА РОГАТИЦУ. ГДѢ РАЗЪ МАХНЕТЪ, ТАМЪ УЛИЦА, ГДѢ ДВА МАХНЕТЪ, ТАМЪ УЛИЦА СЪ ПЕРЕУЛОЧКАМИ. ПОБИВАЛА ДѢВКА ТЫСЯЧУ, ДОБИРАЛАСЬ ДѢВКА ДО ТРЕХЪ ПОЛКОВЪ. БѢЛЫ РУКИ ПРИМАХАЛИСЯ, КОРОМЫСЛИЦО ИЗЛОМАЛОСЯ. СТАЛО ДѢВКИ НЕ ВЪ МОЧЬ. БѢЖИТЬ ДѢВКА ВЪ ТЕРЕМА ВЫСОКІЕ, КРИЧИТЬ ДѢВКА: «ВЫ ГОЙ ЕСИ БОГАТЫРИ МОГУЧІЕ! НАПАДАЕТЪ ВСЯ

сила Новгородская на Василья Буслаевича; разломала широки ворота, приступаетъ къ погребамъ бѣлокаменнымъ; хотятъ соимать буйну голову съ Василья Буслаевича.»
Θомка Ременниковъ съ Потанюшкой просыпаются, на всѣ стороны оглядываются, говорятъ дѣвкѣ таковы слова: «не сила-то Новгородская нападаетъ на брата названнаго, на Ваську Буслаева, налетаютъ-то комары изъ болотъ. Не честь будетъ богатырская бродить богатыря отъ болотныхъ мухъ.» А молвивши таково слово, Θомка со Потанюшкой, завернули они буйны головы во подушки пуховыя. Только ихъ и слышали. Завопила дѣвка пуще прежняго. Отъ того ли крика Васька пробуждается; онъ встаетъ, поднимается на рѣзвы ноги, бѣлокаменны погреба распадаются, желѣз-

НЫ ЗАСОВЫ ЛОМАЮТСЯ, ЖЕЛТЫ ПЕСКИ РАЗСЫПАЮТСЯ; ОНЪ ВСКОЧИЛЪ НА ШИРОКЪ ДВОРЪ: НА ДВОРЪ ВСЯ СИЛА НОВОГОРОДСКАЯ. А И НЕ БЫЛО НА ВАСЬКИ СБРУИ РАТНЫЯ, НЕ ПОПАЛАСЬ ЕМУ ПАЛИЦА ЖЕЛѢЗНАЯ, ЧТО ПОПАЛАСЬ ЕМУ ОСЬ ТЕЛѢЖНАЯ: ГОНИТЬ ЕЮ ВАСЬКА МУЖИКОВЪ НОВОГОРОДСКИХЪ НА УЛИЦУ НА РОГАТИЦУ. БЬЮТСЯ МУЖИКИ СЪ ВАСЬКОЮ; ХОЧЕТЪ ВАСЬКА ПОБИТЬ ВСѢХЪ НА ГОЛОВУ. МАХНЕТЪ ВАСЬКА НА ПРАВО — ВСЯ УЛИЦА ПУСТА, МАХНЕТЪ НА ЛѢВО — ВЪ ПЕРЕУЛОЧКАХЪ ПУСТО. УЖЪ УЧАЛЪ ПОБИВАТЬ ВАСЬКА ТРЕТЬЮ ТЫСЯЧУ.

ПРИУНЫЛИ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ, ПОВѢСИЛИ БУЙНЫ ГОЛОВЫ, ИДУТЪ ВЪ ТЕРЕМА ТАЙНИЦКІЕ, НАСЫПАЮТЪ ЗЛАТА И СЕРЕБРА И КАМЕНЬЯ САМОЦВѢТНОВА, ИДУТЪ КЪ МАТЕРОЙ ВДОВЪ, КЪ ЧЕСТНОЙ ЖЕНѢ АМЕЛѢВЪ ТИМОФЕЕВНѢ. КЛОНЯТЪ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ БУЙНЫ ГОЛОВЫ ПРЕДЪ ОКОШКАМИ КО-

сящатыми, а молвятъ во едину рѣчь: «Гой еси ты матера вдова, честна жена Амелѡа Тимофеевна! Прогнѣвили мы, люди глупые, тебя, осударыню, наглубили рѣчью грубою твоему дѣтищу, Василью Буслаевичу. Побилъ онъ рать несмѣтную, грозитъ извести весь Новгородъ. Упроси ты его словомъ ласковымъ оставить людей на семена.» И кланялись мужики посацкіе златомъ и серебромъ и каменьями самоцвѣтными. Отсылала ихъ матера вдова, честна жена Амелѡа Тимофеевна съ нечестіемъ. Вспомнили мужики посацкіе про старчища многолѣтища.

Идутъ мужики посацкіе въ почестной монастырь, буйны головы повѣсили, бьютъ челомъ старчищу многолѣтищу, а просятъ его во едину рѣчь унять шутки неудалыя

Васьки Буслаева. А молвить имъ старчище многолѣтище: " Гой вы еси, мужики посацкіе! побивалъ я рати сильныя, разорялъ грады крѣпкіе; а нопѣсь обуяли меня лѣта древнія; сижу во теремѣ неисходно ровно тридцать лѣтъ. Не моей старости унять шутки неудалыя Васьки Буслаева." И на томъ ставилъ рѣчь свою старчище многолѣтище. И пропѣли мужики посацкіе его пуще прежняго. Старчище со дубовой скамьи подымается, словно соколъ молодой воздымается, не беретъ онъ ни палицы булатныя, ни сѣруи ратныя, а надѣваетъ на голову колоколъ во триста пудъ вмѣсто шапочки, и идетъ на улицу на Рогатицу.

Добивалъ Васька третью тысячу, а добивши Васька бѣжить по улицамъ широкимъ. Стоитъ тутъ старчище многолѣти-

А

V V V

А А А

V V V

ЩЕ, НА МОГУЧИХЪ ПЛЕЧАХЪ ДЕРЖИТЬ КОЛОКОЛЬ
 ВО ТРИСТА ПУДЪ , БЕЗЪ СБРУИ РАТНЫЯ , БЕЗЪ
 ПАЛИЦЫ БУЛАТНЫЯ. Кричитъ тотъ старчище
 многолѣтище: «А и стой ты, Васька, не
 попархивай, молодой глаздырь не полеты-
 вай, изъ Волхова воды не выпити, во Новъ-
 градъ людей не выбити; есть молодцовъ
 супротивъ тебя. Стоимъ мы, молодцы, не
 хвастаемъ, не шутимъ шутки неудалыя.»
 Отъ таковыхъ рѣчей Васька разсержается,
 а молвить таково слово: «А и гой еси ты,
 старчище многолѣтище! А и бился я о ве-
 ликъ закладъ со мужики Новгородскими,
 опричь почестнаго монастыря, опричь те-
 бя старчища многолѣтища. Въ задоръ вой-
 ду—тебя убью.» И ударилъ Васька стар-
 чища во колоколь тою осяю тельжною.
 Качается старецъ, шевелится, ко сырой зе-

А І АА

У І УУ І

А І АА І

У І УУ І

мѣ клонится. Заглянулъ онъ Васька старцу подъ колоколъ, а во лбѣ глазъ ужъ вѣку нѣту. И просить Ваську старчище многолѣтище дать животъ на успокаянѣе. Поднимаетъ Васька старчища со сырой земли, обнимаетъ его во бѣлыхъ рукахъ и отпускаетъ на покой со честію.

Пошелъ Васька по Волхвѣ рѣкѣ, по той улицѣ по Волховой, завидѣли его удалы молодцы, Ѡомка со Потанюшкой. У ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ думушки прибыло. Молодой Васька сталъ выручать ихъ.

Втапоры мужики посацкіе вспознали бѣду неминучую, идутъ во терема тайницкіе, пишуть крѣпки записи: «быть Новугороду за Ваською Буслаевымъ.» Насыпаютъ чашу чистаго серебра, а другую чашу красна зо-

ЛОТА СО КАМЕНЬЯМИ САМОЦВѢТНЫМИ, ИДУТЬ
 КЪ МАТЕРОЙ ВДОВѢ, КЪ ЧЕСТНОЙ ЖЕНѢ АМЕЛ-
 ОВЪ ТИМОФЕЕВНѢ. ПРИШЛИ ОНИ КЪ ТЕРЕМУ
 ВЫСОКОМУ, БЬЮТЪ ЧЕЛОМЪ, ПОКЛАНЯЮТСЯ :
 «Осударыня матушка! ПРИИМАЙ ТЫ ДОРОГИ
 ПОДАРОЧКИ, А УЙМИ СВОЕ ЧАДО МИЛОЕ МОЛОДА
 ВАСИЛЬЯ СО ДРУЖИНОЮ. А И РАДИ МЫ ПЛА-
 ТИТЬ НА ВСЯКЪ ГОДЪ ПО ТРИ ТЫСЯЧИ, НА ВСЯКЪ
 ГОДЪ БУДЕМЪ НОСИТЬ СЪ ХЛѢБНИКОВЪ ПО ХЛѢ-
 БИКУ, СЪ КАЛАЧНИКОВЪ ПО КАЛАЧИКУ, СЪ МО-
 ЛОДИЦЪ ПОВѢНЕЧНОЕ, СЪ ДѢВЦИЦЪ ПОВАЛЕШНОЕ,
 СО ВСѢХЪ ЛЮДЕЙ СО РЕМЕСЛЕННЫХЪ, ОПРИЧЬ
 ПОПОВЪ И ДЬЯКОНОВЪ.» И НА ТОМЪ СТАВИЛИ
 РЪЧЬ СВОЮ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ.

ВПАПОРЫ МАТЕРА ВДОВА, ЧЕСТНА ЖЕНА
 АМЕЛОА ТИМОФЕЕВНА ОПОСЫЛАЕТЪ ДѢВКУ ЧЕР-
 НАВКУ ПРИВЕСТИ ВАСЬКУ СО ДРУЖИНОЮ. И ПО-
 ШЛА ТА ДѢВКА ЧЕРНАВКА ПО ВАСЬКУ, А ИДЕТЬ

дѣвка, запыхается, нельзя дѣвки по улицѣ пройти: полтеи по улицѣ валяются отъ мужиковъ Повогогородскихъ. Прибѣжала дѣвка чернавка, схватила Ваську за бѣлы руки, учала ему разсказывать: «не вѣдаешь ты, милое дѣтище, что пришли мужики Новгородскіе, принесли они дороги подарочки, и принесли записи поручныя ко твоей осударынѣ матушкѣ, къ матерой вдовѣ, къ честной женѣ Амелѣ Тимофеевнѣ.» И на томъ дѣвка своєю рѣчь ставила. Ведеть дѣвка Ваську со друженою на широкъ дворъ, приводитъ дѣвка Ваську къ зеленоу вину. И сѣли молодцы во единъ кругъ, выпивали по чарѣ зелена вина съ съ того ўразу молодецкаго. Кричитъ Оомка Ременниковъ со Потанюшкой: «У мота, у пьяницы, у молода Васьки Буслаевича

НЕ УПИТО, НЕ УЪДЕНО, ВКРАСѢ ХОРОШО НЕ
УХОЖЕНО, ЦВѢТНА ПЛАТЯ НЕ УНОШЕНО, УВИ-
ЧЬЕ НА ВѢКЪ ЗАЛЕЧЕНО.» И ПОВЕЛЪ ИХЪ
ВАСЬКА ОБЪДАТИ КЪ ОСУДАРЫНЪ МАТУШКЪ, КЪ
МАТЕРОЙ ВДОВЪ, КЪ ЧЕСТНОЙ ЖЕНЪ АМЕЛѢ ТИ-
МОФЕЕВНЪ. ВТАПОРЫ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ КЛАЛИ
ЗАПИСИ ПОРУЧНЫЯ НА БУЙНЫ ГОЛОВЫ, ПРИНО-
СИЛИ ДОРОГИ ПОДАРОЧКИ: ВДРУГЪ СТО ТЫСЯЧЕЙ.
И ЗА ТѢМЪ У НИХЪ МИРОВА ПОШЛА. И СЪ
ТОЙ ПОРЫ МУЖИКИ ПОСАЦКІЕ ПОКЛОНИЛИСЯ,
ПОКЛОНИЛИСЯ, САМИ ПОКОРИЛИСЯ,

16. ВЪ НАШЕМЪ СПИСКѢ ЭТА ПЬЕСА СОЕДИ-
НЕНА ВМѢСТѢ; НО ВЪ ИЗДАНИИ КАЛАЙДОВИЧА
ПОМѢЩЕНА ОТДѢЛЬНОЮ СТАТЬЕЮ.

17. ПРО АЛЕШУ ПОПОВИЧА ЕСТЬ У НАСЪ
СКАЗКА НАРОДНАЯ. ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢ ВСЕГО, ЧТО
ЭТА СКАЗКА ИМѢЕТЪ СХОДСТВО СЪ ИЗВѢСТНОЮ

Мало - Русскою повѣстью : « ПАНЪ ТВЕР-
ДОВСКІЙ. »

18. Мнѣ не извѣстна народная сказка
про Соловья Будиміровича; но есть сказка
о купцѣ Соловьѣ, сынѣ гостинѣ, Ива-
новичѣ, которая начинается такъ :

« Жилъ былъ купецъ Соловей, сынъ го-
стиной, Ивановичъ. Не было у Соловья ни
роду, ни племени, а было у Соловья злата
и серебра и каменья самоцвѣтнаго съ три
корабля. Жилъ Соловей во своемъ терему,
и захотѣлось Соловью поѣхать за триде-
сять земель, въ тридесятое царство, людей
посмотрѣть, себя показать. И снаряжаетъ
Соловей три корабля досчатые, златомъ и
серебромъ исполненные, поволоками оби-
тые, каменьями самоцвѣтными изукрашен-
ные. Одинъ корабль Соловей бралъ за се-

бя, и на два корабля скликалъ повольни-
 цу. И поѣхалъ Соловей по морю синему,
 по лукоморью зеленому. Ъхали долго и
 скоро, побывали во всѣхъ царствахъ и госу-
 дарствахъ, и заѣхали во чуденъ градъ. Беретъ
 Соловей свою золоту казну, сорокъ черныхъ
 соболей, другой сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
 И бросали сходни молодцы корабельщичи
 на крутъ бережекъ, окупали мытное и по-
 валежное по семи алтынъ со всякаго соро-
 ка, со всѣхъ кораблей, со всего живота;
 только утаили дорогъ товаръ—золотчату кам-
 ку—узерь хитеръ, а были на камки хитро-
 сти Царяградскія, мудрости Іорданскія, за-
 мыслы купца Соловья, сыну гостинаго,
 Ивановича. И всходитъ Соловей на крутъ
 бережекъ, и спрашиваетъ Соловей коннаго и
 пѣшаго про чуденъ градъ. Никто Соловью

НЕ СКАЖЕТЪ СЛОВЕЧКА. ИДЕТЬ СОЛОВЕЙ ПО
 УЛИЦЪ, ИДЕТЬ ПО ДРУГОЙ, СТОИТЬ ТЕРЕМЪ ИЗУ-
 КРАШЕННОЙ. И СПРОШАЕТЪ СОЛОВЕЙ КОННА-
 ГО И ПЪШАГО ПРО ТЕРЕМЪ ИЗУКРАШЕННОЙ.
 НИКТО СОЛОВЬЮ НЕ СКАЖЕТЪ СЛОВЕЧКА. И
 ИДЕТЬ СОЛОВЕЙ НА ШИРОКЪ ДВОРЪ, А ПОСРЕ-
 ДИ ДРОРА СИДИТЪ КАЛЕЧИЩА НЕ ВЪ УРОСТЬ
 ЧЕЛОВЪЧЬ: ТУЛОВИЩЕ ПОПЕРЕГЪ О СЕМИ ОХВАТЪ,
 ГОЛОВА СО ПИВНОЙ КОТЕЛЪ, НОГИ СО ДУБОВЫ
 КОЛОДЫ, А ВМѢСТО ШАПКИ НА КОЛЕЧИЩЪ
 ГРЫЕЪ МУХОЯРЬ. И СПРОШАЛЪ СОЛОВЕЙ КАЛЕ-
 ЧИЩА: ТЫ СКАЖИ ДОБРЪ ЧЕЛОВЪКЪ — КАКЪ
 ТЕБЯ ЗВАТЬ ПО ИМЕНИ, КАКЪ ВЕЛИЧАТЬ ТЕБЯ
 ПО ИЗОТЧЕСТВУ? — И НЕ ГОВОРИТЪ КАЛЕЧИЩА
 НИ СЛОВЕЧКА, А ТОЛЬКО БОДАЕТЪ НОГОЙ И
 ИДЕТЬ СОЛОВЕЙ ПО ШИРОКОМУ ДВОРУ, И ВСХО-
 ДИТЪ СОЛОВЕЙ НА КРЫЛЕЧКО ХРУСТАЛЬНОЕ СО
 ЗЛАТЫМИ ПЕРИЛЬЦАМИ. ПОПЕРЕГЪ КРЫЛЬЦА

сидитъ птица Гагана — носъ желѣзной. И
спрошалъ Соловей птицу Гагану провъ-
щать человѣчьимъ голосомъ: а и кто жи-
ветъ въ терему въ изукрашенномъ? — И не
въщаетъ птица Гагана — носъ желѣзной че-
ловѣчьимъ голосомъ, а клюетъ птица Га-
гана — носъ желѣзной свое тѣло бѣлое. И-
детъ Соловей во палаты бѣлокаменные.
Всходитъ въ палаты бѣлокаменные, а въ
тѣхъ палатахъ сидятъ сильны могучи бо-
гатыри. И спрашалъ Соловей сильныхъ мо-
гучихъ богатырей: а и кто изъ васъ боль-
шой-набольшой? — Никто Соловью не
скажетъ словечка. И идетъ Соловей во
други палаты бѣлокаменные, а въ тѣхъ
палатахъ сидятъ три старца. И спраша-
лъ Соловей трехъ старцовъ: а и кто изъ васъ
матерь человѣкъ? — Никто Соловью не

скажетъ словечка. И идетъ Соловей во третью палаты бѣлокаменные, а во тѣхъ палатахъ сидитъ князь со княгинею. И билъ челомъ Соловей князю: клалъ сорокъ сороковъ черныхъ соболей, княгинѣ клалъ сорокъ сороковъ бурнастыхъ лисицъ. Никто Соловью не скажетъ словечка. И вымолвляетъ Соловей таковы рѣчи: «Не прикажи, осударь, казнить, рубити, а прикажи слово вымолвить. Бѣхалъ я, Осударь, тридцать три года, съ кораблей не слезаючи, а нигдѣ не слыхалъ про твой чуденъ градъ. Спросалъ я твоихъ могучихъ сильныхъ богатырей со тремя старцами про твой, Осударь, чуденъ градъ, про твои палаты бѣлокаменные, никто Соловью не скажетъ словечка.» — Не было отповѣди Соловью. И съ диву дивовался Соловей. И еидитъ Соло-

ВЕЙ НА СТѢНѢ ЯРЛЫКИ СКОРОПИСЧАТЫ, А ВЪ
 ТѢХЪ ЯРЛЫКАХЪ СЛОВО ПОСТАВЛЕНО ОТЪ МУ-
 ДРОСТИ, ЧУДНА ПОВѢСТЬ ПРО КУПЦА СОЛОВЬЯ,
 СЫНА ГОСТИНАГО, ИВАНОВИЧА. И СЪ ДИВУ ДИ-
 ВОВАЛСЯ СОЛОВЕЙ, КАКЪ СПРОВѢДАЛИ ПРО ЕГО
 ЗОЛОТЧАТУ КАМКУ. И ВИДИТЬ СОЛОВЕЙ — И-
 ДУТЬ СЪ ЕГО КОРАБЛЕЙ МОЛОДЦЫ КОРАБЕЛЬ-
 ЩИКИ, ВО РУКАХЪ НЕСУТЬ ЗОЛОТЧАТУ КАМКУ.
 И ВСХОДЯТЬ МОЛОДЦЫ КОРАБЕЛЬЩИКИ, НА
 ШИРОКЪ ДВОРЪ, НЕ СПРОШАЮЧИ, ПОДХОДЯТЬ
 КЪ КАЛЕЧИЩУ, НЕ КЛАНЯЮЧИ. КАЛЕЧИЩЕ ПО-
 ДЫМАЕТСЯ, ШИРОКЪ ДВОРЪ ПОТРЯСАЕТСЯ. ВОЗ-
 ГОВОРИТЬ КАЛЕЧИЩЕ: КАКЪ СМѢТЬ ИДТИТЬ НА
 ШИРОКЪ ДВОРЪ НЕ СПРОШАЧИ! — И КЛАНЯЛИСЬ
 МОЛОДЦЫ КОРАБЕЛЬЩИКИ КАЛЕЧИЩУ. » ТЫ СКА-
 ЖИ НАМЪ ДОБРЪ ЧЕЛОВѢКЪ : КТО ПОЛОНИЛЪ
 КУПЦА СОЛОВЬЯ, ТОГО ЛИ СЫНА ГОСТИНАГО,
 ИВАНОВИЧА ? ПРИНЕСЛИ МЫ ЗА НЕГО ДОРОГЪ

выкупъ: золотчату камку. Пропадаетъ онъ Соловей три дня и три ночи.» — Калечище подымается, широкъ дворъ потрясается. И говоритъ калечище: того ли купца Соловья, того ли сына гостинаго, Ивановича — слыхомъ не слыхано, видомъ не видано. — И всходятъ молодцы корабельщики на хрустальное крылечко, не спрашаючи, подходятъ къ птицѣ Гагану — носъ желѣзной, не кланяючи. Птица Гагана — носъ желѣзной подымается, крылечко хрустально потрясается. Провѣщаетъ птица Гагана — носъ желѣзной человѣчьимъ голосомъ: какъ смѣть идтить на крылечко хрустальное не спрашаючи? — И кланялись молодцы корабельщики птицѣ Гагану — носъ желѣзный. » Ты скажи птица Гагана — носъ желѣзный: кто полонилъ купца Соловья, того ли сына

гостинаго, Ивановича? Принесли мы за него дорогъ выкупъ: золотчату камку. Пропадаетъ онъ Соловей три дня и три ночи.» Провѣщаетъ птица Гагана—носъ желѣзный челоувѣчимъ голосомъ: того ли купца Соловья, того ли сына гостинаго, Ивановича, слыхомъ не слыхано, видомъ не видано.— И всходятъ молодцы корабельщики во палаты бѣлокаменные, не спрашаючи, подходятъ къ сильнымъ могучимъ богатырямъ, не кланяючи. Сильны могучи богатыри подымаются, бѣлокаменны палаты потрясаются. Возговорятъ сильны могучи богатыри: какъ смѣтъ идтить во бѣлокаменны палаты, не спрашаючи?—И кланялись молодцы корабельщики сильнымъ могучимъ богатырямъ.» Скажите намъ сильны могучи богатыри: кто полонилъ купца Соловья,

того ли сына гостинаго, Ивановича? При-
несли мы за него дорогъ выкупъ: золотча-
ту камку. Пропадаетъ онъ Соловей три
дня и три ночи.» — И возговорятъ сильны мо-
гучи богатыри: того ли купца Соловья, то-
го ли сына гостинаго, Ивановича слыхомъ
не слыхано, видомъ не видано. И входятъ
молодцы корабельщики въ другія бѣлока-
менны палаты, не спрашаючи, подходятъ
къ тремъ старцамъ, не кланяючи. Старцы
подымаются, бѣлокаменны палаты потря-
саются. Возговорятъ старцы: какъ смѣтъ
идтить во бѣлокаменны палаты, не спро-
шаючи? — И кланялись молодцы корабельщи-
ки тремъ старцамъ.» Скажите намъ три
старца: а и кто полонилъ купца Соловья,
того ли сына гостинаго, Ивановича? При-
несли мы за него дорогъ выкупъ: золотча-

ту камку. Пропадаетъ онъ Соловей три дня и три ночи.» — Возговорятъ три старца: того ли купца Соловья, того ли сына гостинаго, Ивановича — слыхомъ не слыхано, видомъ не видано. — И всходятъ молодцы корабельщики въ третьи бѣлокаменны палаты, не спрашаючи, подходятъ къ князю съ княгинею, не кланяючи. Князь со княгинею поднимаются, бѣлокаменны палаты потрясаются. Возговоритъ князь со княгиною: какъ смѣтъ идтить во бѣлокаменны палаты, не спрашаючи? — И кланялись молодцы корабельщики князю со княгинею, клали дорогъ выкупъ за купца Соловья, за того ли сына гостинаго, Ивановича. Возговоритъ князь со княгинею: а кто таковъ на бѣломъ свѣтѣ купецъ Соловей, гостинной сынъ, Ивановичъ? — А и тотъ Соловей,

Осударь, предъ тобой стоитъ. — И кланялся купецъ Соловей, гостиной сынъ, Ивановичъ, князю со княгинею, а кланявшись, говоритъ Соловей: не прикажи Осударь рубить, казнити, а прикажи слово вымолвити. Былъ я, Соловей, во всѣхъ царствахъ и государствахъ, а такого чуда слухомъ не слыхивалъ, видомъ не видывалъ: спалъ я безъ просыпу три дня и три ночи, а привидѣлся мнѣ чуденъ сонъ. Сидитъ богатырь во теремѣ изукрашенномъ, за столы дубовыми, за скатертми браными, за ѣствами сахарными, сидитъ одинъ, одиногочекъ. Слетались птицы невѣдомыя, хватали ѣства сахарныя. Только и видѣлъ птицъ. Сходились люди невѣдомые, хватали скатерти браныя. Только и видѣлъ людей. Собирались звѣри невѣдомые, хватали сто-

лы дубовые. Только и видѣлъ звѣрей. При-
 ходить чуденъ старецъ, мать челоувѣкъ,
 малъ, малехонекъ, и кладетъ заповѣдь ве-
 ликую: не пить зелена вина тридцать три
 года, не ѣсть ѣства сахарнова тридцать
 три лѣта. Только и видѣлъ чуднова стар-
 ца, матера челоувѣка. И просидѣлъ я трид-
 цать три года, питья не испиваючи, ѣства
 не вкушаючи. — Чуденъ твой сонъ, купецъ
 Соловей — возговорить князь со княгинею
 — а чародѣйны твой умильны словеса. Что
 богатырь сидитъ во теремѣ, то я во пала-
 тѣ бѣлокаменной сидѣлъ тридцать три го-
 да, не вставаючи, питья не испиваючи, ѣст-
 ва не вкушаючи. Что слетались птицы не-
 вѣдомыя, что хватали ѣства сахарныя, то
 сила басурманская побиваетъ мои силы
 несмѣтныя. Что сходилися люди невѣдо-

МЫЯ, ЧТО ХВАТАЛИ СКАТЕРТИ БРАНЫЯ, ТО ЦА-
РИ НЕВѢДОМЫЕ ПОБИВАЮТЪ МОИХЪ БОГАТЫРЕЙ.
ЧТО СОБИРАЛИСЯ ЗВѢРИ НЕВѢДОМЫ, ЧТО ХВА-
ТАЛИ ДУБОВЫ СТОЛЫ, ТО ПРИХОДИЛИ НАРОДЫ
НЕВѢДОМЫЕ, УВОДИЛИ МОИХЪ СЫНОВЕЙ. ЧТО ЗА-
ПОВѢДАЛЪ ЗАПОВѢДЬ ЧУДЕНЪ СТАРЕЦЪ, МАТЕРЬ
ЧЕЛОВѢКЪ, ТО КАЛЕЧИЩЕ ПОСЕРЕДѢ ДВОРА.»

19. Про Ивана гостинаго сына есть на-
родная сказка, которая начинается такъ:

«По крытымъ бережкамъ, сыпучимъ, по
низовымъ верховьямъ, широкимъ, плыветъ
суденышко, а во томъ во суденышкѣ си-
дитъ Иванъ гостиной сынъ; на кормѣ си-
дитъ повольница; посередъ суденышка ле-
житъ золота казна полнымъ полна; а все-
то суденышко со дорогими товарами — со
соболями, кунницами. А и ѣдетъ Иванъ го-
стиной сынъ ко городу ко Мурому, ко тому ли

ГОРОДУ СЛАВНОМУ, КО МУЖИКАМЪ ПОСАЦКИМЪ
СО ДОРОГИМИ ТОВАРАМИ. ПЛЫВЕТЪ СУДЕНЫШ-
КО, НЕ КОЛЫХНЕТСЯ, ЪДУТЬ ДОБРЫ МОЛОДЦЫ,
НЕ ПЕЧАЛЯТСЯ. НИ ВѢТРЫ БУЙНЫЕ ВО ПОЛЕ
ПОДЫМАЛИСЯ, НЕ ЧЕРНЫ ВИХРИ ЗАВИВАЛИСЯ.
А НИ ДУМАНО, НИ ГАДАНО ПОЯВИЛАСЬ УДАЛАЯ
ПОЛЯНИЦА НА ТРЕХЪ СУДЕНЫШКАХЪ ВЕРХОВЫ-
ИХЪ, А ХОЧЕТЪ УДАЛАЯ ПОЛЯНИЦА ПОЛОНИТЬ
СУДЕНЫШКО СО ДОРОГИММ ТОВАРАМИ, А ХОЧЕТЪ
РАЗЛУЧИТЬ ПОВОЛЬНИЦУ СЪ ЖИВОТОМЪ. ВОЗГО-
ВОРИТЬ ИВАНЪ ГОСТИНОЙ СЫНЪ: «А ГОЙ ЕСИ
ПОВОЛЬНИЦА НОВГОРОДСКАЯ, ДОБРЫ МОЛОДЦЫ
ТОРЖСКОВСКІЕ! БЕРИТЕ ВЫ МЕЧИ КЛАДЕННЫЕ,
БЕЙТЕ УДАЛУЮ ПОЛЯНИЦУ, ПОЛОНИТЕ СУДЕ-
НЫШКО ВЕРХОВОЕ.» ВЫНИМАЛА ПОВОЛЬНИЦА
МЕЧИ КЛАДЕННЫЕ, СОБИРАЛАСЬ ВО ЕДИНЪ КРУГЪ,
ВЫЗЫВАЛА НА БОЙ АТАМАНА МОЛОДЦА СО ВСЕЙ
ПОЛЯНИЦЕЙ. ПЛЫВУТЬ, ВЕЗУТЬ СУДЕНЫШКИ

ВЕРХОВЫЯ АТАМАНА МОЛОДЦА, ТОГО ЛИ АТАМАНА, ЧТО ПОЛОНЪ ПОЛОНИТЬ ТРИДЦАТЬ ТРИ ГОДА, ЧТО САИРАЕТЪ ПЕНИ МЫТНЫЯ СО ВСѢХЪ ГОРОДОВЪ. КАКЪ НА ПЕРВОМЪ СУДЕНЫШКѢ СИДИТЬ АТАМАНЪ НА КОРМѢ, КАКЪ НА ВТОРОМЪ СУДЕНЫШКѢ СИДИТЬ УДАЛАЯ ПОЛЯНИЦА, КАКЪ НА ТРЕТЬЕМЪ СУДЕНЫШКѢ ЛЕЖИТЬ ЗОЛОТА КАЗНА, ПЕНИ МЫТНЫЯ. ВОЗГОВОРИТЬ АТАМАНЪ: «А И ГОЙ ЕСИ, УДАЛА ПОЛЯНИЦА, ДОБРЫ МОЛОДЦЫ ПРОѢЗЖІЕ! ЪЗДИЛИ МЫ ПО СИНЮ МОРЮ, НЕ СПРОШАЮЧИ, БРАЛИ ПЕНИ МЫТНЫЯ СО ВСѢХЪ ГОРОДОВЪ БЕЗЪ ПОБОИЩА, А НЫНѢ ЪДЕТЬ СУПРОТИВЪ НАСЪ ГРОЗЕНЪ ПОСОЛЪ, ВО БѢДНЫХЪ РУКАХЪ ДЕРЖИТЬ КОПЬЕ БУЛАТНОЕ, ГРОЗИТЬ БѢДОЮ НЕМИНУЧУЮ. БЕРИТЕ ВЫ МЕЧИ БУЛАТАНЫЕ, РУБИТЕ РАТЬ НЕВѢРНУЮ, ПОЛОНИТЕ ГРОЗНА ПОСЛА.» НЕ ВѢТРЫ БУЙНЫЕ ВО ПОЛЕ ЦОДЫМАЛИСЯ, НЕ ЧЕРНЫ ВИХРИ ЗАВИВАЛИСЯ,

соѣзжались суденышки верховыя посередь
 рѣки. А и гой еси, вы люди добрые! —
 Возговорить удала поляница, добры молод-
 цы проѣзжіе: а и кто плыветъ супротивъ
 атамана, того ли атамана, что полонъ по-
 лонить тридцать три года, что собираетъ
 пени мытныя со всѣхъ городовъ? Будетъ
 грозенъ посолъ, соимаемъ мы ему буйну го-
 лову со могучихъ плечъ. Будетъ повольница
 Новгородская — платитъ пени мытныя. —
 Возговорить Иванъ гостиной сынъ: «не
 грозенъ посолъ ѣдетъ губить поляницу
 удалую, а ѣдетъ-то Иванъ гостиной, со то-
 варами во Муромъ градъ. Будетъ платитъ
 пени мытныя во княжу казну золотой ка-
 зной. Не страшны ваши рѣчи неудалыя,
 не корыстны слова злорадливыя. Стоимъ
 мы молодцы, не хвастаемъ, а пени мыт-

НЫЯ ВАМЪ НЕ ДАДИМЪ.» Застучали мечи булатныя, потонули суденышки верховыя со поляницей. На кормъ сидитъ Иванъ гостиной сынъ; подъ кормой лежитъ атаманъ злодѣй.

По крытымъ бережкамъ, сыпучимъ, по низовымъ верховьямъ, широкимъ, плыветъ суденышко не величко, а во томъ во суденышкѣ сидитъ Иванъ гостиной сынъ, на кормъ сидитъ повольница; посередъ суденышка лежитъ золота казна полнымъ полна, а все-то суденышко со дорогими товарами — со соболями, куницами. А и ѣдетъ Иванъ гостиной сынъ ко городу Кіеву, ко тому ли городу стольному, ко князю Владиміру, къ ясному солнышку Кіевскому. Плыветъ суденышко, не колыхнется, ѣдутъ добры, не печалются. Подъѣзжаетъ Иванъ

гостиной сынъ ко городу Кіеву, ко тому
ли городу стольному; бросають сходни на
круть бережокъ; платять пени мытныя во
княжу казну золотой казной; выимають до-
роги товары на причалины дубовыя; отби-
рають сорокъ сороковъ бурнастыхъ лисицъ,
сорокъ сороковъ Закамскихъ куницъ. Идетъ
Иванъ гостиной сынъ ко теремамъ злато-
верхимъ ко князю Владиміру, стольному
князю Кіевскому поклонитися, а за нимъ
несетъ повольница сорокъ сороковъ бурна-
стыхъ лисицъ, сорокъ сороковъ Закамскихъ
куницъ. Входитъ онъ Иванъ гостиной сынъ
на широкъ дворъ, спрашаючи, идетъ во
терема златоверхіе, обсылаючи. Втапоры
у князя Владиміра было пированье, почест-
ной пиръ про князей-бояръ, про могучихъ
богатырей. Встаетъ воевода Кіевскій изъ-

ЗА ДУБОВЫХЪ СТОЛОВЪ, А ГОВОРИТЬ ТАКОВУ
 РѢЧЬ: «ГОЙ ЕСИ ТЫ, ВЛАДИМІРЪ КНЯЗЬ СТОЛЬ-
 НЫЙ, КРАСНОЕ СОЛНЫШКО КІЕВСКОЕ! СОИЗ-
 ВОЛЬ, ОСУДАРЬ, ВЫСЛУШАТЬ РѢЧИ ВѢСТНЫЯ!
 ИЗЪ ТВОЕГО-ЛЬ ЦАРСТВА СЛАВНАГО ПРИБЫЛО
 КО СТОЛЬНОМУ ГОРОДУ КІЕВУ СУДЕНЫШКО, А
 НА ТОМЪ СУДЕНЫШКѢ ИВАНЪ ГОСТИНОЙ СЫНЪ
 СО ДОРОГИМИ ТОВАРАМИ. ПЛАТИЛЪ ОНЪ ИВАНЪ
 ГОСТИНОЙ СЫНЪ ПЕНИ МЫТНЫЯ ВО КНЯЖУ КА-
 ЗНУ ЗОЛОТОЙ КАЗНОЙ, А ТЕБѢ, ОСУДАРЬ, ДОРО-
 ГИМИ ПОДАРОЧКАМИ КЛАНЯЕТСЯ.» — ВОЗГОВО-
 РИТЬ ВЛАДИМІРЪ КНЯЗЬ, СТОЛЬНЫЙ КІЕВСКІЙ:
 «ГОЙ ЕСИ ТЫ, ВОЕДВОДА КІЕВСКІЙ! ЛЮБА
 ТВОЯ РѢЧЬ ВѢСТНАЯ. ОПОШЛИ СКОРѢЙ СЛУГЪ
 ВѢРНЫХЪ КЪ ТОМУ ЛИ ИВАНУ СЫНУ ГОСТИ-
 НОМУ.

ИДУТЪ СЛУГИ ВѢРНЫЕ, А ЗА НИМИ ИДЕТЪ
 ИВАНЪ ГОСТИНОЙ СЫНЪ ВО ТЕРЕМЪ КНЯЖЕНЕЦ-

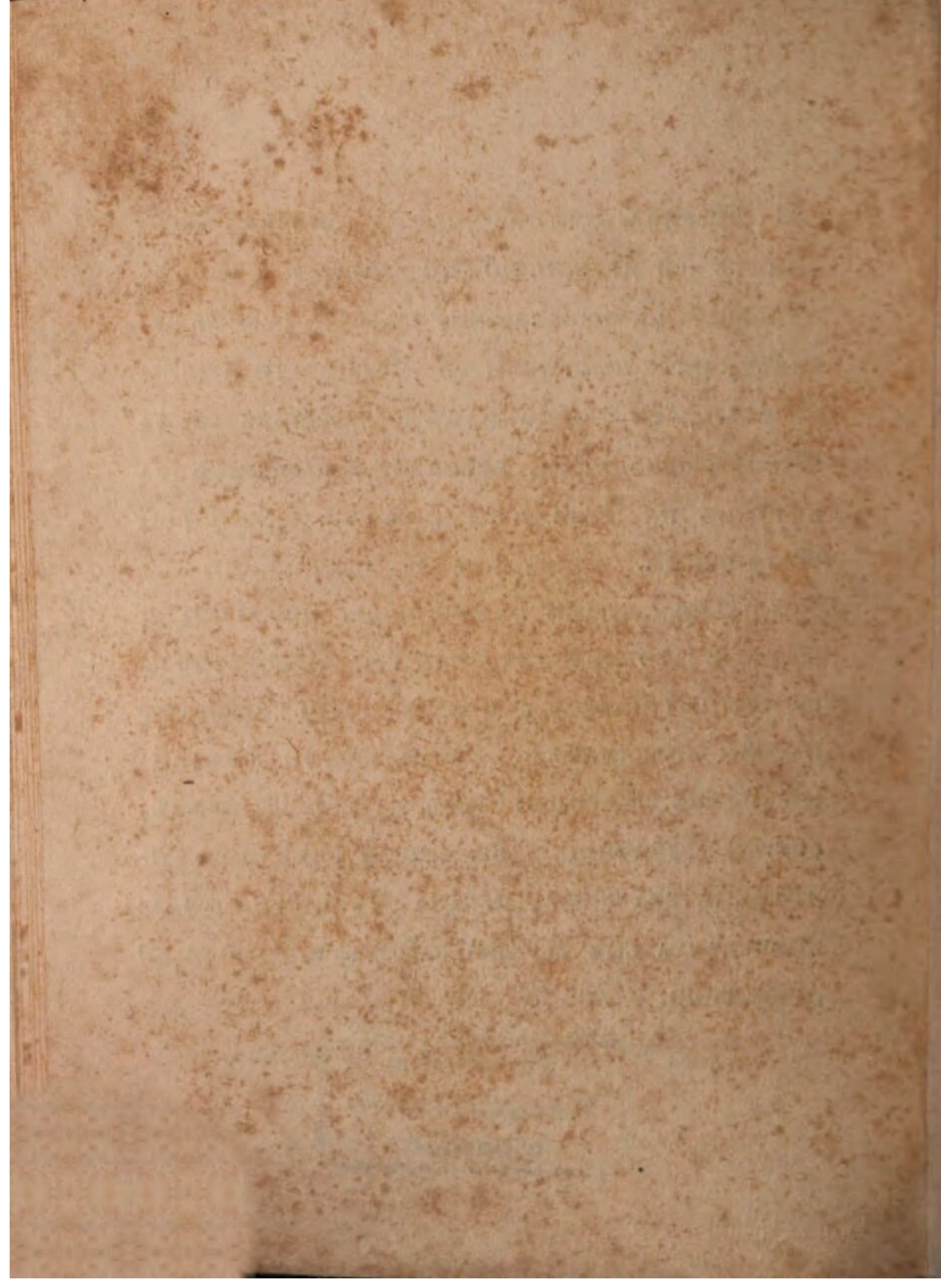
кой, иконамъ молится, челомъ бьетъ до низу, Владиміру князю стольному Кіевскому кланяется дорогими подарочками, а кланявшись кладетъ: сорокъ сороковъ бурна-
стыхъ лисицъ, сорокъ сороковъ Закамскихъ
куницъ. Возговоритъ Владиміръ князь столь-
ный Кіевскій: «гой еси ты, Иванъ гости-
ной сынъ! Займуй дворы боярскіе, служи
вѣрой со правдою, а я за то тебѣ пожалую.»

20. Существуетъ ли народная сказка про
Чурила Пленковича, мнѣ неизвѣстно; но
судя по другимъ сказкамъ, гдѣ часто
встрѣчается слышать имя Чурилы — она
должна быть. Правда, Русь велика, какъ
неизмѣримы воды морскія. Чего не случи-
лось видѣть одному, то посчастливится
сыскать другому. Мы приводимъ только
два сказочные отрывка о Чурилѣ.

1. Чурила дѣтина малъ , невеличекъ , ходить со дружиною по лѣсамъ заповѣданнымъ , не обсылаючи , колить , рубить деревья , не спрашаючи. У Чурилѣ-то дубина вязовая , во триста пудъ ; шапочка-то на Чурилѣ соболіная , соболей закамскихъ , а кафтанъ на Чурилѣ-то дорогой камки Цареградской.

2. Прослышали князья-бояре про Чурилу , про удалого молодца , что его дворъ стоитъ на семи вѣрстахъ , что на семи верстахъ о семи свѣтлицахъ. Во первой-то свѣтлицѣ сидитъ чуденъ старецъ матеръ чловѣкъ , старой Пленчища ; во другой свѣтлицѣ сидитъ матера жена , честна Настасья Апраксѣвна ; а всѣ теремы занимаетъ Чурила со дружиною.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
І. БЫЛИНЫ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ:	
Добрыня Никитичъ	1
Илья Муромецъ.	45
Василій Буслаевъ	59
Алеша Поповичъ	94
Соловей Будимировичъ	114
Иванъ гостиный сынъ.	131
Чурила Пленковичъ	140
ИЗСЛѢДОВАНИЕ О СЛОВѢ ИГО-	
РЕВА ПОЛКА.	154
Открытие сборника Мусинымъ-Пушки-	
нымъ ; первое извѣстіе о Словѣ ;	
сомнѣніе Шлецера	157

Изданія Слова: 1—Мусинымъ-Пушки-	
нымъ, 2—А. С. Шишковымъ, 3—	
Пожарскимъ, 4—Грамматинымъ, 5—	
А. С. Шишковымъ, 6—Н. А. По-	
левымъ, 7—Вельтманомъ, 8—Ма-	
ксимовичемъ	160

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ

Слова: Мусина-Пушкина съ товари-	
щами; А. С. Шишкова; Пожар-	
скаго; Грамматина; Вельтмана; Ма-	
ксимовича	161

ПЕРЕВОДЫ ВЪ СТИХАХЪ Сло-

ва: Свряковымъ, Палицынымъ, Яз-	
вицкимъ, Левитскимъ, Граммати-	
нымъ.	163

Образцы переводовъ Слова: Мусина-	
Пушкина, А. С. Шишкова, Пожар-	

скаго, Вельтмана, Максимовича, Ле-	
витскаго, Грамматина	164
Иностранные переводы . , , . .	168
КРИТИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ	
Русскихъ писателей о Словѣ: сомнѣ-	
нія о достовѣрности Слова	169
Изысканія Мусина-Пушкина	177
— — — — А. С. Шишкова	182
— — — — Пожарскаго	185
— — — — Грамматина	188
— — — — Вельтмана.	192
— — — — Максимовича.	198
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДО-	
ВАНІЯ ЗАЩИТНИКОВЪ Сло-	
ва о полку Игоревомъ.	203
Мусина-Пушкина	204
А. С. Шишкова	207

	Стр.
К. Θ. Калайдовича	211
Пожарскаго	216
Н. М. Карамзина	218
Буткова	222
Зедергольма	228
Н. А. Полеваго.	229
Максимовича	233
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВА-	
ВАНІЯ СКЕПТИКОВЪ, ОПРО-	
ВЕРГАЮЩИХЪ ДОСТОВѢ-	
РЕННОСТЬ СЛОВА	244
М. Т. Каченовскаго	246
Бѣликова -	960
Возраженіе Руссова скептикамъ . . .	266
П. М. Строева	267
И. П. Давыдова	—
Неизвѣстнаго.	271

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ . 277

СРАВНЕНІЯ РУССКИХЪ БЫЛИНЪ. 304

ЧЕРВОНО-РУССКІЯ:

Нечай 307

Романъ 312

Козубай 314

Дорошъ. 316

МАЛО-РУССКІЯ:

Калпашъ 322

О Ѳедоръ Безродномъ. 324

Наливайко. 327

БОГЕМСКІЯ:

Ярославъ 334

СЕРБСКІЯ:

Османъ Шеовичъ 353

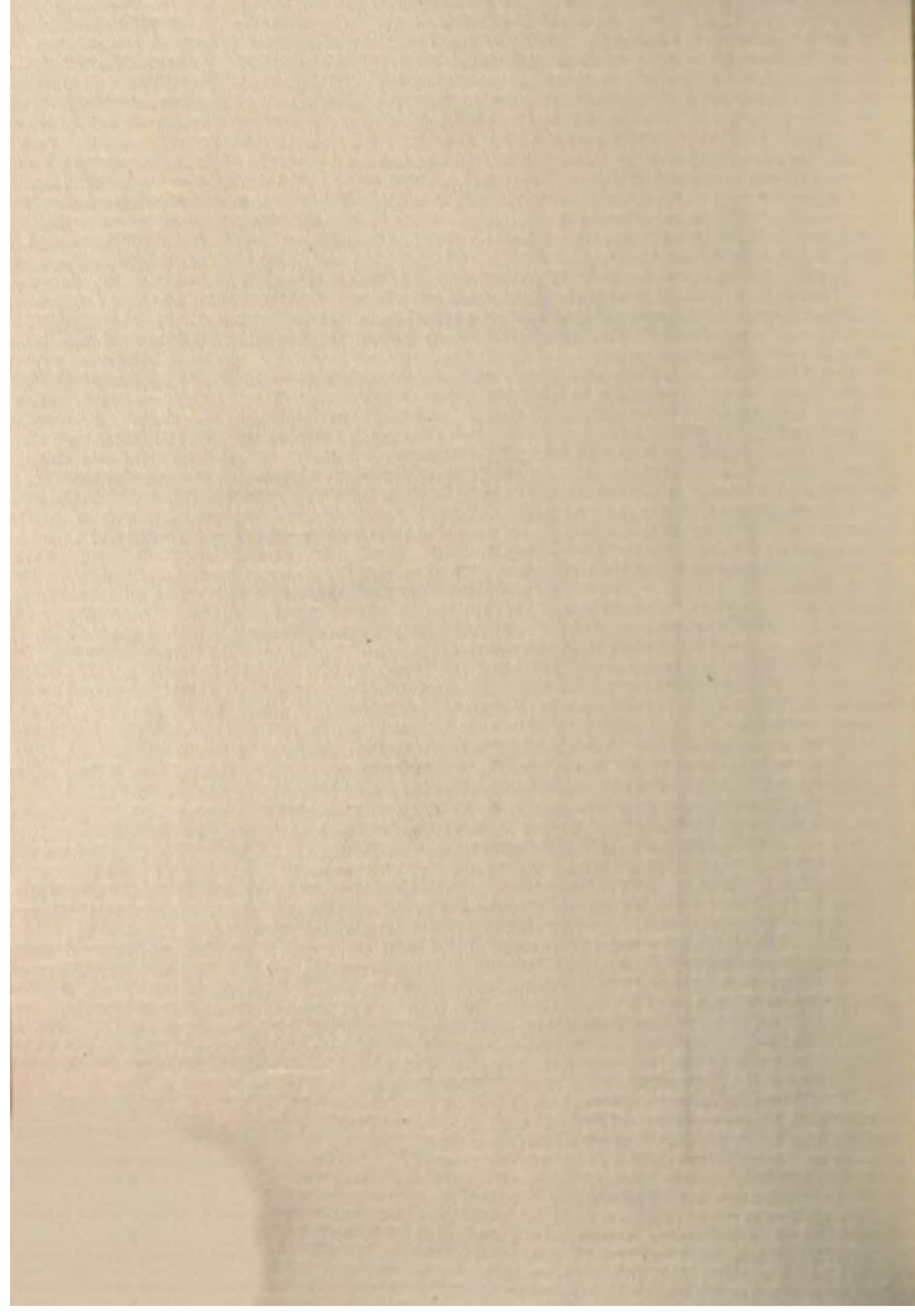
СЛОВАЦКІЯ 370

ПРИМѢЧАНІЯ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ:

Добрыня Никитичъ.	384
Змѣй Горынчища	406
Илья Муромецъ	409
Василій Буслаевъ	420
Соловей сынъ гостиной Ивановичъ	457
Иванъ гостиной сынъ.	469

Sacharov, Ivan P.,

Pěsni russkago naroda

Bd.: 5. (Byliny russkich ljudej). - 1839. - XVI, 484 S.

Sanktpeterburg 1839

P.o.russ. 66 w-5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610119-6